И. М. Концевичъ

Истоки душевной катастрофы Л. Н. Толстого

МЮНХЕНЪ
1960

И. М. Концевичъ

Истоки душевной катастрофы Л. Н. Толстого

Мюнхенъ
1960

Типографія Обители преп. Іова Почаевскаго
въ Мюнхенѣ — Оберменцингѣ.

ВВЕДЕНІЕ.

... Но Сынъ Человѣческій пришедши, найдетъ ли вѣру на землѣ? (Лук. XVIII, 8).

Усиливается вниманіе къ Толстому. О немъ больше говорятъ, пишутъ. Парижъ соорудилъ ему памятникъ. Въ какой-то мѣрѣ это оживленіе связано съ тѣмъ, что ученіе Толстого корнями уходитъ въ индуизмъ. Онъ и особо извѣстенъ въ Индіи. Ганди переписывался съ Толстымъ и признавалъ его «своимъ». [1]) Индуизмъ же теперь въ почетѣ, его звѣзда восходитъ на западномъ небосклонѣ. Журналъ «Лайфъ» (февраль 1955 г.) сообщаетъ, что въ недавнемъ выпускѣ «The Christian Century» (вліятельнаго протестантскаго журнала въ Америкѣ) Филиппъ Ашби изъ Принцентонскаго Ун-та писалъ: «Нѣкто почтенный и выдающійся среди индусскихъ христіанъ, высокопоставленный въ кругахъ Совѣта Мірового Христіанства, подѣлился со мною своимъ убѣжденіемъ, что ученіе индуизма о равнозначности религій можетъ на протяженіи какихъ-нибудь 25-ти лѣтъ затопить міръ. По его мнѣнію, этотъ тезисъ конгеніаленъ европейскому и американскому мышленію. Индуизмъ считаетъ себя представителемъ XX вѣка, тогда какъ христіанство и магометанство это — не больше, какъ экстрактъ религіозной исключительности, долженствующей исчезнуть изъ современнаго міра».

Начиная съ прошлаго столѣтія рядъ выдающихся вождей индуизма преобразовываетъ и модернизируетъ его.

---

[1]) РомэнъРолланъ въ книгѣ своей «Махатма Ганди» замѣчаетъ, что Тагоръ при сравненіи Толстого и Ганди считалъ послѣдняго ближе себѣ и, кажется, озареннѣе — ибо у Ганди все природно: простота, скромность, чистота; борьба его облечена въ высокія одежды. У Толстого же всюду мятежъ: гордость идетъ противъ гордости; страсть противъ страсти; все у него — сопротивленіе — даже само непротивленіе.

Это были энергичный, европейски образованный, Рамахунъ Рой, затѣмъ Кесхабъ, а также Тагоръ и его сынъ, всемірно извѣстный поэтъ. Главнымъ же организаторомъ современнаго неоиндуизма явился Вивекананда, ученикъ мистика Рамакришны.

Имъ всѣмъ извѣстно христіанство, они многое заимствуютъ у него: напримѣръ, нагорную проповѣдь. Индуизмъ всегда проявлялъ большую способность поглощать новыя идеи, примѣняться къ новымъ условіямъ. Нынѣ онъ откликнулся на современное требованіе соціальныхъ реформъ. При посредствѣ миссіи Рамакришны, онъ все болѣе занимается доселѣ чуждой ему филантропіей, народной гигіеной, воспитаніемъ дѣтей.

Миссіи Рамакришны существуютъ не только въ Индіи, но и во всѣхъ главныхъ центрахъ міра. Въ Соединенныхъ Штатахъ ихъ насчитывается до 12-ти.*) Цѣль ихъ—прозелитизмъ. «Они вѣрятъ въ универсализмъ своей религіи, въ то, что индуизмъ покоритъ умъ и сердце современнаго человѣка, и не стѣсняются объявлять объ этомъ» («Лайфъ»).

Индуизмъ проповѣдуется, о немъ пишутъ статьи и книги, читаютъ лекціи, его можно встрѣтить въ программѣ кинематографа. Характерно, что по случаю 50-лѣтняго юбилея Ротари Клуба были выпущены почтовыя марки, изображающія буддійское «колесо закона» съ девизомъ «служить».

Тяготѣніе къ восточнымъ религіямъ въ христіанскомъ мірѣ связано съ упадкомъ духовности. Характеренъ расколъ въ протестантскомъ мірѣ по поводу новаго перевода Священнаго Писанія. Происходитъ раздѣленіе на «фундаменталистовъ», стоящихъ за старый переводъ, утверждающій въ своихъ текстахъ Божество Христа, и на «модернистовъ», готовыхъ не признавать Христа Богомъ. Съ отказомъ отъ вѣры въ Божество Христа легко потонуть въ объятіяхъ «общей матери всѣхъ религій».

Толстой занимаетъ свое мѣсто въ міровомъ процессѣ возврата къ язычеству, подготовляя ему почву разрушеніемъ христіанской вѣры, подобно тому, какъ раньше «своимъ острымъ и глубокимъ литературнымъ плугомъ онъ разрыхлилъ русскую почву для революціи, которая, по словамъ его сына Льва Львовича, «была подготовлена и морально санкціонирована имъ» (Митрополитъ Анастасій).

---

*) Такъ было въ 1955 г., теперь значительно больше.

Своими идеями о единой мiровой религiи Толстой отвѣчаетъ вкусамъ времени. «Мысли мудрыхъ людей» и другiе его сборники не являются ли попыткой положить начало этой религiи, выбравъ все основное изъ всѣхъ религiй, философовъ и мыслителей?

Итакъ, проблема Толстого снова передъ нами. Между тѣмъ, и въ нашей русской средѣ, какъ это ни странно, встрѣчаешь до сихъ поръ самое разнообразное отношенiе къ нему, вплоть до утвержденiя проф. прот. Зѣньковскаго (въ его «Исторiи Русской Философiи»), будто «Толстой былъ горячимъ и искреннимъ послѣдователемъ Христа».

О Толстомъ много сказано. Серьезная критика давно уже показала несостоятельность его ученiя съ богословской и философской точки зрѣнiя. Это сознавалъ и самъ Толстой. За 20 дней до своей смерти онъ записываетъ въ дневникѣ по поводу одной книги: «Общее ученiе запутано, хуже, чѣмъ у меня». Сознанiе, что ему не удалось построить религiозно-философской системы и что все надо сызнова начинать, не покидало его и въ предсмертные часы: «искать, искать», повторялъ онъ. Въ протоколѣ, составленномъ врачами, читаемъ: «Около 2-хъ часовъ дня (6-го ноября 1910 г., наканунѣ смерти) неожиданное возбужденiе. Сѣлъ на постели и внятнымъ голосомъ сказалъ окружающимъ: «Вотъ конецъ, и ничего!» Еще ранѣе онъ говорилъ (4-го ноября): «Не понимаю, что мнѣ дѣлать». Эти его слова, и другiя, свидѣтельствуютъ о душевной растерянности его въ послѣднiя минуты.

Пройдя долгiй путь «богоискательства», на склонѣ дней своихъ Толстой понялъ, что обманывалъ себя и другихъ, когда въ 80 гг. вообразилъ, будто онъ открылъ истину и держитъ ее въ рукахъ. Послѣ долгихъ трудовъ надъ рацiонализацiей христiанства, съ освобожденiемъ его отъ мистики и догматовъ, онъ остываетъ къ нему. Объ этомъ свидѣтельствовалъ его секретарь Булгаковъ. Объ этомъ повѣствуютъ многiе его бiографы. Такъ, Эльмеръ Модъ, его личный другъ, сообщаетъ: «Его убѣжденiя медленно измѣнялись . . . По мѣрѣ ознакомленiя съ восточными писанiями (индiйскими и китайскими), онъ въ конечномъ итогѣ дознался того существеннаго, что лежитъ въ корнѣ великихъ религiй, которыя раздѣлены и раздроблены суевѣрными вѣрованiями. И онъ сталъ менѣе и менѣе придавать значенiе самой личности Христа, точной фразеологiи и дѣйствительнымъ словамъ Евангелiя». Далѣе Модъ приводитъ извѣстное письмо Толстого къ Бирюкову (1900) по поводу

книги проф. Веруса, гдѣ высказывается предположеніе, что Христосъ никогда не существовалъ какъ историческая личность. Въ глазахъ Толстого укрѣпляется положеніе, что «нравственно ученіе добра истекаетъ не отъ одного источника во времени и пространствѣ Христа, но отъ всей духовной жизни человѣчества въ цѣломъ».

То же подтверждаетъ французскій писатель Ромэнъ Ролланъ (біографъ Толстого, пріѣзжавшій въ Ясную Поляну): «По мѣрѣ того, какъ Толстой старѣлъ, это чувство единства религіозной истины, проходящей черезъ человѣческую исторію, и родство Христа съ другими мудрецами, начиная отъ Будды — и до Канта и Эмерсона — все болѣе возрастало, доходя до того, что Толстой, въ послѣдніе годы жизни, оправдывался, что у него не было никакого предпочтенія къ христіанству».

Въ журналѣ «Теософъ» отъ 16-го янв. 1911 г. напечатано письмо Толстого къ художнику Яну Стыкѣ (отъ 27 іюля 1909 г.). «Доктрина Іисуса», пишетъ онъ, «является для меня только одною изъ прекрасныхъ доктринъ религіозныхъ, которыя мы получили изъ древности египетской, еврейской, индусской, китайской, греческой. Главное въ принципѣ Іисуса: любовь къ Богу, т.е. абсолютное совершенство, и любовь къ ближнему, т.е. ко всѣмъ людямъ безъ исключенія, были проповѣданы всѣми мудрецами всего свѣта: Кришна, Будда, Лао-Тзе, Конфуцій, Сократъ, Платонъ, Эпиктетъ, Маркъ Аврелій и между новыми: Руссо, Паскаль, Кантъ, Эмерсонъ, Чанингъ и многіе другіе. Истина религіозная и нравственная вездѣ и всегда одна и та же, у меня нѣтъ предпочтенія къ христіанству. Если я особенно интересовался доктриной Іисуса, то это, во-первыхъ, потому, что я родился и жилъ между христіанами и во вторыхъ, находилъ большое умственное наслажденіе въ томъ, чтобы извлекать чистую доктрину изъ поразительной фальсификаціи, производимой церквами».

Эта работа Толстого, пусть и доставлявшая ему «умственное наслажденіе», не представляла научной цѣнности. Проф. Диллонъ (филологъ), лично его знавшій, переводчикъ нѣкоторыхъ его произведеній на англійскій языкъ, свидѣтельствуетъ: «Какъ ученый богословъ, онъ не имѣлъ подъ собою почвы. Онъ не изучалъ ни греческаго, ни еврейскаго языка въ университетѣ и его спазмодическія усилія изучить языки на старости лѣтъ дали плохіе результаты».

Такого же мнѣнія держится Назаровъ въ своемъ біографическомъ очеркѣ на англійскомъ языкѣ «Толстой, этотъ

непостоянный генiй». «Плохое, дилетантское знанiе греческаго языка и упрямое, безсознательное желанiе найти въ Евангелiяхъ только то, что подходитъ къ его рацiоналистическому умственному вкусу, даетъ ему случай находить «безчисленныя ошибки», нарушающiя истинный смыслъ документа. Онъ ревностно замѣняетъ ихъ своими, предполагаемыми правильными версiями. Что же явилось результатомъ этихъ поправокъ? Въ его глазахъ онъ огроменъ: Христосъ, увѣрялъ Толстой, никогда не претендовалъ быть бо́льшимъ, чѣмъ человѣкъ. Болѣе того, Христосъ никогда не говорилъ о какомъ бы то ни было мистическомъ, сверхъестественномъ «вздорѣ», приписанномъ ему переводчиками и часто Евангелистами (они были, видите ли, малообразованные люди, а поэтому Толстой часто «поправляетъ» и ихъ). Самъ Толстой, когда упоминаетъ о «царствѣ небесномъ», только имѣетъ въ виду воцаренiе добра между людьми и безсмертiе человѣческаго духа; Толстой отвергаетъ съ раздраженiемъ самую мысль, будто Онъ могъ вѣрить въ какой-либо небесный рай. Чудеса? Воскресенiе изъ мертвыхъ? Ахъ, не понимаете вы развѣ, что все это выдумка современниковъ и, особенно, этой . . . [1]) Магдалины?»

«Конечно, принять, или не принять слова Христа — есть дѣло вкуса. Но развѣ Толстой не чувствовалъ, что безусловное вытюживанiе изъ нихъ мистицизма есть явное искаженiе, а не толкованiе ихъ? Нѣтъ! Чѣмъ дальше онъ идетъ, тѣмъ больше возгорается энтузiазмомъ: онъ искренно вѣритъ, что онъ первый человѣкъ, которому удалось соскоблить съ «безцѣнной старинной картины» послѣднiе слои краски, подъ которой она была сокрыта. Таковы негативные результаты Толстовскаго «анализа». На этой очищенной почвѣ онъ строитъ собственнаго Бога и свою религiю».

В. С. Соловьевъ сущности ученiя Толстого даетъ такое опредѣленiе: вся эта работа надъ искаженiемъ Новаго Завѣта есть просто недоразумѣнiе. Онъ совѣтуетъ Толстому замѣнить «галилейскаго раввина» «отшельникомъ изъ рода Шакiевъ», т. е. Буддой, который возвѣщаетъ все, что Толстому нужно: пустоту, непротивленiе, недѣланiе, трезвость и т. д. При этомъ онъ выигралъ бы въ искренности и въ послѣдовательности и не былъ бы вынужденъ на каждомъ шагу разрывать связь отдѣльныхъ изреченiй Писанiя съ ближайшимъ контекстомъ и съ цѣлой книгой, которая

[1]) Мы затрудняемся воспроизвести кощунственн ыя слова Толстого

наполнена и насквозь проникнута чуждымъ ему положительнымъ духовнымъ содержаніемъ, отрицающимъ и древнюю и новую пустоту.

Работа надъ Евангеліемъ была, впрочемъ, лишь переходнымъ фазисомъ въ богоискательствѣ Толстого. Съ годами «онъ уже не удовлетворенъ широкой, недогматической интерпретаціей христіанства, онъ искалъ чего-то болѣе широкаго и болѣе раціоналистическаго. Исходя изъ отправной точки, что божественная искра разума должна быть одна и та же у всѣхъ людей и что, слѣдовательно, послѣднее слово истины лежитъ не только въ христіанствѣ, но также и въ другихъ религіяхъ, онъ погрузился въ пророковъ, буддизмъ, браманизмъ, конфуціонизмъ, пытаясь найти въ нихъ эти уровни мистическаго единства. Онъ пришелъ къ нѣкой широкой, но очень субстанціальной пан-религіи, которая можетъ быть сведена къ простой формулѣ: живи аскетически и не дѣлай зла; тогда послѣ смерти достигнешь сліянія съ Божествомъ — «Универсальнымъ Духомъ».

«Но у него имѣются и другія мысли. Къ старости возникаютъ моменты, когда онъ дальше не могъ себя обманывать: его вѣра въ Универсальный Духъ и всегда была и остается шаткой. Онъ хочетъ вѣрить всѣмъ своимъ существомъ, но . . . вотъ какія записи попадаются въ дневникахъ: «Однажды я спросилъ себя: вѣрю ли я на самомъ дѣлѣ? Вѣрю ли я, что смыслъ жизни лежитъ въ исполненіи Божіей воли, что это будетъ состоять въ увеличеніи любви въ насъ самихъ и въ мірѣ, и что, содѣйствуя этому увеличенію, этому сліянію всѣхъ предметовъ любви, я готовлю себѣ вѣчную жизнь? И инстинктивно я отвѣтилъ, что не вѣрю въ такой ясной, опредѣленной формѣ. Во что же я вѣрю? — спросилъ я себя; и искренно отвѣтилъ, что я вѣрю, что надо быть добрымъ, нужно смиряться, прощать, любить. Въ это я вѣрю всѣмъ существомъ».

«Однажды онъ подумалъ о томъ, что слѣдовало бы «отбросить совершенно идею о Богѣ», но тутъ же почувствовалъ себя такимъ несчастнымъ и одинокимъ» въ мысляхъ и рѣшилъ, что Богъ необходимъ.

«До послѣдняго дня своей жизни онъ будетъ повторять слово «Богъ». Но вѣра, потрясенная такими сомнѣніями, не есть уже вѣра. Толстой безнадежно вращается въ томъ заколдованномъ кругѣ, въ какой долженъ попасть фатально каждый раціоналистическій мыслитель. Онъ не способенъ вѣрить въ сверхъестественнаго Бога, въ Божественное существо, потому что такой Богъ противорѣчитъ

его раціональному разсудку. Но онъ еще менѣе можетъ вѣрить въ логически выведеннаго синтетическаго Бога, въ «Универсальный Духъ», ибо онъ сознаетъ, что такой Богъ есть не что иное, какъ созданіе его же разсудка. Какъ мало что въ итогѣ остается отъ его ревностныхъ 25-тилѣтнихъ исканій (Назаровъ).

Это — крушеніе! «Онъ отвергъ Церковь, ибо отрицалъ человѣка. Онъ хотѣлъ остаться наединѣ со здравымъ смысломъ... Гордость и самоуничиженіе странно смыкаются въ этомъ нигилизмѣ отъ здраваго смысла. И даже такой наблюдатель, какъ Горькій, сумѣлъ за этимъ «злѣйшимъ нигилизмомъ» распознать и различить «безконечное, ничѣмъ не устранимое отчаяніе и одиночество» . . . (Прот. Проф. Флоровскій).

Что же было причиною этого? Прежде всего Толстой является жертвой раціоналистической эпохи, какъ типичный ея представитель. Но чтобы понять Толстого, надо разобрать и его душевное «устроеніе», т.е. его душевныя свойства, подходъ къ жизни и къ правдѣ, его эмоціональную сферу.

Толстой претендовалъ на присущее ему пониманіе высшихъ духовныхъ истинъ. Подходилъ онъ, однако, къ этимъ вопросамъ исключительно раціоналистически, отрицая всякую духовность, всякій мистическій опытъ называя «вздоромъ». Между тѣмъ, изъ мистическаго опыта восточныхъ христіанскихъ аскетовъ извѣстно, что постиженіе высшихъ духовныхъ реальностей возможно лишь всѣми силами души (а не однимъ только разумомъ), по возстановленіи цѣльности личности, достигаемой въ аскетическомъ подвигѣ. Нашей задачей и будетъ разсмотрѣть путь жизни Толстого по отдѣльнымъ этапамъ назрѣвавшей душевной катастрофы. Самъ Толстой является предметомъ нашего разбора, а не его ученіе, давно подвергнутое серьезной критикѣ.

I

ПЕРІОДЪ ИСКАНІЙ.
1828 — 1878.

(До разрыва съ Церковью).

«И сбывается надъ ними пророчество Исаіи, которое говоритъ: слухомъ услышите и не уразумѣете; и глазами смотрѣть будете и не увидите» (Мѳ. XIII, 14—15).

«Ибо огрубѣло сердце людей сихъ, и ушами съ трудомъ слышать, и глаза свои сомкнули, да не обратятся, чтобы Я исцѣлилъ ихъ» (Ис. VI, 9—10).

Толстой родился въ 1828 году. Онъ рано осиротѣлъ и былъ воспитанъ благочестивыми тетками, не имѣвшими на него глубокаго вліянія. Въ сущности, его никто по-настоящему не воспитывалъ. Въ отроческихъ уже годахъ онъ потерялъ вѣру. Около 15-ти лѣтъ онъ поступилъ въ Казанскій университетъ. На первомъ курсѣ онъ, провалившись на экзаменахъ, былъ оставленъ на второй годъ. Онъ перешелъ на другой факультетъ, — съ тѣмъ же результатомъ въ концѣ учебнаго года. Ему не нравилась программа и самыя преподаваемыя науки. Онъ увѣрилъ себя въ ихъ безполезности. Такъ уже тогда обнаружилась одна изъ главныхъ чертъ его характера — вызывающее презрѣніе къ общепринятому.

Проф. Диллонъ, лично хорошо знавшій Толстого, пишетъ о немъ: «Вся жизнь Толстого, начиная отъ его юности, характеризуется сознаніемъ собственной силы и вытекающимъ отсюда чувствомъ гордости. Чувство превосходства надъ другими господствуетъ въ немъ надъ всѣми чувствами. Онъ подчеркиваетъ свое отличіе отъ другихъ и бахвалится этимъ. Онъ наслаждается противорѣчіемъ преподаваемыхъ теорій, оспаривая установившіеся взгляды и высмѣивая обычаи. Свидѣтельства исторіи, достиженія му-

жей науки — исчезаютъ какъ дымъ въ Толстовской критикѣ, или даже просто въ его утвержденіяхъ». «Странное дѣло», говоритъ самъ о себѣ Толстой, «изъ духа ли противорѣчія, или вкусы мои противоположны вкусамъ большинства, но въ моей жизни ни одна знаменито-прекрасная вещь мнѣ не нравилась». Такъ изображается ростъ этой главной его эмоціи: «Началомъ всего было, разумѣется, нравственное совершенствованіе; оно подмѣнилось совершенствованіемъ вообще, т. е. желаніемъ быть лучше передъ людьми. И вскорѣ это стремленіе быть лучше передъ людьми подмѣнилось желаніемъ быть сильнѣе другихъ людей, т.е. славнѣе, важнѣе, богаче другихъ». Въ студенческій періодъ жизни Толстой снобируетъ тѣхъ, кого считаетъ не «комильфо», т. е. тѣхъ, кто говоритъ по-французски съ акцентомъ, не заботится о красотѣ ногтей и не принимаетъ на себя байроновскаго скучающаго вида. Его портреты того времени и нѣсколько позднѣйшаго, въ военной формѣ, передаютъ обликъ надменнаго и недоступнаго молодого человѣка.

Къ раннему возрасту его жизни относится увлеченіе Руссо, изображеніе котораго онъ носилъ на груди вмѣсто креста. Это увлеченіе оставалось въ силѣ всю его жизнь.

Руссо говоритъ: «Человѣкъ хорошъ по своей природѣ, но испорченъ культурой». Руссо проповѣдуетъ возвратъ къ природѣ, которая освободитъ человѣка отъ зла, Руссо считаетъ человѣческую природу способной собственными силами достигать нравственнаго совершенства. Онъ, такимъ образомъ, отвергаетъ богооткровенную религію, которая наоборотъ считаетъ человѣческую природу поврежденной первороднымъ грѣхомъ. Зло вошло въ нее грѣхопаденіемъ. Зло чуждо исходной природѣ человѣка, но поврежденный грѣхомъ, онъ собственными усиліями уже не въ состояніи преодолѣть въ себѣ зло и на пути своего духовнаго возрожденія нуждается въ сверхъестественной благодатной помощи.

Итакъ, Руссо не признавалъ богооткровеннаго ученія. Это тяжкое заблужденіе воспринялъ и Толстой. Позднѣе онъ внушалъ это собственнымъ дѣтямъ, написавъ для нихъ кощунственное стихотвореніе, гдѣ онъ издѣвается надъ Библіей.

Если нѣтъ поврежденности природы, то нѣтъ нужды въ Избавителѣ, нѣтъ нужды въ Духѣ Святомъ, въ благодати, помогающей въ борьбѣ со страстями . . . Самъ Толстой показалъ, однако, на дѣлѣ, что человѣкъ не въ состоя-

ніи преодолѣть въ себѣ собственными усиліями никакихъ существенныхъ слабостей, — хотя бы подавить въ себѣ безудержный гнѣвъ противъ ближняго. Такъ, бывшая гувернантка въ домѣ Толстыхъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, что графъ былъ любезенъ съ посѣтителями, когда этого желалъ, но если попадался тупой, неразвитой человѣкъ, — тогда все кончено! онъ подымался со своего стула и, какъ бы въ испугѣ или отвращеніи, исчезалъ, даже не прощаясь. Что касается яснополянскихъ крестьянъ, графъ пахалъ и работалъ вмѣстѣ съ ними, но часто въ разговорахъ съ ними, когда онъ былъ не въ духѣ, или не желалъ что-либо дать (это тоже случалось), въ немъ просыпался прежній крѣпостникъ. Глаза у графа становились злыми, и проситель уходилъ, покачивая печально головой.

Подобное разсказываетъ и проф. Диллонъ: «Во время утренняго умыванія на задворкахъ яснополянской усадьбы я услышалъ гнѣвный голосъ графа, который ругалъ (выражаясь мягко) какихъ-то мужиковъ. Навыкнувъ слышать отъ него призывъ къ братскимъ чувствамъ къ меньшимъ братьямъ, я былъ пораженъ и возмущенъ этой сценой». Гнѣвливымъ, не привыкшимъ владѣть собою, избалованнымъ бариномъ Толстой остался до конца жизни. Гольденвейзеръ разсказываетъ со словъ Черткова о бывшемъ 6-го іюля 1910 года у него непріятномъ разговорѣ, онъ не совѣтовалъ Толстому полагаться на слова другихъ, иначе онъ «рискуетъ остаться въ дуракахъ». Разговоръ продолжался въ дружескомъ тонѣ, но когда Чертковъ повторилъ выраженіе «остаться въ дуракахъ», Левъ Николаевичъ воскликнулъ въ гнѣвѣ: «Вы сами дуракъ! Всякій знаетъ, что вы идіотъ!» И онъ продолжалъ восклицать: «дуракъ! дуракъ! идіотъ!», потрясая передъ нимъ кулаками.

Но вернемся къ молодымъ годамъ Толстого. Выйдя изъ Университета, Толстой отправился къ себѣ въ деревню съ цѣлью внести реформы въ деревенскую жизнь. Потерпѣвъ неудачу, разочаровавшись, онъ повелъ безпутную жизнь и запутался въ долгахъ. Братъ Николай, чтобы спасти его отъ гибели, увезъ его на Кавказъ. Ему было тогда 20 лѣтъ. Живя на Кавказѣ, скучая, тоскуя, хворая, Толстой начинаетъ свое раннее богоискательство. Онъ вѣритъ въ «добраго Бога», но не вѣритъ въ Св. Троицу и догматы. О себѣ онъ пишетъ въ дневникѣ подъ 29 марта 1852 г.: «Во мнѣ есть что-то, что заставляетъ меня думать, что я не рожденъ, чтобы быть такимъ, какъ прочіе люди. Отчего происходитъ это? Отъ несговорчивости, или недостатка

въ моихъ способностяхъ, или отъ того факта, что, по правдѣ, я стою на уровнѣ выше обыкновенныхъ людей? Я уже въ зрѣломъ возрастѣ и развитіе мое окончилось и я терзаемъ голодомъ . . . не славы, — я не желаю славы, — я презираю ее, но желаніемъ пріобрѣсти большое вліяніе въ направленіи счастья и пользы человѣчества». Другими словами, молодой Толстой мечтаетъ стать великимъ благодѣтелемъ человѣчества.

Три года спустя (въ 1855 г.) Толстой, тогда участникъ Севастопольской обороны, обнаруживаетъ еще бóльшія претензіи. Въ дневникѣ подъ 4-мъ марта онъ записываетъ: «вчера разговоръ о божественномъ и вѣрѣ навелъ меня на великую, громадную мысль, осуществленію которой я чувствую себя способнымъ посвятить жизнь. Мысль эта — основаніе новой религіи, соотвѣтствующей развитію человѣчества, религіи Христа, но очищенной отъ вѣры и таинственности, религіи практической, не обѣщающей блаженства на небѣ, но дающей блаженство на землѣ». Теперь онъ уже въ рангѣ духовнаго вождя наподобіе Будды или Магомета.

Это гордое намѣреніе онъ сталъ осуществлять на порогѣ своего пятидесятилѣтія и упорствовалъ въ этомъ до конца жизни. Но никакой цѣльной религіозной системы онъ создать не могъ и пришелъ въ конечномъ итогѣ къ невѣрію. Проф. Диллонъ такъ говоритъ объ этомъ: «Онъ считалъ религію необходимой, но не вѣрилъ въ божество Христа, въ безсмертіе души и даже въ существованіе Бога. Въ религіи Толстой былъ самъ собственнымъ богомъ». Къ этому мы вернемся подробнѣе въ свое время.

Во время Крымской войны Толстой былъ уже извѣстнымъ писателемъ. Вступивъ на престолъ, Александръ II приказалъ его беречь. Не желая служить при штабѣ, Толстой явился въ Петербургъ. Здѣсь онъ вращается въ кругу литераторовъ и живетъ у Тургенева, «котораго все время коробили его сужденія, противорѣчившія общепринятымъ мнѣніямъ. Часто онъ былъ нетерпимъ, почти грубъ». («Отецъ» А. Л. Толстая, стр. 122). Тургеневъ о немъ говоритъ: «Ни одно его слово, ни одно движеніе не натурально. Онъ вѣчно позируетъ передъ нами, и я не могу понять въ интеллигентномъ человѣкѣ его киченіе своимъ упадочнымъ графствомъ». По словамъ того же Тургенева, Толстой, живя въ столицѣ, «пустился во вся тяжкая»: кутежи, цыгане, карты во всю ночь». Все это дѣлалось безъ удержу, согласно его безкрайной, неуравновѣшенной натурѣ.

Далѣе, во время путешествія заграницу, Толстой познакомился съ философомъ Чичеринымъ (будущимъ профессоромъ Моск. Университета и впослѣдствіи воспитателемъ Цесаревича Николая Александровича). Очевидно, Толстой ему признался въ своихъ широкихъ замыслахъ стать религіознымъ вождемъ человѣчества, потому что проф. Диллонъ приводитъ слова Чичерина о томъ, что Толстой менѣе всего былъ годенъ стать міровымъ учителемъ. «Онъ не обладаетъ знаніемъ философіи, говоритъ Чичеринъ, онъ признается, что пытался читать Гегеля, но это было для него, какъ китайская грамматика». И Чичеринъ не могъ себѣ представить, чтобы тотъ, кто не знаетъ философіи, могъ поучать человѣчество. «Образованія у него почти нѣтъ никакого, онъ ничего не читалъ, но у него открытый умъ и его болѣе или менѣе фантастическія мысли облечены въ оригинальную и привлекательную форму». Такъ отзывался Чичеринъ о молодомъ Толстомъ, которому тогда было почти 30 лѣтъ. И если позднѣе Толстой стремился пополнить свое образованіе личными усиліями, все же онъ не выработалъ ни ученаго метода, ни системы, къ которымъ пріучаетъ систематическое образованіе высшей школы.

Во время того же пребыванія заграницей Толстой сблизился со своей родственницей, графиней Александрой Андреевной Толстой — «Александриной», какъ ее зоветъ Толстой, пользуясь привилегіей родства. «Это была одна изъ интереснѣйшихъ женщинъ своего времени. Съ молодыхъ лѣтъ она была фрейлиной при петербургскомъ дворѣ. Даже покойный императоръ Николай I-й, которому не легко было понравиться, выказывалъ уваженіе къ ея необычайному благоразумію и безкомпромиссному прямому характеру; что касается слѣдующаго царя — Александра II-го, онъ осыпалъ ее многими знаками исключительнаго уваженія и вниманія и продолжалъ это дѣлать до конца своего царствованія. Такое завидное положеніе въ столицѣ, какъ и ея личная привлекательность, создали ей окруженіе, въ которомъ было не мало поклонниковъ, но она всегда отклоняла ихъ. Быть можетъ, это происходило оттого, что она была всецѣло предана семьѣ Романовыхъ и не желала быть оторванной отъ этой привязанности иными связями. Однако причина можетъ лежать и глубже. Ревностно религіозная въ ортодоксальномъ смыслѣ этого слова, съ сильнымъ мистическимъ уклономъ, она была по натурѣ аскетомъ, и въ благородной конструкціи ея духовнаго міра было нѣчто монашеское. Но это не могло бы придти въ голову нико-

му изъ тѣхъ, кто встрѣчалъ ее въ обществѣ, какъ жизнерадостную и остроумную свѣтскую женщину, не выявляющую ни малѣйшаго пуританизма. Единственная вещь, которая внѣшне выдаетъ ея глубокую внутреннюю жизнь,—это ея постоянная отзывчивость ко всякому виду страданія и готовность помочь каждому всѣми средствами, какія она могла найти въ своемъ распоряженіи.

«Все это дѣлаетъ графиню Александру Андреевну настоящимъ женскимъ Могиканомъ старой аристократической Россіи, однако, она также соединяетъ въ себѣ и исключительно широкую свѣтскую европейскую эрудицію и культуру. Въ области мысли и искусства она столь же дома, какъ и въ церкви и во дворцѣ. Тургеневъ и Гончаровъ находились среди поклонниковъ ея на рѣдкость проницательнаго, всегда изящно-оригинальнаго ума, какъ и Додэ, Достоевскій и многіе другіе. Если бы она захотѣла, она могла бы стать легко хозяйкой ведущаго литературнаго салона. Но она изъ тѣхъ рѣдкихъ лицъ, для которыхъ тщеславіе абсолютно неизвѣстная вещь; если бы славу такъ же легко можно было добыть, какъ подобрать монету, лежащую на землѣ, и то она врядъ ли дала бы себѣ трудъ нагнуться. Въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, она была духовной аристократкой, благородной представительницей стараго строя» (Назаровъ).

Графиня Александра Андреевна видѣла въ молодомъ Толстомъ даровитаго человѣка, который, вставъ на правильный путь, могъ бы сдѣлать много добра. Она видѣла богатство его природной одаренности, а когда ей стали ясны его заблужденія, она стремилась употребить все свое вліяніе, чтобы отклонить его отъ ложнаго пути. Она была его добрымъ геніемъ въ теченіе цѣлыхъ 50-ти лѣтъ ихъ дружескихъ отношеній, оборванныхъ только смертью графини въ 1903 г. Но, несмотря на то, что Александра Андреевна съ предѣльной ясностью указывала ему его роковыя ошибки, а также истинный путь къ Богопознанію, Толстой, органически не переносившій превосходства надъ собой, не захотѣлъ принять ея доводовъ и воспользоваться ея духовнымъ опытомъ. Это значило бы отречься отъ себя, отъ своего внутренняго «я». Когда эта переписка была издана, и Толстой ее просматривалъ за годъ до своей смерти, онъ назвалъ вѣрованія графини презрительно-насмѣшливымъ образомъ: «tout ce tremblement».

Въ этой перепискѣ предъ нами проходитъ вся картина отступленія Толстого отъ «вѣры отцовъ». Въ предисловіи къ англійскому изданію переводчикъ Л. Вл. Иславинъ

(родственникъ Софіи Андреевны) приводитъ признаніе Толстого, что въ этихъ письмахъ содержится его истинная біографія.

15-го апрѣля 1859 г. Толстой пишетъ изъ Ясной Поляны своей кузинѣ Александрѣ Андреевнѣ: «Оказалось, что одинъ говѣть, и говѣть хорошо, я былъ не въ состояніи. Вотъ научите меня. Я могу ѣсть постное хоть всю жизнь, могу молиться у себя въ комнатѣ хоть цѣлый день, могу читать Евангеліе и какое-то время думать, что все это очень важно, но въ церковь ходить и стоять, слушать непонятыя и непонятныя молитвы и смотрѣть на попа и на весь разнообразный народъ кругомъ, — это мнѣ рѣшительно невозможно». Графиня А. А. отвѣчаетъ: «Если бы вы дѣйствительно вѣрили въ силу Святыхъ Таинъ, вы бы съ такой легкостью не отказались отъ говѣнья, потому лишь, что вамъ не подходитъ обстановка. Сколько гордости, непониманія и небрежности въ этомъ чувствѣ, считаемомъ, вѣроятно, вами благоговѣйнымъ и достойнымъ уваженія. Временами мнѣ кажется, что вы совмѣщаете въ себѣ одномъ все идолопоклонство язычника; обожая Бога въ каждомъ лучѣ солнца, въ каждомъ проявленіи природы, въ каждомъ изъ безчисленныхъ доказательствъ Его величія, но не понимая, что нужно приникнуть къ Источнику жизни, чтобы просвѣтиться и очиститься . . . Вы говорите, что не понимаете молитвъ. И почему это? Кто вамъ мѣшаетъ изучить основательно уставы церковные и причину и смыслъ всѣхъ вещей? Это стоило бы того, чтобы поработать, даже за счетъ хозяйственныхъ заботъ и литературы. Невѣжество умышленное не есть оправданіе» . . . Толстой защищается: «Батюшки мои! Какъ вы меня! Ей Богу, не могу опомниться! Но безъ шутокъ, милая Бабушка, я скверный, негодный и сдѣлалъ вамъ больно, но надо ли такъ жестоко наказывать? Все, что вы говорите,—и правда и неправда. Убѣжденія человѣка — не тѣ, которыя онъ высказываетъ, а тѣ, которыя изъ всей жизни выжиты имъ, — трудно понять другому, и вы не знаете моихъ. И ежели бы знали, то не нападали бы такъ . . . Я былъ одинокъ и несчастливъ, живя на Кавказѣ. Я сталъ думать такъ, какъ только разъ въ жизни люди имѣютъ силу думать. У меня есть записки того времени и теперь, перечитывая ихъ, я не могу понять, какъ человѣкъ могъ дойти до такой степени умственной экзальтаціи, до которой я дошелъ тогда. Это было мучительное и хорошее время. Никогда, ни прежде, ни послѣ, я не доходилъ до такой высоты мысли, не загляды-

валъ такъ далеко, какъ въ это время, продолжавшееся 2 года. И все, что я нашелъ тогда, останется моимъ убѣжденіемъ. Я не могу иначе. Изъ двухъ лѣтъ умственной работы я вынесъ простую старую вещь, но я ее знаю, какъ никто не знаетъ, — я узналъ, что есть любовь и что жить надо для другого, чтобы быть счастливымъ вѣчно. Эти открытія удивили меня сходствомъ съ христіанской религіей, и я, вмѣсто того, чтобы открывать самъ, сталъ искать ихъ въ Евангеліи, но нашелъ мало. Я не нашелъ ни Бога, ни Искупителя, ни таинствъ — ничего . . .»

Въ послѣднихъ словахъ весь Толстой, и потому умѣстно уже сейчасъ подвести нѣкоторый итогъ.

Итакъ, чувство превосходства надъ всѣми и всѣмъ, — вотъ та внутренняя тайная сила, которая руководитъ ходомъ всей его жизни. Не свободенъ въ поискахъ истины и разумъ, подчиняясь главной страсти, Толстой является ея рабомъ, ея жертвой. Чувство собственнаго превосходства заставляетъ Толстого съ молодыхъ лѣтъ стремиться стать учителемъ человѣчества.

Съ этой цѣлью онъ задумываетъ созданіе новой, высшей, превосходнѣйшей религіи, долженствующей осчастливить человѣчество.

Если онъ можетъ рѣшиться на такое дѣло, то только потому, что не имѣетъ серьезныхъ знаній ни въ Богословіи, ни въ философіи, ни въ наукѣ.

Онъ съ удивленіемъ замѣчаетъ, что то, къ чему онъ пришелъ, какъ ему казалось, самостоятельнымъ размышленіемъ, имѣетъ сходство съ христіанской религіей. Остается только послѣдовать мудрому совѣту Александры Андреевны, — и изучить родную вѣру, св. отцовъ? . . . Но тогда придется признать ихъ превосходство надъ собой. Чувство собственнаго превосходства, ставшее второй природой Толстого, подсказываетъ: это невозможно, ибо это значило бы отказаться отъ самого себя!

Такъ Евангеліе приносится въ жертву этой страсти. Молоху, царящему въ сердцѣ Толстого.

Это лишь очередной, фатально-неизбѣжный, этапъ «Отступленія» Толстого. Далѣе, въ послѣдующихъ этапахъ, онъ перейдетъ уже къ открытому богоборчеству, къ возстанію противъ Православной вѣры, съ безграничными крайностями, свойственными его стихійной, страстной натурѣ.

Но объ этомъ рѣчь будетъ послѣ.

Итакъ, гордость, ставшая преградой между душею Толстого и Богомъ, была доминирующей чертой его характера. Эта гордость была очевидна для всѣхъ, кто его ближе зналъ.

«Однажды былъ я на охотѣ съ сетеромъ около Пирогова», — пишетъ сынъ Толстого Илья Львовичъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ отцѣ, — «и заѣхалъ къ дядѣ Сережѣ, чтобы переночевать. Я не помню теперь предмета нашего разговора, но помню лишь, что, что дядя Сережа утверждалъ, что «Левочка» былъ гордъ. «Онъ вѣчно проповѣдуетъ смиреніе и непротивленіе, но самъ гордъ, несмотря на это. У Машенькиной сестры (его свояченица) былъ лакей Форна. Когда онъ бывалъ пьянъ, онъ забирался подъ лѣстницу и тамъ располагался, задравъ ноги кверху. Однажды пришли ему сказать, что его зоветъ графиня. «Пусть сама придетъ сюда, если ей нужно!» — отвѣтилъ онъ. Совершенно такой же и Левочка. Когда Долгорукій (Моск. Ген.-Губернаторъ) прислалъ къ нему главнаго секретаря Истомина, прося придти переговорить по дѣлу сектанта Сутаева, знаешь, что онъ отвѣтилъ? — «Пусть самъ придетъ, если ему нужно». Развѣ это не похоже на Форну? Нѣтъ, Левочка очень гордъ, ничего не могло заставить его пойти, — и онъ былъ совершенно правъ. Но зачѣмъ толковать о смиреніи?»

«Если у гордаго интеллигента слагается религіозное міровоззрѣніе, говоритъ Лодыженскій въ своей «Трилогіи», то только такое, которое является произведеніемъ его гордаго духа; причемъ, если онъ, какъ Толстой или теософы, будетъ признавать Божество, то тутъ же будетъ признавать и себя единосущнымъ Божеству, въ разрѣзъ съ христіанскимъ ученіемъ». Въ раннихъ произведеніяхъ («Юность», «Казаки») находимъ уже пантеистическія описанія природы. А въ Астаповѣ, одной ногой въ могилѣ, Толстой будетъ диктовать своей дочери пантеистическіе тезисы: «Богъ есть то неограниченное Все, чего человѣкъ сознаетъ себя ограниченной частью».

Въ 1862 году Толстой женился. Литературная слава его растетъ. Идутъ годы «Войны и мира», «Анны Карениной». Портреты Толстого того времени даютъ образъ элегантнаго свѣтскаго человѣка. Можно было бы думать, что въ разные періоды своей жизни Толстой отличался отъ того, чѣмъ онъ былъ въ предшествующіе или послѣдующіе періоды. Нѣтъ! Толстой все тотъ же. Онъ остается далекимъ отъ пониманія духа Христова Евангелія.

Такому человѣку ближе буддизмъ и др. восточныя религіи. Отсюда увлеченіе Шопенгауэромъ, который оставилъ глубокій слѣдъ въ умозрѣніи Толстого.

... «Не престающій восторгъ передъ Шопенгауэромъ и рядъ духовныхъ наслажденій, которыя я никогда не испытывалъ. Я не знаю, перемѣню ли я когда мнѣніе, но теперь я увѣренъ, что Шопенгауэръ геніальнѣйшій изъ людей». (Изъ письма къ Фету, 1869).

Между Толстымъ и Шопенгауэромъ существуетъ родство. Послѣдній былъ также высокаго о себѣ мнѣнія: «Я приподнялъ покровъ съ истины выше, чѣмъ кто-либо изъ смертныхъ до меня» ... заявилъ онъ о себѣ. Шопенгауэръ считалъ женщинъ низшими существами, презиралъ бракъ, проповѣдывалъ аскетизмъ. Но на дѣлѣ любилъ изысканно поѣсть и отличался любовными приключеніями. Онъ не осуществлялъ въ жизни того, что проповѣдывалъ.

Романъ «Крейцерова Соната» (1889) написанъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ идей Шопенгауэра: взглядъ на музыку, на женщинъ, на бракъ — все это точно совпадаетъ съ ученіемъ нѣмецкаго философа, нашедшаго все въ индуизмѣ.

Индійская (какъ и гностическая) ненависть къ плоти, къ браку, къ рожденію, еретична для христіанина. «Низшее» (тѣло, страсти, эмоціи, подсознаніе, природа, космосъ) не «спасается», очищенное и возвышенное, а отсѣкается, отрѣшается и исчезаетъ, какъ «майя».

Еще въ «Войнѣ и Мирѣ», написанномъ гораздо ранѣе (1865 — 68), мы встрѣчаемъ слѣды буддійскаго вліянія. Во всякомъ случаѣ, полное расхожденіе съ Евангельскимъ ученіемъ обнаружилось рано. Смерть князя Андрея, описанная въ «Войнѣ и Мирѣ», — не христіанская кончина. Когда къ умирающему князю Андрею пріѣхала его сестра, все, что говорилъ Андрей, оскорбляло и обижало сестру: она чувствовала, что онъ больше не любитъ, не жалѣетъ ихъ всѣхъ. Когда привели сына, онъ хотѣлъ сказать доброе слово, но не могъ: «Онъ смотритъ съ выраженіемъ кроткой насмѣшки, враждебнымъ взглядомъ, онъ никого не жалѣетъ. Онъ понялъ, что «любовь не нужна для жизни», что земная любовь и земная жалость есть низшее нравственное состояніе, недостойное «мудреца». Это безстрастіе есть идеалъ, указанный въ буддійской библіи «Сутта Нипата»:

Любовь — то добродѣтель парій.
Какъ носорогъ въ пустынѣ одиноко,

Какъ воздухъ, долженъ быть свободенъ я отъ скверны
Любви плотской, сыновней и отцовской,
И къ доброму и злому равнодушенъ,
Иду путемъ неоскверненнымъ
Ко благу темныя нирваны.

Эта тема, мелькомъ затронутая въ «Войнѣ и Мирѣ», до конца развита въ книгѣ «О жизни», написанной позднѣе, когда Толстой окончательно уже порвалъ съ «вѣрой отцовъ». Изъ этой книги становится несомнѣннымъ, что «любовь» въ устахъ Толстого не соотвѣтствуетъ пониманію этого слова въ Евангельскомъ ученіи. Вотъ его слова:

«То, что люди, не понимающіе жизни, называютъ любовью, — это только предпочтеніе однихъ условій блага своей личности другимъ. Это чувство животное — совершенно противоположное любви.

Когда человѣкъ, не понимающій жизни, говоритъ, что любитъ жену, или ребенка, или друга, или искусство, или науку, онъ говоритъ только то, что присутствіе въ его жизни его жены, ребенка, друга увеличиваетъ благо его личной жизни. Это только эгоизмъ: только неразумнымъ животнымъ позволительно любить тѣхъ, кого любятъ: своихъ волчатъ, свое стадо, — потому что тѣмъ позволительно не знать, что любовь къ своимъ наноситъ ущербъ чужимъ волчатамъ и другому стаду и что изъ столкновенія чувствъ должно выйти нѣчто не благое. Любовь къ избраннымъ лицамъ и предметамъ — всегда любовь къ себѣ. Если же любящій иногда забываетъ интересы своей личности ради любимаго, то онъ дѣлаетъ это въ отдаленнѣйшихъ интересахъ собственнаго блага. Только тотъ, кто, говоря словами Сутта Нипата, препобѣдивъ всякую человѣческую привязанность, препобѣдилъ вмѣстѣ и привязанность къ божественному, — подниметъ покрывало Майи и раскроетъ передъ человѣкомъ неразумность обособленія личности и тайну всеединства сущности».

Отсюда становится понятна «кроткая насмѣшка» на устахъ князя Андрея и отчего княжна Марья холодѣла подъ его взглядомъ. Вѣдь каждый, убившій въ себѣ живое движеніе сердца, любитъ уже не кого-либо изъ людей, а какой-то призракъ, именуемый «всеединствомъ»; это любовь холодная какъ смерть.

Не такая любовь проповѣдана въ Евангеліи и въ посланіяхъ Апостола любви и Апостола языковъ . . . Съ хри-

стіанскимъ понятіемъ любви также не должно смѣшивать желанія блага всему существующему, которое мы встрѣчаемъ у многихъ язычниковъ и стоиковъ. «Величайшее благо, которое человѣкъ можетъ себѣ доставить, это дѣйствовать сообразно съ закономъ своего разума, а законъ этотъ велитъ тебѣ, не уставая, дѣлать добро другимъ, какъ высшее благо для самого себя» (Маркъ Аврелій). Это разсужденіе есть не что иное, какъ воспріятіе человѣческимъ разумомъ нравственнаго закона. Но это еще не любовь, какъ ее понимаетъ христіанство. Любовь не есть движеніе разсудочное, мозговое, это есть глубочайшая эмоція. «Богъ есть огнь, согрѣвающій и разжигающій утробы», говоритъ преп. Серафимъ Саровскій. — «Если мы ощущаемъ въ сердцахъ своихъ хладъ, продолжаетъ онъ далѣе, то призовемъ Господа и Онъ, пришедъ, согрѣетъ наше сердце совершенною любовію не только къ Нему, но и къ ближнимъ».

Толстой не умѣлъ различать 1) индійское отрѣшенное состраданіе, 2) стоическое воспріятіе разсудкомъ нравственнаго закона и 3) сердечную, живую Евангельскую любовь. Все у него сливалось въ одно понятіе. Какъ замѣчаетъ Лодыженскій, «философская мысль Толстого не обладала яснымъ зрѣніемъ».

Такое отсутствіе духовнаго пониманія отнимало возможность хоть отчасти постигнуть высоту Евангельскаго ученія. Многолѣтнее богоискательство привело Толстого къ все болѣе и болѣе возрастающему раціонализму; «вѣры» не остается въ сущности никакой. Отчаяніе, скрываемое отъ широкой публики, проскальзываетъ въ его дневникахъ, и подъ конецъ жизни слова Іова « . . . ужасное, чего я ужасался, то постигло меня, и чего я боялся, то пришло ко мнѣ» (Іов. III, 25) могутъ быть вполнѣ отнесены къ нему. «Ужасное», чему онъ ужасался, это былъ страхъ небытія и смерти, который мучилъ и преслѣдовалъ Толстого всю жизнь и особенно усилился при переходѣ его въ болѣе зрѣлый возрастъ, потому что вѣру въ безсмертіе и въ вѣчную жизнь онъ потерялъ вмѣстѣ со Христомъ, какъ и путь къ этой жизни.

Алдановъ въ своей книгѣ «Загадка Толстого» перечисляетъ количество смертей въ его произведеніяхъ и недоумѣнно спрашиваетъ: зачѣмъ Толстой собралъ за свою долгую жизнь такой огромный художественный матеріалъ на тему о смерти? Страхъ смерти былъ тѣмъ импульсомъ, который непрерывно приводилъ мысль Толстого въ движеніе и заставлялъ его искать по-своему Бога. Послѣ 40-лѣт-

тняго возраста Толстой достигъ всего того, чего только могъ пожелать человѣкъ — богатства, все возрастающей литературной славы, у него была прекрасная жена и большое потомство, казалось было все, а на дѣлѣ наступилъ моментъ жестокаго душевнаго кризиса, когда онъ былъ на волоскѣ отъ самоубійства. Къ этому перелому, какъ онъ самъ разсказывалъ въ своей «Исповѣди», привела его мысль о смерти: «Ну, хорошо, у тебя будетъ 6.000 десятинъ въ Самарской губ., триста головъ лошадей. Ну и что же изъ этого? Что потомъ? Ну, хорошо, ты будешь славнѣе Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всѣхъ писателей въ мірѣ — ну и что же? Что потомъ?» («Исповѣдь»).

И если всѣ эти блага будутъ отняты смертью, то въ нихъ нѣтъ никакого смысла. Если жизнь не безконечна, то она безсмыслена, а если такъ, то жить просто не стоитъ, надо скорѣе покончить съ собою.

Въ августѣ 1869 г., когда Толстому шелъ всего 42 годъ, онъ отправился въ Пензенскую губернію, гдѣ продавалось выгодное имѣніе. Въ эту пору своей жизни Толстой былъ всецѣло поглощенъ интересами семейными и хозяйственными. Онъ ночевалъ въ гор. Арзамасѣ. И тамъ его постигло ужасное потрясеніе, котораго онъ слегка касается въ письмѣ къ женѣ и 15 лѣтъ спустя болѣе обстоятельно въ разсказѣ «Записки сумасшедшаго». Вотъ письмо къ женѣ: «Что съ тобой? и дѣтьми? Не случилось ли что? Я второй день мучаюсь безпокойствомъ. Третьяго дня въ ночь я ночевалъ въ Арзамасѣ и со мною было что-то необыкновенное. Было 2 часа ночи, я усталъ страшно, хотѣлось спать, и ничего не болѣло. Но вдругъ на меня напала тоска, страхъ и ужасъ, какихъ я никогда не испытывалъ, и никому не дай Богъ испытать. Подробности этого чувства я тебѣ разскажу впослѣдствіи, но подобнаго мучительнаго чувства я никогда не испытывалъ, и никому не дай Богъ испытать. Я вскочилъ, велѣлъ закладывать. Пока закладывали, я заснулъ и проснулся здоровымъ. Вчера это чувство возвратилось во время ѣзды, но я былъ подготовленъ и не поддался ему, тѣмъ болѣе, что оно и было слабѣе. Нынче чувствую себя здоровымъ и веселымъ, насколько могу быть безъ семьи. Я могу оставаться въ постоянныхъ занятіяхъ, но какъ только безъ дѣла, я рѣшительно чувствую, что не могу быть одинъ».

Въ «Запискахъ сумасшедшаго», дѣйствующее лицо ѣдетъ съ цѣлью купить имѣніе въ ту же Пензенскую гу-

бернію. Также ночуетъ въ Арзамасѣ въ гостиницѣ. Съ нимъ его слуга Сергѣй. Его одолѣваетъ безсонница:

«Заснуть, я чувствовалъ, не было никакой возможности. Зачѣмъ я сюда заѣхалъ? Куда я везу себя? Отъ чего, куда я убѣгаю? Я убѣгаю отъ чего-то страшнаго и не могу убѣжать. Я всегда съ собою, и я-то и мучителенъ себѣ. Я — вотъ онъ, я весь тутъ. Ни пензенское и никакое имѣніе ничего не прибавитъ и не убавитъ мнѣ. Я надоѣлъ себѣ. Я несносенъ, мучителенъ себѣ. Я хочу заснуть, забыться, и не могу. Не могу уйти отъ себя. — Я вышелъ въ коридоръ. Сергѣй спалъ на узенькой скамьѣ, скинувъ руку, но спалъ сладко, и сторожъ съ пятномъ — спалъ. Я вышелъ въ коридоръ, думая уйти отъ того, что мучило меня. Но оно вышло за мной и омрачило все. Мнѣ такъ же, еще больше страшно было. «Да что это за глупость, — сказалъ я себѣ,—чего я тоскую, чего боюсь?» — М е н я, — неслышно отвѣчаетъ голосъ смерти. — Я тутъ. Морозъ подралъ мнѣ по кожѣ. Да, смерти. Она придетъ, она — вотъ она, а ея не должно быть. Если бы мнѣ предстояла дѣйствительно смерть, я не могъ бы испытывать того, что я испытывалъ. Тогда бы я боялся. А теперь я не боялся, а видѣлъ, чувствовалъ, что смерть наступаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что ея не должно быть. Все существо мое чувствовало потребность, право на жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ совершающуюся смерть. И это внутреннее раздираніе было ужасное. Я попытался стряхнуть этотъ ужасъ. Я нашелъ подсвѣчникъ мѣдный со свѣчей обгорѣвшей и зажегъ ее. Красный огонь и размѣръ ея, немного меньше подсвѣчника, — все говорило то же. Ничего нѣтъ въ жизни, есть только смерть, а ея не должно быть. Я пробовалъ думать о томъ, что занимало меня: о покупкѣ, о женѣ. Ничего не только веселаго не было, но все это стало ничто. Все заслонилъ ужасъ за свою погибающую жизнь. Надо заснуть. Я легъ было, но только улегся, вдругъ вскочилъ отъ ужаса. И тоска, и тоска — такая же душевная тоска, какая бываетъ передъ рвотой, только духовная. Жутко, страшно. Кажется, что смерти страшно, а вспомнишь, подумаешь о жизни, то умирающей жизни страшно. Какъ-то жизнь и смерть слились въ одно. Что-то раздирало мою душу на части и не могло разорвать. Еще разъ пошелъ посмотрѣть на спящихъ, еще разъ попытался заснуть; все тотъ же ужасъ, — красный, бѣлый, квадратный. Рвется гдѣ-то и не разрывается. Мучительно, мучительно, сухо и злобно, ни капли

доброты я въ себѣ не чувствовалъ, а только ровную спокойную злобу на себя и на то, что меня сдѣлало» . . .

Литературный критикъ Г. Мейеръ въ статьѣ «Жало въ духъ» («Возрожденіе» тетр. 32) противопоставляетъ «душевно-тѣлесному» Толстому, боявшемуся личной смерти, переживанія поэта Тютчева, который «затаилъ въ себѣ неутолимую боль, великую человѣческую обиду на быстротечность земного существованія, даже тѣнь котораго намъ сладка и въ сладости своей обманна. Какъ нѣкій Гераклитъ новѣйшихъ временъ, Тютчевъ яснѣе, чѣмъ кто-либо другой, сознавалъ, что все течетъ, и не только течетъ, но и утекаетъ, уходитъ, исчезаетъ безслѣдно, безвозвратно, навсегда. О, какая пугающая правда содержится въ этихъ безутѣшныхъ словахъ! И какъ страшилось ихъ всеуничтожающаго смысла неукротимо живое, любящее сердце Тютчева. Онъ боялся не собственныхъ предсмертныхъ мученій, не своей личной смерти . . . Въ этомъ отношеніи простому и такому жизненому заявленію Тютчева невольно вѣришь до конца:

Безслѣдно все, и такъ легко не быть!
При мнѣ, иль безъ меня, — что нужды въ томъ?
Все будетъ то-жъ: — и вьюга такъ же выть,
И тотъ же мракъ, и та же степь кругомъ.

«Дни сочтены — добавляетъ поэтъ — и смерть не страшна, ибо утратъ не перечесть». Нѣтъ, не своего уничтоженія во всепоглощающей безднѣ страшился Тютчевъ! Онъ трепеталъ передъ непрестанной угрозой навсегда потерять еще здѣсь, въ земной жизни, имъ любимыхъ и имъ любимое, онъ боялся утратить вотъ это самое и этихъ самыхъ — незамѣнимыхъ, единственныхъ».

Два пессимистическихъ, хотя и различныхъ, отношенія къ смерти, — столь противоположныхъ Павлову желанію «разрѣшиться и со Христомъ быти», «ибо мы знаемъ, говоритъ Апостолъ, что когда земной нашъ домъ, эта хижина (тѣло) разрушится, мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный. Оттого мы и воздыхаемъ, желая облечься въ небесное наше жилище» (II Кор. V, 1, 2). И какъ діаметрально противоположенъ ужасу Толстого побѣдный возгласъ Апостола: «Смерть, гдѣ твое жало? Адъ, гдѣ твоя побѣда?» (I Кор. XV, 55).

О кризисѣ въ жизни Толстого повѣствуетъ его третій сынъ Левъ Львовичъ:

«Мнѣ было около 7 — 8 лѣтъ во время того періода страшнаго кризиса отчаянія и ужаса передъ лицомъ жизни, лишенной разумнаго смысла, который переживалъ отецъ. Это было между 1876 и 1880 гг. Я помню отлично это время. На балку между гардеробомъ и спальней, на которой онъ хотѣлъ повѣситься, мы смотрѣли съ ужасомъ, т. к. мы всегда были въ курсѣ всего того, что происходило въ семьѣ. Въ теченіе этого періода мой отецъ неожиданно погрузился въ вѣрованія православной Церкви. [1]) Въ этотъ періодъ Толстой искалъ спасенія въ религіи народной, тѣхъ, кто былъ простъ умомъ и сердцемъ, потому что онъ искренно вѣрилъ, что русскія народныя массы существуютъ только благодаря религіи. Безъ всякихъ разсужденій, опасныхъ сомнѣній, онъ заставилъ себя вѣрить, какъ вѣрили окружающіе, утѣшая себя мыслью, что вѣра беретъ начало изъ тьмы временъ, изъ безконечной древности человѣческой мысли, и, слѣдовательно, это и есть истинная вѣра».

Если бы Толстой обратился къ свв. Отцамъ, они бы ему сказали, что путь къ Богопознанію лежитъ только черезъ смиреніе, потому что «Смиреніе есть духовное ученіе Христово, мысленно пріемлемое достойными въ душевную клѣть. Чувственными словами его невозможно изъяснить». «Самъ Господь говоритъ о Себѣ: «яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ» (Мѳ. XI, 29). «Научитесь не отъ ангела, не отъ человѣка, не отъ книги, но отъ М е н е, т.е. отъ Моего въ васъ вселенія и осіянія и дѣйствія» (Іоаннъ Лѣствичникъ). «Смиренномудріе есть риза Божества . . . Посему тварь словесная и безсловесная, взирая на всякаго человѣка, облеченнаго въ сіе подобіе (смиренномудріе), поклоняется

---

[1]) Къ тому краткому времени, когда Толстой примкнулъ къ церковнымъ людямъ, относится доселѣ никѣмъ не записанный разсказъ, слышанный нами изъ устъ одной ближайшей родственницы единственнаго крестника Льва Николаевича.

Толстой любилъ бывать въ семьѣ Истоминыхъ. Глава этой семьи отличался глубокимъ умомъ, рѣдкой образованностью и былъ религіознымъ человѣкомъ. Толстой проводилъ многіе часы въ его обществѣ. Когда въ семьѣ Истоминыхъ родился сынъ, Левъ Николаевичъ былъ приглашенъ въ крестные отцы новорожденному. Во время крещенья младенецъ Петръ судорожно вцѣпился ручонкой въ бороду Толстого, такъ что не безъ усилія могли освободить эту ручонку отъ крѣпкихъ волосъ Толстовской бороды, даже рискуя поранить нѣжную кожу ребенка.

Много лѣтъ спустя на вопросъ, приходилось ли ему быть воспріемникомъ отъ купели, Толстой отвѣтилъ: «да, я сдѣлалъ разъ такую глупость». А крестникъ П. В. Истоминъ отшучивался: «Видно я и тогда уже былъ не дуракъ, если сумѣлъ оттрепать его за бороду».

ему, какъ владыкѣ, въ честь Владыки своего, котораго видѣла, облеченнаго въ это же подобіе въ немъ пожившаго» (Исаакъ Сиринъ).

По свидѣтельству нѣкоторыхъ біографовъ, было и Добротолюбіе въ Яснополянской библіотекѣ. Но не была приготовлена почва въ душѣ Толстого, чтобы воспринять что-либо изъ словъ, сказанныхъ Свв. Отцами.

Къ періоду внутренняго боренія относится письмо Льва Николаевича къ своей родственницѣ графинѣ Александрѣ Андреевнѣ, обнажающее глубины его души, написанное въ апрѣлѣ 1876 г. « . . . Вы говорите, что не знаете, во что я вѣрю? Это странно и ужасно выговорить. Я не вѣрю ничему, чему учитъ религія. И больше того, я не только ненавижу и презираю атеизмъ, но я не вижу возможности жить и тѣмъ болѣе умирать безъ религіи. И мало по малу я строю собственныя вѣрованія, но хотя они и крѣпкія, эти вѣрованія не являются опредѣленными, ни утѣшительными. Когда вопрошаетъ мой умъ, они отвѣчаютъ правильно, но когда сердце страдаетъ и ищетъ отвѣта, тогда нѣтъ ни помощи, ни утѣшенія. Что касается требованій моего разума и отвѣтовъ христіанской религіи, я чувствую себя въ положеніи двухъ рукъ, желающихъ сомкнуться, но пальцы коихъ противятся соединенію. Чѣмъ больше силюсь и борюсь, тѣмъ становится хуже. И со всѣмъ этимъ я знаю, что это возможно, ибо одно создано для другого».

Это письмо выражаетъ душевныя страданія Толстого въ сознаніи своего безсилія постигнуть истину, показываетъ разладъ, раздвоеніе его личности, разладъ разума и сердца. Толстой чувствуетъ, что это не естественно, что это есть болѣзнь, ненормальность, что возстановленіе цѣльности личности не только возможно, но и должно быть достигнуто. О, если бы онъ способенъ былъ узнать, что путь къ этому указанъ православными аскетами! . . .

Въ это время онъ не дерзалъ еще объявить войну «вѣрѣ отцовъ», какъ онъ сдѣлалъ это вскорѣ, когда подъ вліяніемъ неудачъ въ своихъ религіозныхъ исканіяхъ окончательно ожесточился. Объ этомъ будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

Заканчивая обзоръ перваго періода религіозныхъ исканій Толстого — приведемъ знаменательное видѣніе, бывшее его сестрѣ гр. Маріи Николаевнѣ Толстой, въ монашествѣ схи-монахинѣ Маріи, въ которомъ ей образно было показано духовное состояніе ея брата (Троицкое Слово 1909 г.).

«Когда я вернулась съ похоронъ брата Сергѣя къ себѣ въ монастырь», разсказываетъ м. Марія, «то вскорѣ мнѣ было не то сонъ, не то видѣніе, которое меня поразило до глубины душевной. Совершивъ обычное свое келейное правило, я не то задремала, не то впала въ какое-то особое состояніе между сномъ и бодрствованіемъ, которое у насъ, монаховъ, зовется тонкимъ сномъ. Забылась я, и вижу . . . Ночь. Рабочій кабинетъ Льва Николаевича. На письменномъ столѣ лампа подъ темнымъ абажуромъ. За письменнымъ столомъ, облокотившись, сидитъ Левъ Николаевичъ, и на лицѣ его отпечатокъ такого тяжкаго раздумья, такого отчаянія, какого я еще никогда у него не видала... Въ кабинетѣ густой непроницаемый мракъ; освѣщено только то мѣсто на столѣ и лицѣ Льва Николаевича, на которое падаетъ свѣтъ лампы. Мракъ въ комнатѣ такъ густъ, такъ непроницаемъ, что кажется даже, какъ будто, чѣмъ-то наполненнымъ, насыщеннымъ, матеріализованнымъ. И, вдругъ вижу я, раскрывается потолокъ кабинета, и откуда-то съ высоты начинаетъ литься такой ослѣпительно-чудный свѣтъ, какому нѣтъ на землѣ и не будетъ подобія; и въ свѣтѣ этомъ является Господь Іисусъ Христосъ, въ томъ Его образѣ, въ которомъ онъ написанъ въ Римѣ, на картинѣ видѣнія архидіакона Лаврентія: пречистыя руки распространены въ воздухѣ надъ Львомъ Николаевичемъ, какъ бы отнимая у незримыхъ палачей орудія пытки. Это такъ и на той картинѣ написано. И льется, и льется на Льва Николаевича свѣтъ неизобразимый, но онъ, какъ будто, его не видитъ! . . . И, вдругъ, сзади Льва Николаевича, — съ ужасомъ вижу, — изъ самой гущины мрака начинаетъ вырисовываться и выдѣляться иная фигура, страшная, жестокая, трепетъ наводящая; и фигура эта, простирая сзади обѣ свои руки на глаза Льва Николаевича, закрываетъ отъ нихъ свѣтъ тотъ дивный. И вижу я, что Левочка мой дѣлаетъ отчаянныя усилія, чтобы отстранить отъ себя эти жестокія, безжалостныя руки . . .

На этомъ я очнулась, и, когда очнулась, услыхала, какъ бы внутри меня, говорящій голосъ:

«Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ!»

II

ТОЛСТОЙ КАКЪ УЧИТЕЛЬ И ЕГО ОТЛУЧЕНІЕ.

(Разрывъ съ Церковью).

Горе міру отъ соблазновъ, ибо надобно придти соблазнамъ; но горе тому человѣку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ.
(Матѳ. XVIII, 7).

Какъ только что говорилось, Толстой, послѣ неудачной попытки примкнуть къ «вѣрѣ отцовъ», окончательно съ нею порываетъ и отнынѣ всѣ усилія направляетъ на созданіе своей вѣры.

Духъ самоутвержденія всецѣло имъ овладѣваетъ; но онъ, этотъ духъ, неизбѣжно связанъ съ отрицаніемъ, которое и распространяется на все: «на существующія религіи, искусство, семью, что вѣками выработало человѣчество», говоритъ Софія Андреевна въ своей «Автобіографіи»: «и этотъ духъ отрицанія у Льва Николаевича становился все сильнѣе и сильнѣе, а самъ онъ все мрачнѣе». Во всемъ наступаетъ разладъ, прежде всего въ душѣ самого Т-го и въ семейныхъ отношеніяхъ. Онъ отстраняется отъ всѣхъ дѣлъ, возлагая все на плечи жены.

«Большой художественный талантъ Т-го опредѣлялъ и его призваніе. И пока онъ, слѣдуя этому призванію, трудился какъ художникъ, въ его жизни не было драмы. Драма началась, когда художникъ самого себя возвелъ въ рангъ пророка, для чего у него не было ни мощи, ни данныхъ» (Диллонъ).

Драма все возрастаетъ, разразившись въ концѣ его жизни катастрофой. Объ этомъ рѣчь будетъ впереди, а теперь обратимся къ исканіямъ Т-го.

«Богъ есть жизнь», осѣняла его мысль, показавшаяся ему геніальной: «живи, отыскивая Бога, и тогда не будетъ жизни безъ Бога». «Искать, все время искать», повторялъ

онъ до конца дней своихъ. Такимъ образомъ, жизнь въ Богѣ была замѣнена имъ раціоналистическими попытками обрѣсти Бога. По Толстому: «Богъ есть желаніе блага всему существующему, и каждый человѣкъ познаетъ въ себѣ Бога съ той минуты, когда въ немъ родилось желаніе блага всему существующему. Такому человѣку не нужно откровенія свыше. Онъ самъ можетъ быть своимъ откровеніемъ» («Христ. ученіе» § 193). Онъ не вѣрилъ ни въ личнаго Бога, ни въ безсмертіе души. Онъ училъ, что вѣра въ «будущую личную жизнь есть очень низменное и грубое представленіе». «Личность человѣка, будучи сама по себѣ ограниченной, вмѣстѣ съ физической смертью человѣка гибнетъ». («Въ чемъ моя вѣра», стр. 116).

Еще въ 1878 году Толстой приступилъ къ писанію своей «Исповѣди». А въ 1881 году онъ пишетъ критику догматическаго богословія. Это первые его шаги антицерковной работы.

Съ момента его вступленія на путь отрицанія и разрушенія начинается его и всемірная извѣстность. Пока онъ былъ лишь первымъ русскимъ писателемъ, въ Европѣ имъ не интересовались, хотя со времени выхода въ свѣтъ «Войны и мира» (1865) прошло почти 15 лѣтъ. По поводу этого Назаровъ говоритъ: «Въ 1879 году появился въ Парижѣ, благодаря Тургеневу, французскій переводъ «Войны и мира». Это былъ одинъ изъ первыхъ переводовъ Толстого на иностранные языки. Прочтя его, Флоберъ написалъ Тургеневу восто́рженные строки: «Какой художникъ! какой психологъ! Мнѣ кажется, что порой есть пассажи въ родѣ Шекспира. Я издавалъ восто́рженные крики во время чтенія, а оно было долгое. Какъ сильно!» Нѣкоторые другіе тоже были потрясены, но широкая публика не обратила рѣшительно никакого вниманія. Съ трудомъ было продано нѣсколько сотъ экземпляровъ книги. Въ теченіе того же года М. Арнольдъ представилъ Толстого въ своемъ отзывѣ англійскимъ читателямъ, но все это мало къ чему привело.

Но черезъ 6 — 7 лѣтъ вслѣдъ за этимъ положеніе измѣнилось со странной внезапностью: Толстой неожиданно сдѣлался современнымъ литературнымъ героемъ во всемъ мірѣ. Во всякомъ случаѣ, около 1886 года большая часть его литературныхъ произведеній была напечатана въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ, и множество статей о немъ стало появляться въ журналахъ. Въ Парижѣ и во Франціи образовалась «Tolstoymanie». Онъ превознесенъ, какъ художникъ. Но среди иностранцевъ онъ популяренъ, главнымъ обра-

зомъ, какъ моралистъ. Конечно, тѣхъ, кто раздѣлялъ его вѣрованія, было незначительное меньшинство. Болѣе того, его ученіе большей частью было ложно истолковано. Безчисленное количество разнаго абсурда было написано о немъ въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ: нѣкоторые видятъ въ немъ «великаго русскаго революціонера и нигилиста» и восхищаются его дерзкой пропагандой; другіе наслаждаются не совсѣмъ понятнымъ, но возбуждающимъ восхищеніе скандаломъ о «стопроцентномъ русскомъ графѣ, который шьетъ сапоги»; другіе бормочутъ о свѣтѣ, идущемъ съ Востока. Однако, въ глубинѣ всѣ сознаютъ его правильно: онъ прежде всего расправляется съ христіанствомъ; что работа его не выдерживаетъ критики, это значенія не имѣетъ, но важно то, что онъ не признаетъ божественности Христа, — этимъ онъ отвѣчаетъ задачѣ момента, — установленію панъ-религіи, универсализму; это дѣлаетъ его кумиромъ. Въ этомъ все мнимое величіе Толстого». *)

Въ тотъ же періодъ времени, а именно въ 1887 году, К. Н. Леонтьевъ въ «Гражданинѣ» даетъ такую характеристику Толстого: «въ наше время слово христіанство стало очень сбивчивымъ. Зоветъ себя кощунственно христіаниномъ даже и Л. Н. Толстой, увлекшійся сентиментальнымъ и мирнымъ нигилизмомъ. «На старости лѣтъ открывшій вдругъ филантропію», какъ очень зло выразился про него Катковъ.

Гуманитарное лжехристіанство съ однимъ безсмысленнымъ всепрощеніемъ своимъ, со своимъ космополитизмомъ — безъ яснаго догмата; съ проповѣдью любви безъ проповѣди «страха Божія и вѣры»; безъ обрядовъ, живописующихъ намъ самую суть правильнаго ученія . . . («Возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы». Для крѣпкаго единенія въ вѣрѣ прежде всего, а потомъ уже и для взаимнаго облегченія тягостей земной жизни и т. д.) — такое христіанство есть все та же революція, сколько не источай оно меду; при такомъ христіанствѣ ни воевать нельзя, ни государствомъ править; и Богу молиться незачѣмъ . . . «Богъ—это сердце мое, это моя совѣсть, это моя вѣра въ себя, и я буду лишь этому гласу внимать!» (Да! и Желябовъ **)

---

*) A. N. Nazaroff. Tolstoy the inconstant genius. N.Y. 1929.
**) Убійца императора Александра II-го.

внималъ **своей** совѣсти!). Такое христіанство можетъ лишь ускорить всеразрушеніе. Оно и въ кротости своей преступно».

Н. Н. Страховъ писалъ Толстому послѣ убійства имп. Александра II: «Безчеловѣчно убили старика, который мечталъ быть либеральнѣйшимъ и благодѣтельнѣйшимъ царемъ въ мірѣ. Теоретическое убійство, не по злобѣ, не по реальной надобности, а потому, что въ идеѣ это очень хорошо. Нѣтъ, мы не опомнимся. Нужны ужасныя бѣдствія, опустошенія цѣлыхъ областей, пожары, взрывы цѣлыхъ городовъ, избіеніе милліоновъ, чтобы опомнились люди. А теперь только цвѣточки!»

Между тѣмъ для Толстого трагично было то, что самъ онъ не считалъ въ своей душѣ ни одинъ изъ своихъ выводовъ конечнымъ и окончательнымъ и сознавалъ непрочность и слабость своей вѣры. Не зная, какъ выйти изъ своихъ сомнѣній, онъ терялъ равновѣсіе. Недовольство собою находило выходъ въ раздраженіи, которое направлялось противъ господствовавшей Православной религіи. Со свойственной ему страстностью онъ дошелъ до яростной озлобленности и до самыхъ грубыхъ и непристойныхъ кощунствъ. «Самъ сатанистъ Ярославскій-Губельманъ могъ бы ему позавидовать», какъ отозвался о немъ игуменъ Иннокентій.

И вотъ, несмотря на свою полную духовную несостоятельность, Толстой выступаетъ, какъ моралистъ-учитель, кромѣ того онъ берется руководить душами другихъ, иными словами, начинаетъ «старчествовать». Съ той поры онъ сталъ носить и крестьянскую одежду.

Зимы семья Толстыхъ проводила въ Москвѣ ради образованія дѣтей. Домъ ихъ стали посѣщать лица всѣхъ сословій. Ихъ привлекалъ знаменитый писатель и мыслитель. Многіе тянулись къ нему за разрѣшеніемъ недоумѣнныхъ вопросовъ.

Бывшая гувернантка дѣтей Толстыхъ описываетъ Льва Николаевича, сидящаго на тахтѣ съ поджатой подъ себя ногой, — въ своей обычной позѣ, «à la Tolstoy», какъ она выражается. Передъ нимъ люди, излагающіе свои семейные вопросы, или вообще свои недоумѣнія, и Толстой, не сомнѣваясь, разрубаетъ всѣ гордіевы узлы, рѣшаетъ чужія проблемы, даетъ совѣты, несмотря на то, что самъ сознаетъ внутри себя, что далеко не обрѣлъ искомой истины.

Характерно, какъ его описываетъ въ этотъ періодъ жизни госпожа Лопатина, православно вѣрующая, сестра извѣстнаго философа: «И вотъ онъ вдругъ вошелъ своей

легкой молодой походкой, въ мягкихъ, беззвучныхъ сапогахъ, въ сѣрой блузѣ съ тонкимъ ремешкомъ-поясомъ, со своей большой бородой и непередаваемымъ рѣзко неправильнымъ лицомъ, пронзительно острыми умными глазами. И глаза эти сразу, и уже на всю жизнь, показались мнѣ жесткими, недобрыми, такими, какъ опредѣлилъ ихъ мой отецъ: «волчьи глаза». Потомъ уже всегда, когда онъ вдругъ входилъ, мнѣ дѣлалось не по себѣ и жутко: будто въ яркій солнечный день открыли двери въ темный погребъ».

Марія Николаевна Толстая, сестра писателя, говорила Лопатиной: «Вѣдь Левочка какой человѣкъ то былъ! Совершенно замѣчательный! и какъ интересно писалъ. А вотъ теперь, какъ засѣлъ за свои толкованія Евангелій, силъ никакихъ нѣтъ. Вѣрно всегда въ немъ былъ бѣсъ!» И это она совершенно убѣжденно говорила, и, конечно, совершенно вѣрно. Я-то въ этомъ никогда не сомнѣвалась. Вспоминаю, напримѣръ, такой случай: на какой-то свадьбѣ, одинъ извѣстный въ Москвѣ приватъ-доцентъ, сынъ ученаго богослова-священника, опять общій нашъ съ Толстымъ знакомый, былъ пьянъ; въ церкви, подписываясь подъ брачнымъ документомъ, какъ свидѣтель, вошелъ въ алтарь и положилъ его на престолъ; ему сказали, что дѣлать этого нельзя, что это престолъ, а онъ въ отвѣтъ такое кощунство сказалъ, что у всѣхъ волосы на головѣ зашевелились. Толстой, когда ему разсказали объ этомъ, пришелъ въ дикій восторгъ: «Нѣтъ! пойдите сюда, вы не слышали?» и покатываясь съ хохоту, хлопалъ себя по ляжкамъ, «вотъ великолѣпно отвѣтилъ!» Для меня это было и есть совершенно несомнѣннымъ присутствіемъ въ немъ бѣса». *)

Не лишенъ интереса и отзывъ о Толстомъ художника Нестерова, приведенный въ статьѣ митрополита Антонія, написанной имъ уже за границей въ 1933 г.

«Невольно припоминается мнѣ заключеніе художника Нестерова, прогостившаго у Льва Николаевича цѣлую недѣлю и говорившаго мнѣ лично: «Я съ великимъ удовольствіемъ всматривался въ этого геніальнаго человѣка и старался его понять. Кто онъ? Увлекшійся ли паче мѣры мистикъ, или послѣдовательный лицемѣръ и обманщикъ, или просто изолгавшійся болтунъ. Долго я объ этомъ думалъ и, наконецъ, провѣривъ свои личныя впечатлѣнія отъ его словъ и поступковъ, я окончательно рѣшилъ: это баринъ озорникъ, который почти съ одинаковой искренностью, или

*) Бунинъ. «Освобожденіе Толстого». ИМКА 1936, стр. 108.

неискренностью, бросается въ дебри разныхъ, другъ съ другомъ непримиримыхъ фантазій и, привыкнувъ выворачивать на бумагу все, что ему взбрело въ голову, опираясь на свой авторитетъ у довѣрчивыхъ читателей, а равно и на свою способность прибѣгать къ самымъ смѣлымъ софизмамъ, очень мало безпокоится по поводу всякихъ литературныхъ обличеній своихъ критиковъ, а отмахивается отъ послѣднихъ простымъ заявленіемъ: «мои убѣжденія еще слагаются, и потому немудрено, если я неоднократно отъ однихъ переходилъ къ другимъ мыслямъ».

Когда Толстой проводилъ зимы въ Москвѣ, онъ часто бродилъ по городу и имѣлъ постоянно общеніе съ простымъ народомъ съ цѣлью пропаганды своихъ идей. Модъ передаетъ случай посѣщенія одного рабочаго. «Какъ вы молитесь, ваше сіятельство», обратился къ Толстому рабочій: «если вы не вѣрите въ Апостольскую Церковь? Вѣдь вы слышали, какъ діаконъ въ церкви возглашаетъ: «міромъ Господу помолимся», и хоръ отвѣчаетъ: «Господи помилуй!» Какой трепетъ охватываетъ душу отъ этихъ словъ и отъ этого пѣнія! Душа невольно возносится въ молитвѣ къ Богу». Толстой отвѣчаетъ: «Въ театрѣ тоже чувства несутся навстрѣчу какому-нибудь богу, но все это не по мнѣ!» Затѣмъ Толстой объясняетъ собесѣднику, будто Христосъ запрещалъ молиться въ храмѣ, какъ это изложено въ толстовскихъ толкованіяхъ.

Проповѣдь толстовскаго ученія шла, главнымъ образомъ, чрезъ основанное имъ издательство «Посредникъ», которое распространяло въ годъ черезъ книгоношъ до трехъ, четырехъ милліоновъ книгъ и брошюръ.

Видя возрастающее пагубное вліяніе толстовской проповѣди, добрый геній его — графиня Александра Андреевна Толстая пишетъ ему въ 1887 году: «Я безпрестанно оплакиваю въ своемъ сердцѣ ту отвѣтственность, которую вы берете на себя. Если я ошибаюсь, если ваша совѣсть свободна отъ угрызеній, успокойте меня. Вы говорите, что не распространяете своихъ принциповъ, но просто подводите итоги; но вы, конечно, знаете, что множество людей прислушиваются къ вамъ, и, благодаря страстной вашей увлекательности, основанной на деспотическихъ убѣжденіяхъ, опасность увеличивается. Возможно, что вашъ голосъ, такой, какой онъ есть, возвратитъ нѣкоторыхъ, которые заблуждались и не знали лучшаго пути, но можетъ ли кто-либо получить утѣшеніе? Я боюсь, что вы не въ состояніи дать должную оцѣнку человѣческимъ страданіямъ въ ихъ

разнообразной и жестокой дѣйствительности; что можете вы предложить тѣмъ, которые кричатъ отъ боли, требуя проявленія Христовой любви и Его могущества въ дополненіе къ Его нравственному ученію? И не будетъ ли это иначе умаленное Евангеліе и лишенное тѣхъ невыразимыхъ богатствъ, какими оно обладаетъ? Это и есть, возможно, та прорѣха въ вооруженіи великихъ мыслителей, которые, увлеченные спекуляціей своихъ умовъ, питаютъ себя исключительно ею и упускаютъ изъ виду то человѣчество, для котораго они работаютъ . . . Я не произношу суда и не осуждаю васъ . . .» Ея цѣль предостереженіе, желаніе спасти отъ зла.

На это Толстой отвѣчаетъ сухо, упрямо объясняя, что ея упреки не туда направлены. Упрекать надо не его, а Церковь, ибо несправедливо, чтобы «тѣ, которые считаютъ церковную доктрину невѣрной, должны были бы страдать, видя сѣти церковной пропаганды (для нихъ невыносимой), уловляющей въ свои тенета искренныхъ простыхъ людей и малыхъ дѣтей».

Нельзя не удивляться отсутствію гражданскаго мужества у Толстого всякій разъ, когда читаешь его увѣренія, что онъ не распространяетъ своего ученія. «Вы говорите, что не распространяете своего ученія», пишетъ ему Александра Андреевна въ только что приведенномъ письмѣ (1887).

Въ своемъ отвѣтѣ Синоду (1901) онъ пишетъ: «я никогда не заботился о распространеніи своего ученія. Правда, я самъ для себя выразилъ въ сочиненіяхъ свое пониманіе ученія Христа и не скрывалъ эти сочиненія отъ людей, желавшихъ съ ними познакомиться, но никогда самъ не печаталъ ихъ; говорилъ же людямъ о томъ, какъ я понимаю ученіе Христа только тогда, когда меня объ этомъ спрашивали. Такимъ людямъ я говорилъ то, что думаю, и давалъ, если у меня они были, мои книги». Иными словами, Толстой перекладываетъ на другихъ отвѣтственность за печатаніе книгъ съ его ученіемъ.

За отсутствіе этого гражданскаго мужества упрекаетъ Толстого Диллонъ. *) Толстой поставилъ Диллона въ ложное положеніе, поручивъ ему перевести на англійскій языкъ и напечатать въ Англіи одну свою статью революціоннаго характера. Когда же переводъ съ перевода этой статьи

*) Dillon. Count Leo Tolstoy. A new portrait. London. 1933.

появился въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, Толстой отрекся отъ авторства. И только вмѣшательство Лѣскова и В. Соловьева вынудили Толстого принести письменное извиненіе Диллону, съ просьбой однако не оглашать этого письма въ печати.

Въ 1909 году Толстого посѣтилъ тульскій архіерей. На его слова: «нехорошо разрушать вѣру», Толстой отвѣчаетъ: . . . «считалъ и считаю необходимымъ указывать всѣмъ, у кого нѣтъ вѣры, что человѣку безъ этого жить нельзя; а тѣхъ, которыхъ вѣра ложная, внѣшняя, освобождать отъ того, что скрываетъ для нихъ необходимость истинной вѣры». Подъ истинной вѣрой въ этой казуистикѣ подразумѣвается синтезъ изъ мудрованій древнихъ и новыхъ философовъ. Описавъ бесѣду съ архіереемъ, А. Л. Толстая, («Отецъ» Т. II, 327 стр.), переходитъ къ разсказу о посѣщеніи Ясной Поляны нѣкіимъ Ваисовымъ, послѣдователемъ секты Багая. Ваисовъ выразилъ мысль о необходимости для всѣхъ единой религіи. Это привело въ восторгъ Толстого: «какъ не искать этой общей всѣмъ религіи?» отозвался онъ. Самъ Толстой давно трудился надъ этимъ. Съ этой цѣлью онъ собиралъ и печаталъ въ сборникахъ мысли всѣхъ мудрецовъ древнихъ и новыхъ. Но на пути къ осуществленію этой идеи о единой религіи существуетъ одна преграда, — это вѣра въ божество и воскресеніе Господа Іисуса Христа. О разрушеніи этой единственной въ мірѣ вѣры и говорилъ архіерей.

На разрушеніе ея Толстой и направилъ всѣ свои усилія. Одновременно онъ стремился подорвать и нашъ государственный строй, какъ основанный на этой вѣрѣ и съ нею связанный.

Вліяніе толстовскихъ идей нашло въ Россіи еще болѣе благопріятную почву, чѣмъ за границей. Правда, такъ называемое толстовское движеніе было незначительнымъ. Попытки толстовцевъ создавать коммуны терпѣли неудачи. Самъ Толстой тяготился ими. Но его анархическія, разрушительныя идеи вызывали энтузіазмъ среди либерально настроенныхъ массъ. Толстой былъ для нихъ кумиромъ. Другъ Толстого Эльмеръ Модъ говоритъ: «Толстой, будучи пожилымъ человѣкомъ съ опредѣленнымъ характеромъ и со своими особыми взглядами, не могъ примкнуть къ соціалистическому движенію, но то, что онъ лично самъ находился подъ его вліяніемъ, — это фактъ внѣ всякаго сомнѣнія» (Жизнь Т-го, Т. I, стр. 397).

Не такъ давно проф. Сперанскій (въ Русской Мысли, № 824, 1955) говоритъ что «Толстой былъ безпримѣрнымъ явленіемъ государства въ государствѣ, что вокругъ него была очерчена черта безусловной неприкосновенности. Старый хитрецъ Суворинъ въ своемъ дневникѣ справедливо замѣчалъ: «Въ Россіи два царя: Николай Второй и Левъ Толстой. Который сильнѣе? Николай Второй ничего не можетъ сдѣлать Толстому, а Толстой непрерывно расшатываетъ тронъ Николая Второго».

Вся сила злобы и ненависти Толстого къ существующему строю ярко выражена хотя бы въ предисловіи къ его разсказу «Кто убійцы?», написанному въ 1908 году, начало котораго и приведемъ здѣсь:

«Не могу молчать и не могу, и не могу. Никто не слушаетъ того, что я кричу, о чемъ умоляю людей, но я всетаки не перестаю и не перестану обличать, кричать, умолять все объ одномъ и томъ же до послѣдней минуты моей жизни, которой такъ немного осталось. Умирая буду умолять о томъ же.

О томъ же пишу въ другой формѣ только, чтобы хоть какъ-нибудь дать выходъ тому смѣшанному, мучительному чувству состраданія, стыда, недоумѣнія, ужаса и, страшно сказать, негодованія, доходящаго иногда до ненависти, — чувства, которое не могу не признать законнымъ, потому что знаю, что оно вызывается во мнѣ высшею духовной силой. Знаю, что я долженъ, какъ могу, какъ умѣю выражать его.

Я поставленъ въ ужасное положеніе. Самое простое, естественное для меня было бы то, чтобы высказать злодѣямъ, называющимъ себя правителями, всю ихъ преступность, всю мерзость ихъ, все то отвращеніе, которое они вызываютъ теперь во всѣхъ лучшихъ людяхъ, и которое будетъ въ будущемъ общимъ сужденіемъ о нихъ, какъ о Пугачевыхъ, Стенькахъ Разиныхъ, Маратахъ и тому подобному. Самое естественное было бы то, чтобы я высказалъ имъ это, и они такъ же, какъ они поступаютъ со всѣми обличающими ихъ, послали бы ко мнѣ своихъ одуренныхъ, подкупленныхъ служителей, которые схватили бы меня, посадили меня въ тюрьму, потомъ сыграли бы надо мной ту мерзкую комедію, которая у нихъ называется судомъ, потомъ сослали на каторгу, избавивъ меня отъ того свободнаго положенія, которое среди тѣхъ ужасовъ, которые совершаются вокругъ меня, такъ невыносимо тяжело мнѣ.

И я сдѣлалъ все, что могъ, для того, чтобы достигнуть этой цѣли. Можетъ быть, если бы я участвовалъ въ убійствѣ, я бы достигъ этого.

Называлъ ихъ царя самымъ отвратительнымъ существомъ, безсовѣстнымъ убійцею; всѣ ихъ законы Божіи и государственные гнусными обманами; всѣхъ ихъ министровъ, генераловъ жалкими рабами и наемными убійцами. Все это мнѣ проходитъ даромъ» . . .

Толстой наноситъ ударъ не только государственности: онъ стремится подорвать и ея основу — семью. Въ романѣ «Крейцерова Соната» бракъ называется безнравственной жизнью, разрѣшеніемъ на развратъ; цинизмъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Вначалѣ романъ распространялся въ литографированномъ видѣ, безъ имени автора, и его брали за плату на прочтеніе. «Крейцерова Соната» открываетъ дорогу ряду циничныхъ натуралистическихъ произведеній менѣе одаренныхъ авторовъ типа «Яма» Куприна и т. д.

Архіепископъ Никаноръ Херсонскій пишетъ критику на «Крейцерову Сонату» подъ заглавіемъ «О христіанскомъ супружествѣ. Противъ графа Льва Толстого» 1890. «И кто такой вы (Толстой) по вашимъ правамъ на вселенское учительство?» спрашиваетъ автора преосвященный: «какъ видно изъ вашей «Исповѣди», продолжаетъ онъ, «вы списали вашего гнуснаго героя съ первой половины вашей жизни. Хорошъ выдаваемый вами самому себѣ дипломъ на званіе евангелиста!»

Къ ученію Толстого прислушивалась почти вся Россія; онъ былъ, да и до сихъ поръ остается для многихъ, авторитетомъ и прославленнымъ великимъ человѣкомъ. И какъ правъ былъ Толстой, когда говорилъ: «какой ужасный вредъ авторитеты, прославленные великіе люди, да еще ложные!»

Левъ Львовичъ, сынъ Толстого, очень откровенно говоритъ о томъ вредѣ, который причинилъ его отецъ Россіи. Приведемъ его слова (переводъ съ англійскаго): «Во Франціи говорится часто, что Толстой былъ первой и главной причиной русской революціи, и въ этомъ есть много правды. Никто не сдѣлалъ болѣе разрушительной работы ни въ одной странѣ, чѣмъ Толстой . . . Не было никого во всей націи, кто не чувствовалъ бы себя виновнымъ передъ строгимъ судомъ великаго писателя. Послѣдствія этого вліянія были прежде всего достойны сожалѣнія, а кромѣ того и неудачны». Во время войны «русское правительство, несмотря на всѣ свои усилія, не могло расчитывать на необ-

ходимое содѣйствіе и поддержку со стороны общества... Отрицаніе государства и его авторитета, отрицаніе закона и Церкви, войны, собственности, семьи, — отрицаніе всего передъ началомъ простого христіанскаго идеала; что могло произойти, когда эта отрава проникла насквозь мозги русскаго мужика и полуинтеллигента и прочихъ русскихъ элементовъ» . . . «Къ сожалѣнію, моральное вліяніе Толстого было гораздо слабѣе, чѣмъ вліяніе политическое и соціальное».

«Одна изъ моихъ тетокъ, которая недавно прибыла изъ Россіи, передала мнѣ слѣдующій случай: однажды большевики явились къ ней на квартиру въ Петербургѣ для обыска; они замѣтили въ одной изъ комнатъ два большихъ портрета моего отца. «Почему у васъ здѣсь два портрета Толстого?» спросилъ одинъ изъ нихъ: «почему у васъ ихъ цѣлыхъ два?» «Потому, что я его родственница», отвѣтила тетка. «Въ такомъ случаѣ . . . » и большевикъ вежливо поклонился теткѣ. «Ахъ!» добавилъ онъ грустнымъ, но гордымъ тономъ: «Какая жалость, что онъ не дожилъ до того, чтобы воочію видѣть результаты своей работы». *)

Въ 1899 году вышелъ въ свѣтъ романъ Толстого «Воскресеніе», въ которомъ Толстой превзошелъ даже самого себя въ нападкахъ на Церковь и кощунствахъ.

Передъ его злобными насмѣшками и хулами на величайшее таинство Евхаристіи и издѣвательствами надъ чудотворными иконами **) «поистинѣ блѣднѣютъ тѣ обвиненія на Господа Іисуса и тѣ насмѣшки надъ Нимъ, какія были высказаны распявшими Господа іудеями на судѣ надъ Нимъ и особенно во время распятія: тѣ, по крайней мѣрѣ,

---

*) Lev Lvovich Tolstoy. The Truth about my father. London. 1934. Стр. 101—103, 178.

**) Въ первой главѣ былъ приведенъ разсказъ о томъ, какъ Толстой былъ крестнымъ отцомъ единственный разъ въ жизни. По полученнымъ нами свѣдѣніямъ его крестникъ П. В. Истоминъ сподобился мученическаго вѣнца за Имя Христово. Его сестра, нынѣ здравствующая передаетъ слѣдующій случай изъ жизни Толстого: «Въ Москвѣ жила графиня Клейнмихель, вѣрующая и съ очень рѣшительнымъ характеромъ. Въ пріемный день у нея собралось очень много гостей. Шелъ общій разговоръ о новомъ явленіи чудотворнаго образа Божіей Матери. Входитъ Толстой, садится въ кресло и, прислушавшись къ разговору, позволилъ себѣ высказать о Божіей Матери оскорбительныя слова, которыя я не хочу даже повторять, но знаю ихъ, такъ какъ мать моя присутствовала при этомъ. Графиня встала и молча нажала кнопку звонка на столѣ. Въ дверяхъ появился лакей. «Выведите отсюда этого господина!» сказала она ему, указавъ на Толстого. Лакей подошелъ и вывелъ его при всемъ обществѣ изъ пріемной гостинной».

лишь условно отрицали божество Христа» («Кормчій», 1901).

Со всею безпощадностью обличаетъ Толстого и отецъ Іоаннъ Кронштадтскій за то, что онъ и его послѣдователи попираютъ «кровь Новаго Завѣта, изліянную за весь міръ» Спасителемъ «въ крестныхъ мукахъ» . . . «и скверну возомнили ее». «Но Богъ поругаемъ не бываетъ!» «Горе Льву Толстому, умирающему во грѣхѣ невѣрія и богохульства. Смерть грѣшника будетъ люта», и прозорливо добавляетъ: «но, конечно, это скроютъ родные».

Въ 1901 году Святѣйшій Синодъ отлучаетъ Толстого. Возмущенная этимъ, его жена Софья Андреевна посылаетъ митрополиту Петербургскому Антонію *) слѣдующее письмо: «Ваше Высокопреосвященство! Прочитавъ вчера въ газетахъ жестокое распоряженіе Синода объ отлученіи отъ Церкви мужа моего графа Льва Николаевича Толстого и увидѣвъ въ числѣ подписей пастырей Церкви и вашу подпись, я не могла остаться къ этому вполнѣ равнодушной: горестному негодованію моему нѣтъ предѣловъ; и не съ точки зрѣнія того, что отъ этой бумаги погибнетъ духовно мужъ мой, — это не дѣло людей, а дѣло Божіе; жизнь души человѣческой, съ религіозной точки зрѣнія, никому, кромѣ Бога, невѣдома, и, къ счастью, неподвластна. Но съ точки зрѣнія той Церкви, къ которой я принадлежу и никогда не отступлю, которая создана Христомъ для благословенія Именемъ Божіимъ всѣхъ значительнѣйшихъ моментовъ человѣческой жизни: рожденій, браковъ, смертей, горестей и радостей людскихъ . . . , которая громко должна провозглашать законъ любви, всепрощенія, любовь къ врагамъ, къ ненавидящимъ насъ, молиться за всѣхъ. Съ этой

---

*) Митрополитъ Антоній, представитель ученаго просвѣщеннаго монашества, въ міру Александръ Васильевичъ Вадковскій, родился въ семьѣ священника Тамбовской губ., въ 1846 г. По окончаніи Казанской Академіи сразу же былъ принятъ въ число ея преподавателей въ званіи магистра. Послѣ смерти горячо любимыхъ жены и дѣтей принялъ постригъ. Въ санѣ архимандрита занялъ должность инспектора сначала Казанской, а вскорѣ и Петербургской академіи; въ санѣ епископа сталъ ея ректоромъ. Всю жизнь митрополитъ Антоній писалъ ученые труды и сотрудничалъ въ академическихъ и др. журналахъ. Онъ пользовался любовью и авторитетомъ среди студенчества и посылалъ молодыхъ богослововъ для чтенія лекцій и бесѣдъ въ общественные залы, тюрьмы и ночлежные дома, воспитывая, т. об., полезныхъ церковныхъ дѣятелей. Послѣ академіи онъ возглавлялъ Финляндскую архіепископію, а затѣмъ въ санѣ митрополита и Петербургскую епархію. Своими учеными трудами онъ былъ извѣстенъ не только въ Россіи, но и на Западѣ. Тамъ, какъ спеціалистъ по старокатолическому вопросу. Еще изъ Финляндіи онъ ѣздилъ въ Англію на

точки зрѣнія для меня непостижимо распоряженіе Синода. Оно вызываетъ не сочувствіе (развѣ только Московскихъ Вѣдомостей), а негодованіе въ людяхъ и бóльшую любовь и сочувствіе къ Льву Николаевичу. Уже мы получаемъ такія изъявленія, и имъ не будетъ конца, отъ всего міра. Не могу не упомянуть еще о горѣ, испытанномъ мною о той безсмыслицѣ, о которой я слышала раньше, о секретномъ распоряженіи Синода священникамъ не отпѣвать въ церкви Льва Николаевича въ случаѣ его смерти. Кого же хотятъ наказать: умершаго, нечувствующаго уже ничего человѣка, или окружающихъ его вѣрующихъ и близкихъ ему людей? Если это угроза, то кому и чему? Неужели для того, чтобы отпѣвать моего мужа и молиться за него въ церкви, я не найду или такого порядочнаго человѣка, который не побоится людей передъ настоящимъ Богомъ любви, или непорядочнаго, котораго я подкуплю большими деньгами для этой цѣли? Но мнѣ это и не нужно: для меня Церковь есть понятіе отвлеченное, и служителями ея я признаю только тѣхъ, кто истинно понимаетъ значеніе Церкви. Если же признать Церковью людей, дерзающихъ своей злобой нарушить высшій законъ — любовь Христа, то давно бы мы всѣ истинно вѣрующіе и посѣщающіе церковь, ушли бы отъ нея. И виновны въ грѣшныхъ отступленіяхъ отъ Церкви не заблудившіеся люди, а тѣ, которые гордо признали себя во главѣ ея, и, вмѣсто любви, смиренія и всепрощенія, стали духовными палачами тѣхъ, кого вѣрнѣе проститъ Богъ за ихъ смиренную, полную отреченія отъ земныхъ благъ, любви и помощи людямъ жизнь, хотя и внѣ Церкви, чѣмъ носящихъ митры и звѣзды, но карающихъ и отлучающихъ отъ Церкви пастырей ея. Опровергнуть мои слова лицемѣрными доводами легко, но глубокое пониманіе истины и настоящихъ намѣреній людей никого не обманетъ. Графиня Софья Толстая. 26 февраля 1901 г.».

Въ печати обычно приводится только письмо Софьи Андреевны, а отвѣтъ митрополита Антонія опускается. Опущенъ онъ и въ воспоминаніяхъ А. Л. Толстой «Отецъ», но сказано, что Левъ Николаевичъ не счелъ нужнымъ даже прочесть его, а затѣмъ подробно описывается демонстра-

---

юбилейныя торжества королевы Викторіи, гдѣ, въ знакъ уваженія къ его ученымъ трудамъ, получилъ почетные докторскіе дипломы Кембриджскаго и Оксфордскаго университетовъ. Изъ неопубликованныхъ матеріаловъ намъ извѣстно его негласное участіе въ дѣятельности столичнаго благотворительнаго тюремнаго комитета. Въ случаѣ надобности митрополитъ ѣздилъ во дворецъ къ государю ходатайствовать за нѣкоторыхъ заключенныхъ, и государь охотно исполнялъ его просьбы.

тивное, во множествѣ писемъ выраженное сочувствіе, пострадавшему отъ злобы и мести Церкви Толстому.

Почему отвѣтъ опущенъ, понятно. Иначе пропадетъ весь эффектъ негодованія Софьи Андреевны, эффектъ обычныхъ либерально-шаблонныхъ нападокъ на Церковь.

Приведемъ отвѣтъ владыки Антонія, этотъ важный, замѣчательный историческій документъ, гдѣ ясно выступаетъ все величіе Церкви, ея снисхожденіе и любовь, простирающіяся и на ея враговъ, столько лѣтъ терпѣвшей изступленныя издѣвательства надъ собой и кощунства надъ всѣмъ святымъ отрекшагося отъ Христа Толстого. Мягко и спокойно, съ любовью и мудростію отвѣчаетъ митрополитъ Антоній на взволнованное, полное упрековъ и негодованія письмо Толстой:

«Милостивая Государыня Софья Андреевна! Не то жестоко, что сдѣлалъ Синодъ, объявивъ объ отпаденіи вашего мужа, а жестоко то, что самъ онъ сдѣлалъ съ собой, отрекшись отъ вѣры въ Іисуса Христа, Сына Бога Живаго, Искупителя и Спасителя нашего. На это-то отреченіе и слѣдовало давно излиться вашему горестному негодованію. И не отъ клочка, конечно, печатной бумаги гибнетъ мужъ вашъ, а отъ того, что отвратился отъ Источника жизни вѣчной. Для христіанина немыслима жизнь безъ Христа, по словамъ Котораго вѣрующій въ Него имѣетъ жизнь вѣчную и переходитъ отъ смерти къ жизни, а невѣрующій не увидитъ жизни, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ (Іоан. III, 15, 36; V, 24). И потому объ отрекающихся отъ Христа одно только можно сказать, что онъ перешелъ отъ жизни къ смерти. Въ этомъ и состоитъ гибель вашего мужа, но въ этой гибели повиненъ онъ самъ одинъ, а не кто-либо другой.

Изъ вѣрующихъ въ Христа состоитъ Церковь, къ которой вы себя считаете принадлежащей, и для вѣрующихъ, для членовъ своихъ, Церковь эта благословляетъ Именемъ Божіимъ всѣ значительнѣйшіе моменты человѣческой жизни: рожденія, браки, смерти, горести и радости людскія, но никогда не дѣлаетъ она этого и не можетъ дѣлать для невѣрующихъ, для язычниковъ, для хулящихъ Имя Божіе, для отрекшихся отъ нея и не желающихъ получить отъ нея ни молитвъ, ни благословеній, вообще для всѣхъ тѣхъ, которые не суть члены ея. И потому, съ точки зрѣнія этой Церкви, распоряженіе Синода вполнѣ постижимо, понятно и ясно какъ Божій день. И законъ любви и всепрощенія этимъ ничуть не на-

рушенъ. Любовь Божія безконечна, но и она прощаетъ не всѣхъ и не за все: хула на Духа Святаго не прощается ни въ сей, ни въ будущей жизни (Матѳ. XII, 32). Господне всепрощеніе ищетъ человѣка своею любовью, но человѣкъ иногда не хочетъ идти навстрѣчу этой любви и бѣжитъ отъ лица Бога, а потому и погибаетъ. Христосъ молился на крестѣ за враговъ своихъ, но и Онъ въ своей первосвященнической молитвѣ изрекъ горькое для любви Его слово, что погибъ сынъ погибельный (Іоан. XVII, 12).

О вашемъ мужѣ, пока живъ онъ, нельзя сказать, что онъ погибъ; но совершенная правда сказана о немъ, что онъ отъ Церкви отпалъ и не состоитъ ея членомъ, пока не покается и не возсоединится съ ней. Въ своемъ посланіи, говоря объ этомъ, Синодъ засвидѣтельствовалъ лишь существующій фактъ, и потому негодовать на него могутъ только тѣ, которые не разумѣютъ, что творятъ.

Вы получаете выраженія сочувствія отъ всего міра. Не удивляюсь сему, но думаю, что утѣшаться вамъ тутъ нечѣмъ. Есть слава человѣческая, и есть слава Божія. «Слава человѣческая, какъ цвѣтъ на травѣ: засохла трава, и цвѣтъ ея опалъ; но слава Господня пребываетъ во вѣкъ» (I Петр. I, 24, 25).

Когда въ прошломъ году газеты разнесли вѣсть о болѣзни графа, то для священнослужителей во всей силѣ сталъ вопросъ: слѣдуетъ ли отпавшаго отъ вѣры и Церкви удостоивать христіанскаго погребенія и молитвъ? Послѣдовало обращеніе къ Синоду, и онъ въ руководство священнослужителямъ секретно далъ и могъ дать только одинъ отвѣтъ: не слѣдуетъ, если умретъ, не возстановивъ своего общенія съ Церковью. Никому тутъ никакой угрозы нѣтъ и иного отвѣта быть не могло. И я не думаю, чтобы нашелся какой-нибудь, даже непорядочный священникъ, который бы совершилъ надъ графомъ христіанское погребеніе а если бы и совершилъ, то такое погребеніе надъ невѣрующимъ было бы преступной профанаціей священнаго обряда Да и зачѣмъ творить насиліе надъ мужемъ вашимъ? Вѣдь. безъ сомнѣнія, онъ самъ не пожелаетъ совершенія надъ нимъ христіанскаго погребенія.

Разъ вы живой человѣкъ хотите себя считать членомъ Церкви, и она, дѣйствительно, есть союзъ живыхъ, разумныхъ существъ во Имя Бога Живаго, то ужъ падаетъ само собою ваше заявленіе, что Церковь для васъ есть понятіе отвлеченное.

Митрополитъ С.-Петербургскій Антоній (Вадковскій)

И напрасно вы упрекаете служителей Церкви въ злобѣ и нарушенiи высшаго закона любви, Христомъ заповѣданной. Въ синодальномъ актѣ нарушенія этого закона нѣтъ. Это, напротивъ, актъ любви, актъ призыва мужа вашего къ возврату въ Церковь и вѣрующихъ къ молитвѣ о немъ.

Пастырей Церкви поставляетъ Господь, а не сами они гордо, какъ говорите, признали себя во главѣ ея. Носятъ они брилліантовыя митры и звѣзды, но это въ ихъ служеніи совсѣмъ не существенно. Оставались они пастырями, одѣваясь въ рубище, гонимые и преслѣдуемые; останутся таковыми и всегда, хотя бы и въ рубище пришлось имъ одѣться, какъ бы ихъ ни хулили и какими бы презрительными словами ни обзывали.

Въ заключеніе прошу прощеніе, что не сразу вамъ отвѣтилъ. Я ожидалъ, пока пройдетъ первый порывъ острый вашего огорченія. Благослови васъ Господь и храни и графа мужа вашего помилуй.

Антоній митрополитъ Петербургскій. Марта 16 дня 1901 г.».

Въ своемъ «Отвѣтѣ Синоду» Толстой говоритъ прямо: «То, что я отрекся отъ Церкви, называющей себя Православной, это совершенно справедливо». Онъ де «убѣдился, что ученіе Церкви есть теоретическая, коварная и вредная ложь, практически же собраніе самыхъ грубыхъ суевѣрій и колдовства, скрывающее совершенно весь смыслъ христіанскаго ученія». Колдовство онъ видитъ «во всѣхъ молитвахъ, заклинаніяхъ, которыми наполненъ требникъ».

Въ слѣдующемъ 1902 году, 1 ноября, въ своемъ обращеніи къ духовенству онъ пишетъ: «Говорятъ о вредныхъ книгахъ (подразумѣваются его анархическія и кощунственныя произведенія). Но есть ли въ христіанскомъ мірѣ книга, надѣлавшая больше вреда людямъ, чѣмъ эта ужасная книга, называемая «Священной Исторіей Ветхаго и Новаго Завѣта»? Вся исторія эта есть рядъ чудесныхъ событій и страшныхъ злодѣяній, совершаемыхъ еврейскимъ народомъ, его предводителями и самимъ Богомъ. Но мало того, что церковное ученіе вредно своею неразумностью и безнравственностью, оно особенно вредно тѣмъ, что люди, исповѣдующіе это ученіе, живя безъ всякихъ сдерживающихъ ихъ нравственныхъ требованій, совершенно увѣрены въ томъ, что они живутъ настоящей христіанской жизнью!»

Но съ годами максимализмъ Толстого снижается. Въ 1904 году, къ удивленію многихъ, онъ пригласилъ священ-

ника къ умирающему брату. Черезъ два года онъ зоветъ священника напутствовать больную жену. Въ дневникѣ отъ 2 сентября 1906 года онъ оправдывается: «Я не только согласился, но охотно содѣйствовалъ. Есть люди, которымъ недоступно отвлеченное, чисто духовное отношеніе къ Началу жизни; имъ нужна форма грубая. Но за этой формой тоже духовное. И хорошо, что оно есть, хотя и въ грубой формѣ».

Высказывая подобную мысль, Толстой вторитъ словамъ индусскаго мистика Рамакришны, который по поводу идолопоклонства разсуждаетъ такъ: «Мы видимъ дѣвочекъ съ ихъ куклами. Какъ долго будутъ онѣ ими играть? Только пока онѣ не вышли замужъ . . . Подобно этому каждый нуждается въ изображеніяхъ и символахъ, пока нѣтъ представленія о Богѣ въ его истинномъ пониманіи. Самъ Богъ внушилъ эти различныя формы поклоненія сообразно разнымъ стадіямъ духовнаго роста и пониманія» (Life, 7-го февраля 1955).

Только что было упомянуто нами о болѣзни Софіи Андреевны. Остановимся на этомъ теперь нѣсколько подробнѣе, чтобы выяснить, какъ относился Толстой къ медицинѣ. Спасъ ея жизнь профессоръ Снѣгиревъ. Приведемъ выдержки изъ его воспоминаній:

«Если не сдѣлать операціи сейчасъ же», объявляетъ профессоръ, «то больная умретъ. И какъ ни важно мнѣ содѣйствіе профессора Феноменова, но я долженъ приступить къ операціи немедленно».

Больная все время жаловалась, что при такихъ страданіяхъ она не можетъ жить: «И потому рѣжьте меня» говорила она.

Я отправился къ Льву Николаевичу и высказалъ ему необходимость операціи. Онъ отвѣтилъ: «Я смотрю пессимистически на здоровье жены: она страдаетъ серьезной болѣзнью. Приблизилась великая и торжественная минута смерти, которая на меня дѣйствуетъ умилительно. И надо подчиниться волѣ Божіей. Я противъ вмѣшательства, которое нарушаетъ величіе и торжественность акта. Всѣ мы должны умереть не сегодня, — завтра, черезъ пять лѣтъ. И я устраняюсь: я ни за, ни противъ» . . . Я сказалъ: «можетъ быть и не надо дѣлать операціи, но тогда найдите средство, какъ утишить боль и страданія. Я не знаю сред-

ства, кромѣ операціи». «Страданія необходимы: они помогают приготовиться къ великому акту смерти» . . . Въ результатѣ рѣшили утвердительно больная и дѣти. Операція прошла благополучно, и Софья Андреевна прожила еще около пятнадцати, двадцати лѣтъ. Черезъ два дня послѣ операціи Толстой дѣлаетъ въ дневникѣ слѣдующую запись: «Это ужастно грустно. Мнѣ ее жаль: перенести большія страданія и фактически напрасно. Я просто не знаю! Это грустно, очень грустно, но очень хорошо!»

Но при отрицательномъ отношеніи къ медицинѣ самъ Толстой всякій разъ, когда болѣлъ, не разгонялъ медицинскихъ свѣтилъ, съѣзжавшихся къ одру его бозѣзни изъ обѣихъ столицъ Россійской Имперіи, и не подымался тогда вопросъ о безразличіи умереть сегодня или черезъ пять лѣтъ . . . Толстой покорно и добросовѣстно лѣчился.

III

ТОЛСТОЙ И ОПТИНА ПУСТЫНЬ.

Гордость есть крайнее убожество души, которая мечтаетъ о себѣ, что богата, и, находясь во тьмѣ, думаетъ, что она во свѣтѣ.

(Іоаннъ Лѣствичникъ).

Въ теченіе своей жизни Толстой, наряду съ другими выдающимися русскими писателями и мыслителями, неоднократно посѣщалъ Оптину пустынь. Онъ былъ тамъ не менѣе четырехъ разъ. Послѣдній разъ передъ самой своей смертью. Первая поѣздка состоялась въ 1877 г. вмѣстѣ со Страховымъ. Въ это время былъ тотъ краткій періодъ въ жизни Толстого, когда онъ пытался примкнуть къ «вѣрѣ народной». Однако эта поѣздка не принесла ему никакой духовной пользы, какъ и паломничество въ Кіевъ. Кстати сказать, въ Оптиной ему понравился не великій старецъ Амвросій, а его келейникъ Пименъ, который спалъ во время его разговора со старцемъ. Въ письмѣ къ Толстому Страховъ сообщаетъ о благопріятномъ впечатлѣніи, которое произвелъ Толстой въ монастырѣ.

Три года спустя, когда послѣдній уже отрекся отъ Православной вѣры и вступилъ на путь богоискательства, полагая, что въ этомъ сущность религіозной жизни, онъ отправился пѣшкомъ со своимъ слугой Сергѣемъ Арбузовымъ въ Оптину пустынь. *)

Въ жизнеописаніи старца Амвросія (Москва, 1900), мы находимъ слѣдующія подробности его тамъ пребыванія: «У старца Амвросія былъ и графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Пришелъ онъ въ Оптину пѣшкомъ, въ крестьянской одеждѣ, въ лаптяхъ и съ котомкой за плечами. Вскорѣ, впрочемъ, открылось его графское достоинство. Пришелъ

*) Maude. The life of Tolstoy. N.Y. 1910. т. II, стр. 384.

онъ что-то купить въ монастырскую лавку и началъ при всѣхъ раскрывать свой туго набитый деньгами кошелекъ, и потому вскорѣ узнали кто онъ таковъ. Онъ остановился въ простонародной гостинницѣ. Одного бѣднаго дьячка о. Амвросій спросилъ: «гдѣ остановился?» «Да тамъ, отвѣчалъ тотъ, съ графомъ, въ простонародной». Когда Толстой былъ у старца Амвросія, то указалъ ему на свою крестьянскую одежду. «Да что изъ этого?» воскликнулъ старецъ съ улыбкою, поглядывая на него. Дальнѣйшій разговоръ автору житія остался неизвѣстенъ.

Эльмеръ Модъ, другъ и біографъ Толстого, слышалъ отъ его сестры монахини Маріи, что въ одно изъ этихъ двухъ первыхъ посѣщеній у Толстого было столкновеніе съ о. Амвросіемъ, но Модъ не знаетъ, къ которому изъ нихъ его отнести. По всей вѣроятности это было во второй разъ (1881), такъ какъ первое посѣщеніе оставило благопріятное впечатлѣніе; есть основанія полагать, что въ эту свою вторую поѣздку Толстой развилъ о. Амвросію свои духовныя «открытія» и получилъ должный отпоръ.

Третья поѣздка (1890) произошла девять лѣтъ спустя. Толстой посѣтилъ Оптину, когда ѣздилъ съ дочерью навѣстить свою сестру монахиню Марію въ Шамардинской обители, расположенной въ 12-ти верстахъ отъ Оптиной пустыни. Это было за годъ до смерти старца Амвросія, которому было тогда 78 лѣтъ. Тридцать съ лишнимъ лѣтъ уже былъ прикованъ онъ къ одру болѣзни.

Опишемъ это посѣщеніе Оптиной со словъ Мода, черпавшаго свои свѣдѣнія непосредственно отъ самого Толстого и его окруженія.

Войдя къ старцу, Толстой принялъ благословеніе и поцѣловалъ его руку, а выходя поцѣловалъ въ щеку, чтобы избѣжать благословенія. Разговоръ между ними былъ столь острымъ и тяжелымъ, что старецъ оказался въ полномъ изнеможеніи и еле дышалъ. «Онъ крайне гордъ», отозвался о немъ о. Амвросій.

Затѣмъ Толстой посѣтилъ жившаго въ Оптиной Константина Николаевича Леонтьева, извѣстнаго философа и писателя. Послѣдній въ слѣдующемъ году принялъ постригъ съ именемъ Климента. Онъ скончался почти сразу вслѣдъ за старцемъ въ Троице-Сергіевой лаврѣ, куда онъ переѣхалъ послѣ пострига. О. Амвросій, прощаясь съ Леонтьевымъ, сказалъ ему: «Мы скоро увидимся!», предсказывая этимъ и свою, и его близкую кончину.

Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ (1831—1891) нашелъ покой и умиротвореніе у ногъ старца Амвросія, какъ раньше у ногъ старца Макарія другой «оптинецъ», Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій *) (1806 — 1856). Онъ, выученикъ Запада, въ совершенствѣ зналъ западную философію и, изучивъ въ совершенствѣ любомудріе (философію) святыхъ отцовъ, указалъ путь, какимъ должна идти самобытная русская культура. Ихъ обоихъ старцы признавали «своими».

Скажемъ нѣсколько словъ о Леонтьвѣ, этомъ исключительномъ и выдающемся самобытномъ русскомъ мыслителѣ и эстетѣ-писателѣ.

«Достоинство Леонтьева чрезмѣрно», говоритъ о немъ В. Розановъ. **) Но современники его замолчали: «Прошелъ великій мужъ по Руси и легъ въ могилу. Ни звука при немъ о немъ. Карканьемъ воронъ онъ встрѣченъ и провоженъ». Только теперь, почти черезъ сто лѣтъ, начинаютъ о немъ говорить и считать скорѣе нашимъ современникомъ, чѣмъ своей эпохи; и это только послѣ опыта революціи и всѣхъ послѣдовавшихъ событій, когда мы видимъ результаты и подводимъ итоги. «Леонтьевъ кажется немного старомоднымъ современникомъ, можетъ быть, слишкомъ тонкимъ и умнымъ, но человѣкомъ нашего времени», говоритъ Б. Филипповъ. ***)

Восторгаясь художественностью произведеній Леонтьева, Розановъ даетъ такую образную характеристику его таланту: «Съ Леонтьевымъ чувствуешь, что выступаешь въ «мать-кормилицу-широку-степь», во что-то дикое и царственное, гдѣ или «голову положить», или «царскій вѣнецъ взять» . . . «Геній его какой-то особенный . . . идеи его были исключительны; и не удивительно, что не принялись, но вполнѣ удивительно, что онъ не былъ оцѣненъ и какъ писатель, какъ «калибръ ума», какъ «портретъ литературный» въ галлереѣ нашей словесности». ****)

Взгляды Леонтьева, говоритъ Филипповъ, «поражаютъ афористической четкостью формулировокъ, подлинно естественно-научнымъ подходомъ къ вопросамъ соціальнымъ и историческимъ, обиліемъ сопоставленій и примѣровъ изъ

---

*) И. М. Концевичъ. «Стяжаніе Духа Святаго въ путяхъ Древней Руси». Парижъ. 1952. Стр. 155—158.

**) В. В. Розановъ. «Неузнанный феноменъ». «Памяти К. Н. Леонтьева. Литературный Сборникъ». СПБ. Стр. 165—184.

***) К. Леонтьевъ. «Египетскій Голубь». Изд-во им. Чехова. Нью-Іоркъ. 1954. См. предисловіе Бориса Филиппова. Стр. 1—32.

****) В. В. Розановъ. «Неузнанный феноменъ». Стр. 171 — 172.

области естествознанія и исторіи болѣзней, и не по-русски жесткой и жестокой мыслью. Медицинское образованіе Леонтьева несомнѣнно помогло ему въ его хладнокровномъ анализѣ самыхъ за душу хватающихъ проблемъ». *)

«Чѣмъ дорогъ намъ Леонтьевъ, забытый и замолчанный когда-то? . . . Въ нашъ вѣкъ, — вѣкъ сильно стершихся и на одинъ ладъ сформированныхъ «среднихъ людей», уже наградившихъ насъ и движеніемъ «человѣка съ улицы» и различными варіантами соціализма вплоть до коммунизма, «хорошо хотя бы изрѣдка соприкоснуться съ великимъ врагомъ и ненавистникомъ средняго, шаблоннаго, обезкультуреннаго машиной и бытомъ человѣка. Соприкоснуться съ тѣмъ, кто видитъ вѣчную красоту и развитіе міра и культуры въ ихъ внутреннемъ богатствѣ, въ ихъ сложности и многогранности . . . Не на подмосткахъ, не въ книжкѣ, — а видитъ и пріучаетъ видѣть въ самой жизни.

Средній человѣкъ убилъ, обездушилъ великую когда-то культуру Евразіи. И жестокій умъ и горячій темпераментъ Леонтьева давно уже опредѣлилъ и мѣсто, и значеніе, и роковую роль и судьбу (курсивъ мой) этого средняго европейца». **)

Отмѣчая совершенную самобытность мысли Леонтьева, Филипповъ говоритъ затѣмъ о ея «предѣльной честности, ни передъ чѣмъ не останавливающейся и ничего не боявшейся: ни неизбѣжнаго остракизма, которому не могло не подвергнуть его русское общество XIX-го вѣка, съ его высокимъ пафосомъ соціальной морали; ни одиночества, ни разрыва съ самыми близкими друзьями своими, напримѣръ, съ Владиміромъ Соловьевымъ.

Знаменитая теорія о «Тріединомъ процессѣ развитія» жизни государства «блестяще изложена Леонтьевымъ въ лучшихъ философски публицистическихъ произведеніяхъ его —въ «Византизмѣ и славянствѣ» (1875) и посмертномъ «Среднемъ европейцѣ, какъ идеалѣ и орудіи всемірнаго разрушенія».

«Обращаясь къ общественнымъ дѣятелямъ и «власть имущимъ», «убѣждаетъ ихъ спасти міръ и Россію отъ неотвратимой гибели. Современники и справа и слѣва — равно чужды ему и его боли: «Страстное письмо съ невѣрно написаннымъ на конвертѣ адресомъ»,—такъ называетъ творчество и горячую проповѣдь Леонтьева единственный человѣкъ, сердечно пришедшій къ нему, увы, въ самый послѣдній годъ жизни писателя, — Розановъ».

*) К. Леонтьевъ. «Египетскій Голубь». Предисловіе Б. Филиппова. Стр. 21. **) Тамъ же. Стр. 31—32.

Леонтьевъ былъ «литературнымъ изгоемъ», обреченнымъ на «полное одиночество. Нищета и полунищета, забытость, неприкаянность. Ненужность никому въ эпохѣ».*)

О встрѣчѣ Леонтьева съ Толстымъ Модъ передаетъ слѣдующее: «Толстой спросилъ Леонтьева: «Какимъ образомъ вы, человѣкъ образованный, могли стать православноверующимъ и рѣшиться жить здѣсь?» Леонтьевъ отвѣтилъ: «Поживите здѣсь и вы сами станете вѣрующимъ». Толстой возразилъ: «разумѣется, если кого сюда запрячутъ, то невольно увѣруешь». За чаемъ онъ преподнесъ Леонтьеву экземпляръ своего сокращеннаго евангелія. Въ отвѣтъ Леонтьевъ далъ Толстому брошюру, опровергающую толстовскіе домыслы. На это Толстой замѣтилъ: «Это полезная книжка для рекламы моего евангелія». Леонтьевъ вспыхнулъ: «Какъ вы дерзаете здѣсь въ скиту, управляемомъ такимъ святымъ лицомъ, какъ о. Амвросій, толковать о какомъ-то «своемъ» евангеліи? Такъ позволительно выражаться, можетъ быть, въ Томскѣ, или въ столь же отдаленномъ мѣстѣ!» Толстой воскликнулъ: «Хорошо! у васъ много знакомствъ. Напишите въ Петербургъ, и, можетъ быть, меня сошлютъ въ Томскъ». **)

Въ сборникѣ посвященномъ памяти К. Н. Леонтьева этотъ разговоръ переданъ нѣсколько иначе: «Въ началѣ 1890 г. былъ въ Оптиной Л. Н. Т. Онъ посѣтилъ Константина Николаевича, и все время, часа два съ лишкомъ, они спорили о вѣрѣ. Прощаясь Леонтьевъ сказалъ Толстому: «Жаль, Левъ Николаевичъ, что у меня мало фанатизма, а надо бы написать въ Петербургъ, гдѣ у меня есть связи, чтобы васъ сослали въ Томскъ и чтобы не позволили ни графинѣ, ни дочерямъ вашимъ даже посѣщать васъ, и чтобы денегъ высылали вамъ мало, а то вы положительно вредны». На это Толстой съ жаромъ воскликнулъ: «Голубчикъ! Константинъ Николаевичъ! напишите, ради Бога, чтобы меня выслали, это моя мечта. Я дѣлалъ все возможное, чтобы компрометировать себя въ глазахъ правительства, и все сходитъ мнѣ съ рукъ. Прошу васъ, напишите!»

Въ дневникѣ Толстого значится: «28-го февраля 1890. Достигъ терпимости Православія въ этотъ періодъ. Былъ у Леонтьева. Прекрасно бесѣдовали». Толстой съ молодыхъ

---

*) К. Леонтьевъ. «Египетскій Голубь». Изд-во им. Чехова. Нью Іоркъ. 1954. см. Предисловіе Б. Филиппова. Стр. 1—32.

**) Maude. The life of Tolstoy. N.Y. — 1910. T. II, стр. 411.

лѣтъ забавлялся тѣмъ, что раздражая людей, выводилъ ихъ изъ терпѣнія, какъ это онъ и продѣлывалъ, вернувшись послѣ севастопольской кампаніи съ Тургеневымъ и другими писателями. То же продѣлалъ онъ и съ Леонтьевымъ, а старца довелъ до изнеможенія. Хороши же «терпимость» и «прекрасная бесѣда». Толстой доволенъ, что разстроилъ собесѣдниковъ.

Несомненно, старецъ Амвросій сильно и крѣпко обличилъ его: объ этомъ говоритъ та непріязнь Толстого къ старцу, которая осталась у него съ этихъ поръ до конца жизни. Въ разговорѣ съ Гольденвейзеромъ незадолго до своей смерти Толстой ставилъ на одну доску старца Амвросія и такого пустоцвѣта, какимъ былъ разстриженный священникъ Григорій Петровъ. Толстой выражается о нихъ обоихъ, какъ о равнозначныхъ личностяхъ: «популярность опасная вещь: въ ней опасность, потому, что она мѣшаетъ человѣку просто смотрѣть на людей съ христіанской точки зрѣнія». *) Изъ этихъ словъ вытекаетъ, что въ глазахъ Толстого о. Амвросій былъ человѣкомъ повредившимся отъ большой популярности. Здѣсь характерно для Толстого перенесеніе личной своей черты на другого. Не обличалъ ли его о. Амвросій именно въ томъ, въ чемъ его укоряетъ Толстой?

Такого подвижника, повредившагося отъ популярности, Толстой вывелъ въ своемъ романѣ «Отецъ Сергій», за который онъ принялся послѣ своего возвращенія изъ Оптиной въ 1890 г.

Стимуломъ, побудившимъ написать этотъ разсказъ, была, именно, эта непріязнь къ о. Амвросію, о которой только-что говорилось. Фабула взята изъ житія Іакова Постника (5 марта). Игуменъ монастыря, куда поступилъ герой романа о. Сергій, былъ ученикомъ «извѣстнаго старца Амвросія, ученика Макарія, ученика старца Леонида, ученика Паисія Величковскаго». Перечисляя всѣ эти имена, Толстой подчеркиваетъ этимъ, что онъ имѣетъ въ виду, именно, оптинскаго старца Амвросія. Между тѣмъ событія разсказа происходятъ въ расцвѣтъ эпохи Николая І-го, тогда, какъ Амвросій сталъ старчествовать съ 7-го сентября 1860 года, то-есть въ началѣ царствованія Александра II. Такимъ образомъ, игуменъ монастыря, куда поступилъ о. Сергій, никакъ не могъ быть ученикомъ старца Амвросія.

---

*) Goldenweiser. Talks with Tolstoy. Richmond. 1923. стр. 97.

Этотъ анахронизмъ дѣлается сознательно, чтобы неудачный монашескій путь своего героя связать съ именемъ старца Амвросія и тѣмъ духовнымъ направленіемъ, которое было въ Оптиной. О немъ, этомъ направленіи, и скажемъ теперь нѣсколько словъ.

Ученіе о «внутреннемъ дѣланіи» происходитъ отъ древнихъ христіанскихъ пустынножителей и запечатлѣно въ твореніяхъ аскетическихъ писателей, начиная съ 4-го вѣка: они, на основаніи духовныхъ психологическихъ законовъ, разработали и указали путь къ духовному совершенствованію.

«У насъ на Руси въ XIV-мъ вѣкѣ былъ особый расцвѣтъ «внутренняго дѣланія» среди монашества. Это было время духовнаго возрожденія русскаго народа, которое подвигло его на сверженіе татарскаго ига. Это вѣкъ преподобнаго Сергія. Слѣдующій — XV-ый еще богатъ всходами сѣмянъ имъ посѣянныхъ. Затѣмъ, по причинѣ разрыва сношеній Руси съ православнымъ Востокомъ, подпавшимъ подъ власть турокъ, внутреннее дѣланіе постепенно заглохло. Но затѣмъ, въ XVIII-омъ вѣкѣ оно было возобновлено схиархимандритомъ Паисіемъ Величковскимъ. *) Ученіе это именуется святыми отцами «художествомъ изъ художествъ», настолько оно тонко и требуетъ величайшаго вниманія. Оно основано на Іисусовой молитвѣ. «Непрерывное именованіе Бога, (Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій), есть не только врачеваніе страстей, но и дѣянія, и какъ лекарство дѣйствуетъ на больного непонятнымъ для него образомъ, такъ и призываніе Имени Божія убиваетъ страсти образомъ намъ невѣдомымъ». (Варсонуфій Великій и Іоаннъ Пророкъ, отвѣтъ 423).

Такимъ просвѣтленнымъ творителемъ Іисусовой молитвы былъ великій старецъ отецъ Амвросій, весь пронизанный Божіей благодатью.

«Совершенно соединившій чувства свои съ Богомъ, говоритъ Лѣствичникъ, тайно научается отъ Него словесамъ Его». Отъ этого живого общенія съ Богомъ возникаетъ даръ пророческій и та необыкновенная прозорливость, которыми отличался о. Амвросій. Объ этомъ свидѣтельствовали тысячи его духовныхъ чадъ. Отъ старца не было сокрыто ни прошлое, ни настоящее, ни будущее ихъ. Приведемъ слова о старцѣ одной его духовной дочери:

---

*) Объ этомъ см. мое изслѣдованіе «Стяжаніе Духа Св. въ путяхъ Древней Руси». Парижъ. 1952. стр. 95—126.

«Какъ радостно забьется сердце, когда, идя по темному сосновому лѣсу, увидишь въ концѣ дорожки скитскую колокольню, а съ правой стороны убогую келейку смиреннаго подвижника! Какъ легко на душѣ, когда сидишь въ этой тѣсной и душной хибаркѣ, и какъ свѣтло кажется при ея таинственномъ полусвѣтѣ. Сколько людей перебывало здѣсь! И приходили сюда, обливаясь слезами скорби, а выходили со слезами радости; отчаянные — утѣшенными и ободренными: невѣрующіе и сомнѣвающіеся — вѣрными чадами Церкви. Здѣсь жилъ «Батюшка» — источникъ столькихъ благодѣяній и утѣшеній. Ни званіе человѣка, ни состояніе не имѣли никакого значенія въ его глазахъ; ему нужна была только душа человѣка, которая настолько была дорога для него, что онъ, забывая себя, всѣми силами старался спасти ее, поставивъ на истинный путь. Съ утра и до вечера, удрученный недугомъ, старецъ принималъ посѣтителей, подавая каждому по потребности. Слова его принимались съ вѣрою, и были закономъ. Благословеніе его, или особое вниманіе, считались великимъ счастьемъ, и удостоившіеся этого выходили крестясь и благодаря Бога за полученное утѣшеніе».

Другой человѣкъ говоритъ: «Батюшку нельзя себѣ представить безъ участливой улыбки, отъ которой вдругъ становилось какъ-то весело и тепло; безъ заботливаго взора, который говорилъ, что вотъ-вотъ онъ сейчасъ для васъ придумаетъ и скажетъ что-нибудь очень полезное, и безъ того оживленія во всемъ: въ движеніяхъ, въ горящихъ глазахъ, съ которыми онъ васъ выслушиваетъ, и по которому вы хорошо понимаете, что въ эту минуту онъ весь вами живетъ, и что вы ему ближе, чѣмъ вы сами себѣ.

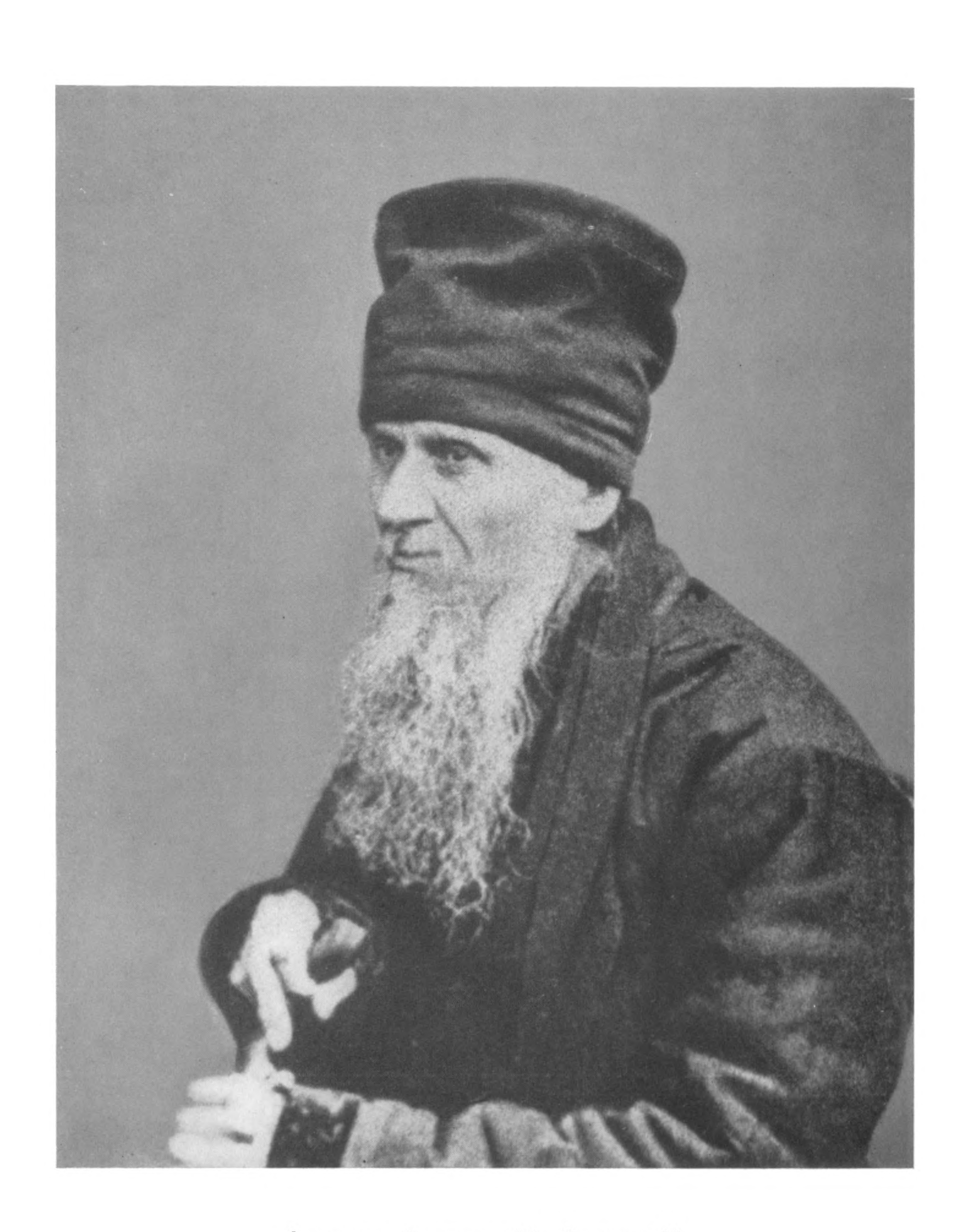
Отъ живости Батюшки выраженіе его лица постоянно мѣнялось: то онъ съ лаской глядѣлъ на васъ, то смѣялся съ вами одушевленнымъ молодымъ смѣхомъ, то радостно сочувствовалъ, если вы были довольны, то тихо склонялъ голову, если вы разсказывали что-нибудь печальное, то на минуту погружался въ размышленіе, когда вы хотѣли, чтобы онъ сказалъ вамъ, какъ поступить въ какомъ-либо дѣлѣ, то рѣшительно принимался качать головой, когда отсовѣтывалъ какую-нибудь вещь, то разумно и подробно, глядя на васъ, все ли вы понимаете, начиналъ объяснять, какъ надо устроить ваше дѣло.

Иногда въ лицѣ Батюшки являлось безпокойное выраженіе: ему хотѣлось вамъ что-то сказать, но онъ не желалъ обнаружить, что знаетъ это, и старался, чтобы вы са-

ми спросили у него; напримѣръ, Батюшка благословилъ вамъ начать какое-нибудь дѣло, и ему хочется назвать полезнаго для этого дѣла человѣка, о которомъ вы ему не говорили, котораго онъ не видалъ, не слыхалъ, но о которомъ знаетъ по своей прозорливости. «Ну, а какъ же», начинаетъ Батюшка, заботливо и немного безпокойно глядя на васъ: «вѣдь тебѣ одному не управиться, тебѣ надо понятливаго человѣка». «Ахъ, да», вспоминаете вы, «я и забылъ спросить: у меня есть въ виду человѣкъ», и вы въ нѣсколькихъ словахъ опредѣляете этого человѣка. «Ну вотъ— вотъ»! подхватываетъ радостно Батюшка, еще не дослушавъ; «Его-его! Ты говоришь онъ расторопный», а, можетъ быть, вы еще и не успѣли этого сказать, «такого сюда и надо». Во время бесѣды на васъ зорко глядятъ выразительные глаза Батюшки. Вы чувствуете, что эти глаза видятъ все, что въ васъ есть дурного и хорошаго; и васъ радуетъ, что это такъ, и что въ васъ отъ него не можетъ быть тайны».

«Иногда же это доброе, ласковое, пріятное лицо Старца Амвросія какъ-то особенно преображалось, озаряясь благодатнымъ свѣтомъ; и бывало такъ большей частью или во время, или послѣ молитвы, преимущественно въ утренніе часы. Вотъ примѣръ. Пришелъ по обычаю къ Старцу въ концѣ утренняго правила его письмоводитель скитскій іеромонахъ о. Венедиктъ. Старецъ отслушавъ правило сѣлъ на свою кровать. О. Венедиктъ подходитъ подъ благословеніе и къ великому удивленію видитъ лицо Старца свѣтящимся. Но лишь только получилъ онъ благословеніе, какъ этотъ дивный свѣтъ скрылся. Спустя немного времени о. Венедиктъ опять подошелъ къ старцу, когда тотъ находился въ другой кельѣ и занимался съ народомъ, и по простотѣ своей спросилъ: «Или вы, Батюшка, видѣли какое видѣніе?» Старецъ не сказалъ ему ни слова, только слегка стукнулъ его по головѣ рукой, — знакъ особеннаго старческаго благоволенія».

Вотъ одинъ изъ случаевъ обращенія къ Богу измученнаго человѣка, потерявшаго всѣ устои и не отыскавшаго цѣли жизни. «Онъ искалъ ее въ обширномъ трудѣ, въ бесѣдѣ съ Толстымъ и отовсюду бѣжалъ. Онъ говоритъ Батюшкѣ, что пришелъ его посмотрѣть. «Что жъ, смотрите!» отвѣчаетъ Старецъ, встаетъ затѣмъ со своей кровати, выпрямляется во весь ростъ и вглядывается въ человѣка своимъ яснымъ взоромъ. Отъ этого взора какое-то тепло, нѣчто похожее на примиреніе, льется въ наболѣвшую душу. Невѣрующій поселяется близъ Батюшки и всякій день ведетъ съ нимъ долгую бесѣду. Онъ хочетъ вѣры, но онъ не мо-

Старецъ Амвросій Оптинскій

жетъ вѣрить. Проходитъ много времени. Въ одно утро онъ говоритъ Батюшкѣ: «Я увѣровалъ».

И Толстому промыслительно дана была возможность увидѣть неоднократно своими глазами о. Амвросія, эту воплощенную святость и любовь, этотъ живой плодъ истиннаго евангельскаго ученія. Но, увы, онъ ровно ничего не узрѣлъ. И какъ противоположна о. Амвросію эта пародія на него въ лицѣ о. Сергія! Зато сколько автобіографическихъ чертъ въ этомъ разсказѣ!

Извѣстно, что Толстой многимъ своимъ героямъ сообщалъ свои личныя свойства. Объ этомъ, между прочимъ, упоминаетъ сынъ Толстого — Илья Львовичъ въ разговорѣ съ писателемъ Бунинымъ: «Вѣдь онъ (Толстой) состоялъ изъ Наташи Ростовой и Ерошки, изъ князя Андрея и Пьера, изъ старика Волконскаго и Каратаева, изъ княжны Маріи и Холстомѣра (лошади) . . . Ты знаешь, конечно, что сказалъ ему Тургеневъ, когда прочиталъ Холстомѣра? «Левъ Николаевичъ, теперь я вполнѣ убѣжденъ, что вы были лошадью». *)

Общая доминирующая черта характера, роднящая о. Сергія съ его авторомъ — это гордость. Самовлюбленность о. Сергія и демоническое поклоненіе самому себѣ красной нитью проходятъ черезъ весь разсказъ. О его дѣтствѣ говорится такъ: мальчикъ выдавался блестящими способностями, огромнымъ самолюбіемъ, вслѣдствіе чего былъ первымъ и по наукамъ, и особенно по математикѣ, къ которой онъ имѣлъ особое пристрастіе, и по фронтовой и верховой ѣздѣ . . . Работа съ самаго его дѣтства шла, повидимому, самая разнообразная, но въ сущности все одна и та же, состоящая въ томъ, чтобы во всѣхъ дѣлахъ, представляющихся ему на пути, достигать совершенства и успѣха, вызывающаго похвалы и удивленіе людей». Подобное этому пишетъ о себѣ авторъ своей кузинѣ Александрѣ Андреевнѣ Толстой въ 1903 году: «Въ молодые годы я считалъ себя способнымъ ѣздить верхомъ, плавать, бороться не хуже, но скорѣе лучше, чѣмъ кто-либо другой. И это было любимымъ предметомъ моихъ думъ. А теперь я начинаю чувствовать, что я не только плаваю и дѣлаю гимнастику не хуже другихъ, но даже лучше, но увѣренъ, что подобное будетъ и относительно самаго главнаго испытанія въ жизни: послѣдняго погруженія (смерти), ибо плохъ солдатъ, который не желаетъ сдѣлаться генераломъ».

---

*) Бунинъ. Освобожденіе Толстого. Стр. 105.

Но продолжимъ нашъ разсказъ: въ юности Касатскій, въ будущемъ о. Сергій, добивался первенства во всемъ: въ наукахъ, въ игрѣ въ шахматы, въ разговорѣ по-французски и въ общемъ развитіи. Наконецъ, онъ «задался мыслію достигнуть блестящаго положенія въ высшемъ свѣтскомъ обществѣ. Онъ привыкъ быть первымъ, а въ этомъ дѣлѣ онъ далеко не былъ имъ».

«Поступая въ монастырь, онъ показывалъ, что презираетъ все то, что казалось столь важнымъ другимъ и ему самому въ то время, какъ онъ служилъ, и становился на такую высоту, съ которой онъ могъ сверху внизъ смотрѣть на тѣхъ людей, которымъ онъ прежде завидовалъ». О такомъ состояніи монаха Лѣствичникъ говоритъ слѣдующее: «Гордый монахъ не имѣетъ нужды въ бѣсѣ: онъ самъ сдѣлался для себя бѣсомъ и супостатомъ . . . Смиреномудріе есть дверь Царствія Небеснаго . . . Всѣ же, которые пришли въ монашество иною дверію, таціе суть своей жизни и разбойницы». И эти слова буквально оправдались на о. Сергіи: Толстой психологически вѣрно изобразилъ его.

Далѣе все то же. «Онъ тяготился посѣтителями и уставалъ отъ нихъ, но въ глубинѣ души онъ радовался имъ, радовался тѣмъ восхваленіямъ, которыя окружали его». Когда о. Сергій началъ старчествовать, «онъ думалъ, что онъ свѣтильникъ горящій». Святой Симеонъ Новый Богословъ говоритъ, что подобный сему человѣкъ, «взявъ на себя трудъ, награды лишается потому, что окрадывается тщеславіемъ, не понимая этого. Мнитъ о себѣ, что онъ внимателенъ и весьма часто отъ гордости презираетъ другихъ и ихъ осуждаетъ, и поставляетъ себя достойнымъ, согласно своему воображенію, быть пастыремъ овецъ и путеводить ихъ, и уподобляется слѣпцу, покушающемуся водить другихъ» (О тріехъ образѣхъ молитвы). Состояніе о. Сергія есть «прелесть» (прельщенность), полная безблагодатность, «монашескій кошмаръ безъ Христа», какъ мѣтко выразился одинъ изслѣдователь еще въ прежнее время.

Общая біографическая черта Толстого съ его героемъ и тотъ случай, когда о. Сергій поручаетъ слѣдить за собой одному молодому послушнику въ моментъ искушенія, подобно тому, какъ Толстой поручаетъ себя надзору домашняго учителя, чтобы избѣжать паденія съ кухаркой Домной. О. Сергій такъ же, какъ и авторъ, чувствуетъ тягу къ бѣгству: приготовилъ мужицкую рубаху, портки, кафтанъ

и шапку, продумывая, какъ одѣнется, острижетъ волосы и уйдетъ».

У Толстого есть еще одинъ разсказъ объ отцѣ Исидорѣ, неоконченный, изображающій подвижника, лишеннаго богообщенія и малѣйшаго мистическаго опыта. О. Исидоръ, ощутивъ по совершеніи литургіи отсутствіе вѣры, уходитъ изъ монастыря, чтобы стать дѣятельнымъ революціонеромъ. По плану значится, что Исидоръ кончаетъ жизнь на висѣлицѣ между двумя разбойниками.

Духовная катастрофа Сергія и Исидора это личная драма Толстого, драма гордаго безблагодатнаго сердца.

Въ «Новомъ журналѣ» (кн. XL, 1955) появилась статья Р. Плетнева. «О. Сергій и четьи минеи», вызвавшая лестное одобреніе парижской газеты «Русская мысль». Авторъ говоритъ, что Толстой написалъ свой разсказъ въ духѣ Православія. Цѣль его была якобы показать равнозначность и двуединство путей монашества и служенія въ міру людямъ. Отъ свѣтскаго критика совершенно ускользаетъ, что разсказъ этотъ представляетъ собою «фальшивую монету». Благодаря литературному перу Толстого, поддѣлка является достаточно искусной, чтобы нецерковному человѣку было трудно ее обнаружить.

Толстой встрѣчался со старцами, видѣлъ проявленіе ихъ благодатныхъ даровъ и свойствъ и захотѣлъ все это объяснить естественнымъ образомъ. То же самое, что онъ продѣлалъ съ Евангеліемъ, исключивъ изъ него все сверхъестественное. Получился о. Сергій, психологически вѣрный типъ, но со старцами и истинной духовной жизнью ничего общаго не имѣющій. Толстой читалъ и Ефрема Сирина, и Исаака Сирина, съ какой-то стороны похвалилъ «Невидимую брань» Никодима Святогорца. Но вѣдь онъ изучалъ и Евангеліе, а каковъ былъ результатъ? Все это чтеніе и изученіе исказилось, какъ въ кривомъ зеркалѣ. Разгадку этого находимъ въ словахъ апостола Павла: «Душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ считаетъ это безуміемъ; и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно. Но духовный судитъ о всемъ, а о немъ судить никто не можетъ» (Кор. 2, 15).

Но перейдемъ непосредственно къ разсказу. Игуменъ монастыря, куда поступилъ князь Касатскій, какъ уже говорилось раньше, былъ ученикомъ «старца Амвросія, ученика старца Макарія, ученика старца Леонида». Если мы отбросимъ въ этомъ перечнѣ имя старца Амвросія, какъ

сознательно допущенный анахронизмъ, то мы обнаружимъ подлиннаго дѣятеля въ описываемую эпоху, а именно настоятеля Сергіевой пустыни подъ Петербургомъ. Это архимандритъ Игнатій Брянчаниновъ, ученикъ старцевъ Льва и Макарія, который при имп. Николаѣ І-омъ и благоустроилъ эту пустынь, авторъ извѣстныхъ «Аскетическихъ Опытовъ», впослѣдствіи епископъ. Въ этомъ своемъ трудѣ онъ даетъ синтезъ ученія святыхъ отцовъ о духовномъ аскетическомъ дѣланіи, основанный на двухтысячелѣтнемъ опытѣ. Своего игумена Толстой заставляетъ дѣйствовать совершенно обратно этому ученію. Этотъ игуменъ, чтобы излѣчить о. Сергія отъ гордости, посылаетъ его въ затворъ. По ученію же святыхъ отцовъ: «истинно хотящій спастись, долженъ сперва въ сожитіи съ людьми претерпѣть безчестія, лишенія, уничиженія, освободиться отъ вліянія чувствъ своихъ, и тогда пойти уже въ совершенное безмолвіе» (Варсонуфій и Іоаннъ Пророкъ, отвѣтъ 108).

«Безмолвіе полезно для преуспѣвшихъ, понявшихъ внутреннюю брань и отвергнувшихъ пристрастія (изъ жит. Саввы Освященннаго), чему должны прежде обучиться въ общежитіи. Иначе безмолвіе приноситъ величайшій вредъ: лишаетъ преуспѣянія, усиливаетъ страсти (Кассіанъ Римлянинъ), бываетъ причиною высокоумія и бѣсовской прелести» (Еп. Игнатій, Т. I, стр. 161).

«Никто изъ тѣхъ, которые подвержены раздражительности и возношенію, лицемѣрію и памятозлобію, да не дерзнетъ когда-либо увидѣть и слѣдъ безмолвія, чтобы не дойти ему до изступленія ума, и только».

«Безмолвіе неопытныхъ губитъ . . . Къ истинному безмолвію способны рѣдкіе, именно тѣ, которые стяжали божественное утѣшеніе къ поощренію и божественное содѣйствіе въ помощь при бранѣхъ» (Лѣствичникъ, сл. 27, § 36 и § 55; сл. 4, § 120).

О. Сергій посылается на высшій путь (затворъ), не отвѣчая этимъ требованіямъ аскетики. Крушеніе его неизбѣжно. И къ этому ведетъ его Толстой, оставаясь, такимъ образомъ, психологически правдивымъ.

Монашескій путь исключительно труденъ. Только тогда онъ становится возможнымъ, когда укореняется въ Богѣ, во всемогущемъ Творцѣ и Зиждителѣ всего Іисусѣ Христѣ, и Его непосредственной помощи. Монашество это особая благодать, осѣняющая постригаемаго, что происходитъ только при всецѣломъ его преданіи себя въ руки Творца и при полномъ самоотреченіи.

«Іисусе предивный, мучениковъ крѣпосте! Іисусе претихій, монаховъ радосте! Іисусе премилостивый, пресвитеровъ сладосте! . . . Іисусе премилосердый, постниковъ воздержаніе! . . . Іисусе предвѣчный, грѣшниковъ спасеніе! Іисусе, Сыне Божій, помилуй мя!» (акаѳистъ). Сила монаха въ непрестанномъ призываніи Имени Іисуса. Іисусова молитва это мечъ духовный его.

Толстой задался цѣлью опорочить монашескій путь; поэтому его герой какъ будто идетъ этимъ путемъ: о. Сергій «творитъ Іисусову молитву», «кладетъ поклоны», ведетъ борьбу съ помыслами, смиряется, совершеніе проскомидіи приводило его въ восторженное, умиленное состояніе, (почему-то проскомидіи?), и т. д., но когда дѣло доходитъ до подробнаго описанія того, что творится въ душѣ о. Сергія, то оказывается, что онъ занимается особеннымъ, доселе никому невѣдомымъ «толстовскимъ» «внутреннимъ дѣланіемъ»: «о. Сергій находился въ томъ состояніи борьбы, въ которомъ онъ всегда находился во время службы. Борьба состояла въ томъ, что его раздражали посѣтители, господа, особенно дамы. Онъ старался, выдвинувъ какъ бы шоры своему вниманію, не видѣть ничего, кромѣ блеска свѣчей, и не испытывать никакого другого чувства, кромѣ самозабвенія въ сознаніи исполненія должнаго, которое онъ испытывалъ всегда, слушая и повторяя впередъ столько разъ слышанныя молитвы». И въ такомъ состояніи самозамкнутаго, безцѣльнаго и безплоднаго, скучнаго и нуднаго самопринужденія, безъ духовныхъ утѣшеній, безъ благодати, безъ Христа Толстой заставляетъ своего «подвижника» проводить цѣлые годы, что психологически уже невозможно. Будучи самъ чуждъ Христа, Толстой, конечно, не можетъ изобразить и жизни подвижника во Христѣ.

Чтобы высмѣять ненавистный ему высочайшій сердечный подвигъ внутренняго дѣланія великихъ подвижниковъ, Толстой сочиняетъ такую клевету: «творя умную молитву о. Сергій смотритъ на кончикъ носа». Это варіантъ древней, еще 14-го вѣка, клеветы западника Варлаама на православныхъ безмолвниковъ (исихастовъ) въ періодъ паламитскихъ споровъ.

Въ затворѣ о. Сергій прославляется, какъ чудотворецъ. Самъ не вѣря въ возможность чудесъ, Толстой не описываетъ ни одного чуда: мальчикъ, якобы исцѣленный о. Сергіемъ, поправился черезъ мѣсяцъ, надо полагать просто выздоровѣлъ естественнымъ образомъ. О чудесахъ, творимыхъ

о. Сергіемъ говорится вскользь, туманно, понимай какъ знаешь, важно то, что создалась репутація цѣлителя.

Красной нитью проходитъ черезъ аскетическія творенія то положеніе, что человѣкъ самъ, собственными своими силами, не можетъ преодолѣть падшее естество свое (положеніе обратное руссоизму), и что страсти побѣждаются и искореняются только при содѣйствіи благодати. Подтвержденіе этого закона видимъ мы и на о. Сергіи: не имѣя въ душѣ живого Бога, онъ изнемогаетъ въ самонадѣянной, но безплодной борьбѣ съ самимъ собою; онъ далекъ отъ евангельскихъ заповедей; не ими руководствуется онъ въ отвѣтственные моменты своей жизни: онъ дѣйствуетъ или по страсти, или принимаетъ рѣшенія на основаніи отвлеченныхъ размышленій; о. Сергій не подвижникъ, не инокъ: въ немъ мы узнаемъ самого Толстого.

Этотъ тяжелый, безбожный, а потому и грѣховный лжедуховный свой путь о. Сергій заканчиваетъ плотскимъ паденіемъ. Тогда онъ тайно оставляетъ скитъ, уходитъ къ дальней родственницѣ, кается передъ ней въ своихъ грѣхахъ, смиряется . . . Затѣмъ онъ поселяется среди людей, копаетъ огороды, учитъ дѣтей, ходитъ за больными. И въ этомъ находитъ полное удовлетвореніе, и его мятущаяся душа, наконецъ, умиротворяется. О принесеніи покаянія Христу нѣтъ и рѣчи: это самый вѣрный признакъ того, что Христа въ душѣ о. Сергія никогда и не было.

Аскетическій путь приводитъ истинныхъ подвижниковъ къ благодатнымъ духовнымъ утѣшеніямъ. Не испытавшіе таковыхъ не могутъ о нихъ судить, какъ слѣпой отъ рожденія не можетъ имѣть представленія о красотѣ Божьяго міра. Такой подвижникъ, утративъ по своей винѣ радость богообщенія, жаждетъ тягчайшими подвигами заглушитъ нестерпимую тоску по утерянномъ раѣ и искупить свой грѣхъ. Такъ и поступилъ Іаковъ Постникъ, житіе котораго послужило Толстому прототипомъ его разсказу.

IV

ПОСЛѢДНЕЕ ПОСѢЩЕНІЕ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ. СМЕРТЬ ТОЛСТОГО.

Хоть онъ и Левъ, но не могъ разорвать кольца той цѣпи, которою сковалъ его сатана.
(Старецъ Варсонофій Оптинскій).

Полная біографія Толстого не входитъ въ нашу задачу, поэтому опускаемъ разборъ его семейной драмы съ неблаговидной въ ней ролью Черткова, оказывавшаго на Толстого тяжелое давленіе.

За три мѣсяца до бѣгства Толстой писалъ: «Отъ Черткова письмо съ упреками и обличеніемъ», за то, что онъ, Толстой, продолжаетъ жить, какъ и прежде. «Они разрываютъ меня на части. Иногда думается уйти отъ всѣхъ». Такъ жаловался Толстой въ своихъ записяхъ.

Но помимо той невыносимой обстановки, создавшейся въ Ясной Полянѣ, которая побудила его къ бѣгству, въ его душѣ обострялась все больше и больше та непрерывная и глухая борьба между разсудкомъ и сердцемъ, которая не покидала его и раньше. Смерть теперь была близка и неизбѣжна, и онъ это сознавалъ.

«Въ послѣдніе годы своей жизни онъ часто говорилъ о радости, съ которой ожидаетъ смерть, этотъ моментъ, который освободитъ отъ растлѣннаго тѣла, когда душа войдетъ въ сліяніе съ Богомъ. Онъ развивалъ эти идеи въ серіи набросковъ и разсказовъ. Одинъ изъ нихъ «Хозяинъ и работникъ». Въ этомъ разсказѣ крестьянинъ дѣйствительно вѣрилъ въ «Хозяина», тогда какъ самъ Толстой . . . Конечно, не трудно понять, что эти писанія и разговоры являлись не болѣе, какъ самоутѣшеніемъ, попыткой къ самообману. «Прошлую ночь (въ постели) я потушилъ свѣчу и началъ искать спички въ темнотѣ и, не найдя ихъ былъ

охваченъ страхомъ. Тогда я спросилъ себя: и это ты который готовишь себя къ смерти? Будешь ли ты тоже умирать со спичками?»

Изъ этой «безсмысленной» жизни, которую, несмотря на безпрестанную борьбу со своими инстинктами, онъ безумно обожаетъ, смотритъ онъ съ недовѣріемъ въ ожидающій его мракъ; онъ боится смерти, тщетно пытается разогнать этотъ страхъ, зажигая утѣшительныя раціоналистическія «спички» одну за другой. Онъ увѣряетъ себя, что онъ такъ счастливъ быть старымъ; онъ никогда не обмѣняетъ молодость на старость и то приближеніе, къ Богу, которая она сулитъ; но временами его обнаженный лобъ морщится, и грустныя признанія вырываютея у него: «Калифъ Абдаграманъ имѣлъ четырнадцать счастливыхъ дней въ жизни, у меня навѣрное не было стольких». Его держатъ земныя привязанности? Онъ долженъ развязаться съ ними; онъ ревностно пытается это сдѣлать. Онъ стремится умѣрить свое тяготѣніе къ вкусной пищѣ (его «прожорливость» толкаетъ его съѣсть лишнее), къ хорошей музыкѣ, къ семьѣ, (христіанинъ долженъ быть добръ ко всѣмъ, но не имѣть личныхъ привязанностей)*), къ запаху цвѣтущихъ липъ. Но если онъ не достигъ этого въ предшествующіе 25 лѣтъ, то какъ онъ можетъ успѣть теперь? Но все это остается подъ поверхностію: онъ рѣдко показываетъ это. Чужіе видятъ другую сторону Толстого». (Назаровъ).

Близкій наблюдатель — сынъ Толстого Левъ Львовичъ говоритъ объ отцѣ, что «хотя послѣднему и казалось, что онъ окончательно создалъ свою доктрину и нашелъ для себя и другихъ совершенно ясные отвѣты на самые существенные вопросы жизни, самъ Толстой былъ далекъ отъ радостнаго состоянія. Онъ далеко не сіялъ и продолжалъ пребывать въ сомнѣніяхъ; и болѣе, чѣмъ когда-либо, особенно въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, онъ искалъ не внутри себя, но совнѣ моральную и религіозную поддержку».

«За нѣсколько мѣсяцевъ передъ его смертью», продолжаетъ Левъ Львовичъ: «въ бытность мою въ Ясной Полянѣ въ 1910 году отецъ удивилъ меня нѣкоторыми замѣчаніями, имѣвшими глубокое внутреннее значеніе. Однажды вечеромъ онъ былъ въ той части дома, гдѣ нходились жилыя комнаты домашней прислуги, и онъ замѣтилъ, что од-

*) Здѣсь подходитъ слово «индуистъ», а не «христіанинъ». Это индійская отрѣшенность, но никакъ не христіанство (см. выше стр. 17—19).

на изъ дверей была открыта. Это былъ канунъ большого праздника, и нѣсколько свѣчей и лампадъ горѣло въ святомъ углу передъ украшенными цвѣтами иконами. Отецъ встрѣтилъ меня тутъ же на лѣстницѣ: «куда ты идешь?» спросилъ онъ меня, любопытный какъ всегда ко всему, что онъ видѣлъ. Я объяснилъ, и онъ продолжалъ: «я только что видѣлъ комнату прислуги; иконы, сказалъ онъ мягкимъ и нѣжнымъ голосомъ, освѣщены и разукрашены цвѣтами. Знаешь, что пришло мнѣ въ голову, когда я это увидѣлъ? Что это и есть поэзія религіи». Я понялъ, что происходило въ его мягкомъ сердцѣ: онъ самъ нуждался въ этой поэзіи религіи, отъ отсутствія которой онъ страдалъ, и завидовалъ, быть можетъ, какъ прежде, тѣмъ простымъ и смиреннымъ духомъ, которые обладали вѣрою и въ этомъ находили удовлетвореніе». *)

Въ этотъ же періодъ времени, послѣднее лѣто жизни Толстого, его посѣтилъ М. В. Лодыженскій, авторъ извѣстной «Трилогіи», который передаетъ слѣдующее: «На мой вопросъ о его здоровьи, Толстой тогда прямо отвѣтилъ: «Надо къ смерти готовиться», и лицо его было грустное, выраженіе глазъ очень серьезное» . . . Несомнѣнно, Толстой въ это время упорно думалъ о смерти . . . и почвы подъ собой передъ этой надвигающейся на него смертью онъ не чувствовалъ. Непрочность его религіознаго міровоззрѣнія была характернѣйшимъ свойствомъ его раціоналистической философіи. Такъ, напримѣръ, за два дня до ухода своего изъ Ясной Поляны, то-есть 26-го октября 1910 г., въ письмѣ своемъ Черткову, высказавъ свои воззрѣнія на настоящую и будущую жизнъ, прибавляетъ: «иногда это мнѣ кажется вѣрнымъ, а иногда кажется чепухой». **)

«28-го октября 1910-го года, говоритъ далѣе Лодыженскій, совершается нѣчто неожиданное для всѣхъ насъ: Толстой бѣжитъ изъ дома, и бѣжитъ не къ толстовцамъ, а къ

---

*) L. L. Tolstoy. The Truth about my Father. London. 1924. стр. 14.

**) А вотъ и другіе примѣры его колебаній: въ дневникѣ его находимъ такую запись: «Ѣхалъ черезъ лѣсъ Тургенева вечерней зарей. Свѣжая зелень въ лѣсу подъ ногами, звѣзды на небѣ, запахи цвѣтущей ракиты, вянувшаго березоваго листа, звуки соловьевъ, шумъ жуковъ, кукушка,—кукушка и уединеніе, и пріятное подъ тобою бодрое движеніе лошади, и физическое и душевное здоровье. И я думалъ, какъ думаю безпрестанно, о смерти. И такъ мнѣ ясно стало, что такъ же хорошо, хотя и по другому, будетъ на той сторонѣ смерти . . . Мнѣ ясно было, что тамъ будетъ такъ же хорошо, нѣтъ, лучше. Я постарался вызвать въ

своей сестрѣ, монахинѣ, имѣя цѣлью близъ нея пожить; совершаетъ этотъ побѣгъ тайно отъ всѣхъ. Знаетъ объ этомъ одинъ докторъ Маковицкій, котораго Толстой беретъ съ собой . . . Мы узнаемъ еще о другомъ неожиданномъ поступкѣ Толстого: Онъ, выѣхавши изъ дому къ сестрѣ, не ѣдетъ къ ней прямо, а рѣшаетъ заѣхать въ Оптину Пустынь съ цѣлью повидаться съ оптинскими старцами . . . Можетъ быть онъ тамъ услышитъ сильное слово, которое освѣтитъ истину; можетъ быть прояснятся сомнѣнія, охватившія его душу. Оптинскій старецъ предстанетъ предъ нимъ во всеоружіи своей вѣры, во всеоружіи своего вдохновенія». *)

Послѣдней книгой, какую читалъ Толстой въ Ясной Полянѣ передъ своимъ уходомъ, была «Братья Карамазовы» Достоевскаго. Книга эта лежитъ въ его спальнѣ на столикѣ у его кровати такъ какъ, онъ ее оставилъ. Не образъ ли старца Зосимы навѣялъ ему желаніе бѣжать именно въ Оптину къ старцамъ?

Въ Оптину Пустынь Толстой направился въ ночь съ 27 на 28 октября. «Изъ Ясной Поляны онъ выбрался между четырмя и пятью часами утра», какъ записалъ Маковицкій, съ удивительной точностью много лѣтъ, изо дня въ день ведшій свои записи о немъ.

«Везъ его въ старой дышловой коляскѣ старый кучеръ Адріанъ. Коляску сопровождалъ верхомъ, освѣщая путь факеломъ, конюхъ Филиппъ. Ѣхали на станцію Щекино Московко - Курской жел. дор. (5 верстъ отъ Ясной Поляны). Въ дорогѣ было холодно, и Маковицкій надѣлъ на него вторую шапку. Сѣли въ товаро-пассажирскій поѣздъ, шедшій изъ Тулы въ Орелъ. На узловой станціи Горбачево, (105 верстъ отъ Козельска Калужской губерніи), пересѣли въ смѣшанный поѣздъ. Въ 4 часа 50 м. вечера пріѣхали въ Козельскъ, въ 5-ти верстахъ отъ котораго находится Оптина Введенская Пустынь, а въ большомъ селѣ Шамординѣ тотъ женскій монастырь, гдѣ давно монашествовала сестра Толстого Марія Николаевна. Когда прибыли въ Козельскъ, уже совсѣмъ смеркалось. Со станціи поѣхали въ монастырь въ ямщицкой телѣжкѣ по рѣчной низменности, отдѣляю-

---

себѣ сомнѣніе въ той жизни, какъ бывало прежде, и не могъ, какъ прежде, но могъ вызвать въ себѣ увѣренность» . . .

А въ другомъ мѣстѣ Толстой говоритъ: «Какъ ни желательно безсмертіе души,—его нѣтъ и не можетъ быть, потому что нѣтъ души, есть только сознаніе Вѣчнаго (Бога)».

*) Лодыженскій. «Свѣтъ Незримый». Изд. II. СПБ. 1915. стр. 240.

щей Козельскъ отъ монастыря. Дорога была ужасная, грязная. Было очень темно. Мѣсяцъ свѣтилъ изъ-за облаковъ. Лошади шли шагомъ. «Левъ Николаевичъ, говоритъ Маковицкій, еще въ вагонѣ спрашивалъ, и теперь спросилъ ямщика, какіе теперь старцы въ Оптиной, и сказалъ, что пойдетъ къ нимъ». Подъ монастыремъ переправлялись черезъ рѣку на паромѣ. Въ монастырѣ остановились у гостинника монаха отца Михаила. Отецъ Михаилъ съ рыжими, почти красными волосами и бородой, привѣтливый, отвелъ просторную комнату съ двумя кроватями и широкимъ диваномъ. Внесли вещи. Левъ Николаевичъ сказалъ: «Какъ здѣсь хорошо!» и сейчасъ же сѣлъ за писаніе». *)

На слѣдующій день Толстой ходилъ въ скитъ. Приведемъ показаніе очевидца этой прогулки Толстого, о. игумена Иннокентія, тогда оптинскаго послушника, нынѣ проживающаго въ Бразиліи. **)

«29-го утромъ приходитъ ко мнѣ въ канцелярію послушникъ Николай Тимашевъ и говоритъ: «братъ Игнатій, пойдемъ посмотримъ Льва Толстого». Я съ охотой согласился. А какъ это лучше осуществить, мы сообразили. Противъ главныхъ вратъ и гостинницъ расположенъ вдоль главной дороги монастырскій фруктовый садъ, обнесенный живой оградой изъ акацій. Утромъ мы пошли въ садъ и заняли выжидательную позицію: когда выйдетъ Толстой изъ гостинницы. Ждать намъ долго не пришлось. Около 10-ти утра Л. Н. Толстой вышелъ одинъ. Одѣтъ онъ былъ въ длинное русское пальто темно синяго сукна со складками назади; такая одежда носится въ русскихъ центральныхъ мѣстностяхъ; сапоги въ глубокихъ калошахъ, на головѣ — бархатная шапка, формой полукамилавки, и въ правой рукѣ складной стулъ, каковой служилъ ему походной тростью. Вышедши изъ гостинницы, онъ не пошелъ въ монастырскія ворота, а, пройдя ихъ, пошелъ дорогою вдоль монастырской внѣшней стѣны вокругъ монастыря. Когда мы увидѣли, что онъ, пройдя страннопріимную гостинницу, повернулъ вдоль южной стороны на востокъ, мы тогда пошли черезъ весь монастырь, и, выйдя въ восточныя ворота, ведущія въ скитъ, повернули направо, въ надеждѣ встрѣтиться съ нимъ. Расчетъ нашъ былъ точный: отойдя

*) Бунинъ. Освобожденіе Толстого. ИМКА. 1937.

**) Игуменъ Иннокентій. Послѣднее путешествіе Толстого въ Оптину Пустынь и въ Шамордино, «Владимірскій Вѣстникъ». № 62. Сентябрь 1956.

отъ дороги ведущей въ скитъ приблизительно саженей 50, мы, идя, какъ бы ничего не замѣчая, повстрѣчались съ нимъ. По обыкновенію послушниковъ мы сняли свои скуфейки и молча привѣтствовали его полупоклономъ. Онъ, въ свою очередь, снявъ свою полукамилавку, отвѣтствовалъ намъ молча тоже полупоклономъ и пошелъ дальше. Выйдя на дорогу, ведущую въ скитъ, онъ пошелъ по ней. Мы такъ и подумали, что онъ пошелъ въ скитъ къ старцамъ, и пошли лѣсомъ незамѣтно для него; наблюдая куда онъ пойдетъ. Подойдя къ скитскимъ воротамъ, каковыя устроены въ крытой небольшой галлереѣ, въ которой изображены въ ростъ человѣка съ правой стороны преподобные отцы, просіявшіе подвигами на Востокѣ: Антоній, Пахомій, авва Дорофей, Макарій Египетскій, Θеодоръ Студитъ и др., съ лѣвой стороны — отцы, просіявшіе въ нашемъ отечествѣ. Левъ Николаевичъ остановился противъ вратъ, съ правой стороны которыхъ рядомъ келья старца Іосифа, а налѣво Варсонофія. Немного постоявъ, онъ повернулъ возлѣ скитской стѣны налѣво и вышелъ на тропинку, ведущую на монастырскіе огороды, прошелъ огородами и дошелъ до берега рѣки Жиздры. Тутъ онъ развернулъ свой складной стулъ и сѣлъ. Съ этого мѣста открывается чудная панорама на весь монастырь, окруженный лѣсомъ. Сидя онъ любовался этой картиной и просидѣлъ, отдыхая довольно порядочно времени; а потомъ поднялся и пошелъ на гостиницу и больше никуда не выходилъ. А утромъ 30-го онъ отправился на станцію Козельскъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Шамординскій монастырь, гдѣ жила его сестра монахиня Марія».

Поселянинъ въ своей статьѣ въ «Новомъ Времени» (№ 12808, ноябрь 1911) приводитъ слова гостинника о. Михаила о томъ, какъ явился Толстой въ гостинницу: «Взошелъ, шапку скинулъ, положилъ на столъ перчатки и спрашиваетъ: «Вамъ, можетъ быть, непріятно, что я пріѣхалъ? Я Левъ Толстой, отверженный Церковью. Пріѣхалъ къ вашимъ старцамъ поговорить съ ними» . . . Одна изъ сестеръ Шамординскаго монастыря успѣла поговорить съ Маковицкимъ. Докторъ разсказалъ ей, что когда Левъ Николаевичъ вернулся съ прогулки по Оптиной, онъ (докторъ) спросилъ его: «Графъ, гдѣ же вы были?» «Ходилъ въ скитъ; хотѣлъ зайти къ старцу; постоялъ, постоялъ, но не рѣшился». «Почему же?» «Не рѣшился: вѣдь я отлученъ». «А еще пойдете?» «Если меня пригласятъ».

М. В. Лодыженскій въ книгѣ своей «Свѣтъ Незримый» такъ разсуждаетъ по этому поводу: «Здѣсь происходитъ нѣчто жестокое для Толстого: его къ старцу не пускаетъ противящаяся этому порыву болѣе могущественная сила; сила эта — собственная гордость Толстого. Итакъ, вотъ она — воля Толстого! Воля эта связана его гордостью. Его рѣшеніе быть или не быть у старца зависитъ прежде всего, пригласитъ ли его старецъ войти къ нему, или не пригласитъ. Нужно было старцу догадаться пригласить Толстого къ себѣ. Гордость Толстого говорила ему, что уже много и того, что онъ, отлученный отъ Церкви, рѣшился пріѣхать въ Оптину Пустынь, довольно и того, что онъ, Толстой, открыто объявилъ объ этомъ гостиннику о. Михаилу!»

Итакъ, Толстой, не побывавъ ни у старца, ни у настоятеля, поѣхалъ къ сестрѣ въ Шамордино. Покидая гостинницу, онъ расписался въ книгѣ посѣтителей синимъ карандашомъ крупнымъ небрежнымъ почеркомъ: «Левъ Толстой благодаритъ за пріемъ». Поселянинъ передаетъ разсказъ сестры Толстого о ея встрѣчѣ съ нимъ: «Какъ онъ вошелъ, я и заплакала, и обрадовалась я, и нервы . . . Онъ говоритъ: «Мы съ тобою долго не видались, а теперь будемъ видѣться всякій день». «Какъ такъ?» «Да я совсѣмъ сюда пріѣхалъ». На слѣдующее утро братъ въ деревнѣ Шамордино нашелъ избу и мнѣ сказалъ, что будетъ въ ней жить . . . Александра Львовна пріѣхала . . . Вечеромъ они всѣ были у меня. Александра Львовна говорила отцу: «Мама непремѣнно пріѣдетъ», и этимъ испугала его».

Слѣдующія подробности беремъ изъ статьи «М. Н. Толстая» въ «Русскомъ Словѣ» (№ 83, 10 апрѣля 1912).

Марія Николаевна разсказываетъ племяннику Ильѣ Львовичу: «Вотъ на этомъ же стулѣ, на которомъ ты сидишь, онъ (Л. Н. Т.) сидѣлъ и все мнѣ разсказывалъ. А какъ онъ плакалъ, особенно когда Саша привезла ему изъ Ясной Поляны отъ всѣхъ васъ письма. И я такъ рада была, что онъ рѣшилъ здѣсь поселиться. Вѣдь даже домъ нанялъ на три недѣли. Я никакъ не думала, прощаясь съ нимъ вечеромъ, что я его больше не увижу. Напротивъ, онъ даже говорилъ мнѣ: «Вотъ какъ хорошо, теперь будемъ видѣться часто!» . . . Вѣдь ты знаешь, Левочка видѣлся съ отцомъ Іосифомъ, только давно, лѣтъ 12 тому назадъ. Они долго разговаривали, и отецъ Іосифъ сказалъ о немъ, что у него слишкомъ гордый умъ, и что пока онъ не

перестанетъ довѣряться своему уму, онъ не вернется къ Церкви» . . .

Сестра философа Лопатина, близко знавшая монахиню Марію, объ этихъ событіяхъ разсказываетъ: «Пріѣхавъ въ Шамордино къ Маріи Николаевнѣ, онъ (Л. Н. Т.) радостно сказалъ ей: «Машенька, я остаюсь здѣсь!» Волненіе ея было слишкомъ сильно, чтобы повѣрить этому счастью. Она сказала ему: «Подумай, отдохни!» Онъ вернулся къ ней утромъ, какъ было условлено, но уже не одинъ: вошли и тѣ, что за нимъ пріѣхали. Онъ былъ смущенъ и подавленъ, и не глядѣлъ на сестру. Ей сказали, что ѣдутъ къ духоборамъ. «Левочка, зачѣмъ ты это дѣлаешь?» воскликнула она. Онъ посмотрѣлъ на нее глазами полными слезъ. Ей сказали: — «Тетя Маша, ты всегда все видишь въ мрачномъ свѣтѣ и только разстраиваешь Папà. Все будетъ хорошо, вотъ увидишь», и отправились съ нимъ въ его послѣднюю дорогу!» . . .

Извѣстный журналистъ Ксюнинъ, посѣтившій Шамордино тотчасъ послѣ смерти Толстого, въ своей книгѣ «Уходъ Толстого» многое говоритъ со словъ его сестры и, между прочимъ, слѣдующее: «Когда Толстой пришелъ къ сестрѣ, они долго сидѣли, затворившись отъ всѣхъ въ ея спальнѣ. Вышли только къ обѣду, и тогда Толстой сказалъ: «Сестра, я былъ въ Оптиной, какъ тамъ хорошо! съ какой радостью я жилъ бы тамъ, исполняя самыя низкія и трудныя дѣла; только поставилъ бы условіемъ, не принуждать меня ходить въ Церковь». «Это было бы прекрасно, отвѣчала сестра, но съ тебя бы взяли условіе, ничего не проповѣдывать и не учить». Онъ задумался, опустилъ голову и оставался въ такомъ положеніи довольно долго, пока ему не напомнили, что обѣдъ конченъ. «Видѣлся ли ты въ Оптиной со старцами?» спросила она. Онъ отвѣтилъ: «Нѣтъ. Развѣ ты думаешь, что они меня приняли бы? Ты забыла, что я отлученъ».

Свое отлученіе Толстой переживаетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ показываетъ, чѣмъ позволяетъ ему это показать его самолюбіе. Такъ, Левъ Львовичъ, который, повидимому, изъ всей семьи тоньше другихъ понималъ сложную психологію своего отца, пріоткрываетъ завѣсу надъ тѣмъ, что глубоко таилось въ душѣ Толстого, но что онъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ.

«Тетя Марія», говоритъ онъ, «не могла простить своему брату дерзкаго описанія литургіи и святыхъ Тайнъ въ одной изъ главъ «Воскресенья». Она считала этотъ посту-

нокъ моего отца несправедливымъ и недобрымъ и была глубоко уязвлена этимъ. Увѣряютъ, что именно эта глава и была причиной отлученія Толстого отъ Церкви св. Синодомъ 22 февраля 1901 года. Это событіе, я помню, произвело болѣзненное дѣйствіе на чувствительную душу моего отца, хотя въ своемъ отвѣтѣ Синоду онъ показалъ себя спокойнымъ и слегка равнодушнымъ . . . Тѣмъ не менѣе онъ это переживалъ больше, чѣмъ многіе могли бы это подумать. Моя тетка Марія переживала этотъ случай такъ остро, что вскорѣ заболѣла. Позднѣе она отказывалась разговаривать на эту тему».

О причинахъ, вызвавшихъ кризисъ Толстого, Левъ Львовичъ высказываетъ слѣдующія предположенія: «Послѣ бѣгства изъ Ясной Поляны мой отецъ поѣхалъ прямо къ своей сестрѣ, которая была единственнымъ живымъ существомъ, знавшимъ его въ дѣтствѣ и юности. Мнѣ сдается, что онъ былъ побуждаемъ отправиться въ Шамординскій монастырь по двумъ причинамъ, или, пожалуй, лучше было бы сказать по двумъ сильнымъ чувствамъ: одно изъ нихъ, несомненно, было желаніемъ передъ смертью, близость которой онъ предвидѣлъ, повидаться съ единственной своей сестрой; второе — это уйти туда, гдѣ хорошіе люди были способны найти дѣйствительное успокоеніе въ своей вѣрѣ.» *)

Вся жизнь Толстого прошла въ скитаніяхъ по безплоднымъ пустынямъ отвлеченнаго разума въ напрасныхъ поискахъ истины, и теперь, въ послѣднія минуты, онъ надѣялся почерпнуть изъ этого благодатнаго источника той «живой воды», которой такъ жаждала истомившаяся, мятущаяся его душа. Но не сбылись эти послѣднія надежды.

Еще 30 октября вечеромъ въ Шамординѣ Л. Н. Толстой «жаловался на нѣкоторую слабость и недомоганіе, но, тѣмъ не менѣе, 31-го рано утромъ, несмотря на дурную погоду, въ сопровожденіи своей дочери и ея подруги В. М. Феоктистовой, пріѣхавшихъ къ нему наканунѣ, и Д. П. Маковицкаго, который его сопровождалъ все время, уѣхалъ на лошадяхъ въ Козельскъ (18 верстъ), оттуда по Рязанско-Уральской желѣзной дорогѣ по направленію на Богоявленскъ, чтобы далѣе слѣдовать въ Ростовъ на Дону . . . Въ виду лихорадочнаго состоянія Льва Николаевича рѣшено было оставить поѣздъ и высадиться на ближайшей большой станціи. Этой станціей оказалось Астапово». (Выписка изъ

---

*) L. L. Tolstoy. The Truth about my Father. London. 1924. Стр. 14.

«Протокола» за подписью врачей, «Новое Время» № 12454, 12 ноября 1910).

Согласно этому же протоколу Толстой »былъ уже такъ слабъ, что съ трудомъ дошелъ до кровати. Здѣсь онъ сдѣлалъ разныя распоряженія, и затѣмъ съ нимъ произошелъ непродолжительный, около минуты, припадокъ судороги въ лѣвой рукѣ и лѣвой половинѣ лица, сопровождавшійся обморочнымъ состояніемъ».

По всѣмъ даннымъ тѣ «распоряженія», о которыхъ упоминаетъ рапортъ врачей, включаютъ въ себя и отправку телеграммы въ Оптину съ вызовомъ старца Іосифа. Но вызовъ Толстымъ старца былъ скрытъ толстовцами отъ руской общественности. Открылось это только въ 1956 году, когда на страницахъ «Владимірскаго Вѣстника» игуменъ Иннокентій разсказалъ подробно объ этомъ. Какъ работающему въ канцеляріи, ему было извѣстно все, что черезъ нее проходило. Вотъ что онъ разсказываетъ:

«Спустя немного времени по отъѣздѣ графа изъ Шамордина, въ Оптиной была получена телеграмма со станціи Астапово съ просьбой немедленно прислать къ больному графу старца Іосифа. По полученіи телеграммы былъ собранъ совѣтъ старшей братіи монастыря: настоятель — архимандритъ Ксенофонтъ, настоятель скита, онъ же старецъ и духовникъ всего братства монастыря,—игуменъ Варсонофій, казначей — іеромонахъ Иннокентій, экономъ — іеромонахъ Палладій, благочинный — іеромонахъ Θеодотъ, ризничій — іеромонахъ Θеодосій, уставщикъ—іеромонахъ Исаакій, впослѣдствіи настоятель; іеромонахъ Сергій, іеромонахъ Исаія — бывшій келейникъ старца Амвросія, завѣдующій больницей монастырскій врачъ — іеромонахъ Пантелеймонъ, письмоводитель — монахъ Эрастъ и другіе. На этомъ совѣтѣ рѣшено было, вмѣсто старца Іосифа, который въ это время по слабости силъ не могъ выходить изъ келліи, командировать старца игумена Варсонофія въ сопровожденіи іеромонаха Пантелеймона. Но, какъ извѣстно, окруженіемъ Толстого они не были допущены къ больному, несмотря на всѣ усилія съ ихъ стороны. Когда старца Варсонофія окружили корресподенты газетъ и журналовъ и просили: «Ваше интервью, батюшка!» Старецъ имъ отвѣтилъ: «Вотъ мое интервью, такъ и напишите: хотя онъ и Левъ, но не могъ разорвать кольца той цѣпи, которою сковалъ его сатана».

Вызовъ Толстымъ старца подтверждается и воспоминаніями служащаго Рязано-Уральской жел. дороги Павлова,

напечатанными въ «Православной Руси» № 11, 1956. Онъ разсказываетъ, что на станціи Астапово служилъ буфетчикомъ добрый знакомый семьи Павловыхъ Сергѣй Моревичъ, человѣкъ пожилой, обликомъ похожій на Толстого, и самъ ярый толстовецъ, организаторъ толстовскаго кружка, ѣздившій съ этимъ кружкомъ ежегодно на сѣнокосъ въ Ясную Поляну. Вотъ слова Сергѣя Моревича: «Фактъ посѣщенія Толстымъ Оптиной Пустыни и вызова старца былъ взрывомъ бомбы въ толстовскомъ кружкѣ, который не могъ выдержать этого удара и распался». Изъ этого вытекаетъ, что телеграмма Толстого о вызовѣ старца стала общеизвѣстной среди служащихъ Астапово, а затѣмъ и среди прочихъ служащихъ—толстовцевъ по всей линіи ж. дороги.

Не могла этого не знать и вся газетная пресса, но, очевидно, лѣвая цензура рѣшила это замолчать, какъ фактъ, развѣнчивающій ихъ божество.

Изъ Астапова Александра Львовна вызвала телеграммой Черткова, который, строго скрывая отъ семьи Толстыхъ мѣстопребываніе больного, пріѣхалъ въ Астапово первымъ. Александра Львовна вызвала также телеграммой брата Сергѣя.

На шестой день ухода Толстого Софья Андреевна, жена его, получила телеграмму отъ редакціи «Русскаго Слова» о его мѣстонахожденіи и болѣзни, и она, вмѣстѣ съ находившимися при ней дѣтьми, пріѣхала въ Астапово. Но Софью Андреевну не пустили къ умирающему мужу: къ ней были приставлены двѣ фельдшерицы, которыя крѣпко держали ее за руки, такъ что она не могла пошевельнуться, какъ жалуется сама Софья Андреевна въ своей «Автобіографіи».

На станцію Астапово прибыли и представители власти: 4-го ноября исполняющій должность Рязанскаго губернатора князь Оболенскій, а затѣмъ и другіе. 7-го ноября прибылъ епископъ Тульскій Парфеній. О немъ говорилось уже раньше въ связи съ его посѣщеніемъ Ясной Поляны.

Пріѣхали корреспонденты газетъ. Постепенно собралось около 35-ти человѣкъ родныхъ и знакомыхъ.

Присланный властями на станпію Астапово жандармскій ротмистръ Савицкій совсѣмъ не разобрался въ обстановкѣ, и его донесенія страдаютъ ошибками и вымыслами.*)

---

*) Эти донесенія Савицкаго включены въ оффиціальный документъ — рапортъ начальника московско-камышинскаго жандармскаго управленія жел. дороги генерала Львова, опубликованный въ «Красномъ Архивѣ» (т. 4, стр. 346—356).

Сергѣй Львовичъ и Татьяна Львовна не отходили отъ отца съ самаго начала своего пріѣзда. Толстому не надо было приглашать ихъ къ себѣ, вопреки донесенію. Не будучи въ прямомъ смыслѣ крайними толстовцами, однако, они преклонялись предъ отцомъ, и едва ли вѣрно утвержденіе Савицкаго, что за ними былъ надзоръ. Этого не видно изъ ихъ личныхъ воспоминаній. На противоположномъ полюсѣ находился Андрей Львовичъ. Савицкій представилъ его архіерею, какъ наиболѣе склоннаго изъ семьи Толстыхъ вести переговоры съ администраціей. Но Андрей Львовичъ въ глазахъ семьи, кромѣ матери, былъ отщепенцемъ, ненавидѣлъ «толстовство» и состоялъ членомъ Союза Русскаго Народа. Онъ не могъ быть представителемъ семьи. Не соотвѣтствуетъ ни облику оптинскаго старца Варсонофія, ни другимъ историческимъ даннымъ и то, что Савицкій приписываетъ ему въ своемъ рапортѣ.

По его словамъ о. Варсонофій написалъ письмо Александрѣ Львовнѣ, въ которомъ онъ предупреждалъ, что никакихъ, способныхъ волновать Толстого разговоровъ о религіи не будетъ, и что игуменъ желалъ бы только «видѣть Толстого и благословить». О. игуменъ будто бы сообщилъ Савицкому, что если бы онъ услышалъ отъ Толстого только одно слово «каюсь», то въ силу своихъ полномочій, считалъ бы его отказавшимся отъ своего «лжеученія» и напутствовалъ бы его передъ смертію, какъ православнаго. Все это невѣрно.

Въ дѣйствительности, о. Варсонофій пріѣхалъ именно для бесѣды съ Толстымъ, на чемъ онъ и настаивалъ въ своемъ письмѣ къ Александрѣ Львовнѣ, послѣ того, какъ онъ получилъ отъ нея отказъ въ просьбѣ допустить его къ больному. Приведемъ его слова: «Почтительно благодарю Ваше Сіятельство за письмо ваше, въ которомъ пишете, что воля родителя вашего для васъ и для всей семьи вашей поставляется на первомъ планѣ. Но вамъ, графиня, извѣстно, что графъ выражалъ сестрѣ своей, а вашей тетушкѣ, монахинѣ матери Маріи, желаніе видѣть насъ и бесѣдовать съ нами».

Бесѣда была необходима потому, что «когда человѣкъ вознамѣрится оставить богохульное ученіе и принять ученіе, содержимое Православной Церковью, то онъ обязанъ по правиламъ Православной Церкви предать анаѳемѣ лжеученіе, которое онъ доселѣ содержалъ во враждѣ къ Бо-

Старецъ Варсонофій Оптинскій

гу, въ хулѣ на Святаго Духа, въ общеніи съ сатаной». *) (Еп. Игнатій Брянчаниновъ, т. III, стр. 85).

Таковы были и взляды о. Варсонофія на условія покаянія Толстого. Онъ ихъ выразилъ за полтора года передъ этимъ (20-го марта 1909 г.) въ частной бесѣдѣ, напечатанной въ «Троицкомъ Словѣ»: «Что будетъ съ нимъ (Толстымъ), одинъ Господь вѣдаетъ. Покойный великій старецъ Амвросій говорилъ той же Марьѣ Николаевнѣ въ отвѣтъ на ея скорбь о братѣ: «У Бога милости много: Онъ, можетъ быть, и твоего брата проститъ. Но для этого ему нужно покаяться и покаяніе свое принести передъ цѣлымъ свѣтомъ. Какъ грѣшилъ на цѣлый свѣтъ, такъ и каяться передъ нимъ долженъ. Но когда говорятъ о милости Божіей люди, то о правосудіи его забываютъ, а, между тѣмъ, Богъ не только милостивъ, но и правосуденъ. Подумайте только: Сына Своего Единороднаго, возлюбленнаго Сына Своего, на крестную смерть отъ руки твари, во исполненіе правосудія отдалъ! Вѣдь тайнѣ этой, преславной и предивной, не только земнородные дивятся, но и все воинство небесное постичь глубины этого правосудія и соединенной съ нимъ любви и милости не можетъ».

Какъ видно изъ этихъ словъ, а также изъ приведеннаго письма, о. Варсонофій не могъ и не собирался ограничиться однимъ словомъ «каюсь» въ силу какихъ-то полномочій (очевидно Синода), какъ приписываетъ ему Савицкій.

Что касается свидѣтельства Савицкаго будто о. Игуменъ «по секрету» сообщилъ ему, что онъ присланъ Синодомъ, то теперь уже окончательно выяснилось, что это выдумка. Но еще раньше по свидѣтельству Ксюнина въ его книжкѣ «Уходъ Толстого», изданной въ Берлинѣ послѣ революціи, самъ о. Варсонофій въ Оптиной Пустыни въ 1910 году говорилъ ему о неправильности утвержденія многихъ, будто старецъ ѣздилъ въ Астапово по распоряженію Синода. Того же мнѣнія придерживался и писатель Бунинъ въ своемъ «Освобожденіи Толстого»: «Приказъ изъ Петербурга выходитъ, такимъ образомъ, «выдумкой», выводитъ онъ свое заключеніе послѣ разбора этого вопроса. «Но что было бы, если бы Александра Львовна допустила его (старца) къ отцу?» спрашиваетъ дальше Бунинъ. «Мож-

---

*) Григорія Нисскаго правило 2. Василія Великаго пр. 5 и 73 и др. См. также проф. Бердниковъ. Крат. Курсъ Церковнаго Права. Казань, 1888. Стр. 181.

но предположить примиреніе съ Церковью», полагаетъ онъ. Будучи вольнодумцемъ, Бунинъ все же готовъ разсуждать безпристрастно.

Иначе толкуетъ В. М. Маклаковъ («Возрожденіе» январь — февраль 1954) мотивы присутствія священника въ Астаповѣ, когда умиралъ Толстой. Въ этой статьѣ Маклаковъ не останавливается передъ извращеніемъ всѣмъ извѣстныхъ обстоятельствъ и событій, сопровождавшихъ смерть Толстого. Окруженіе скрыло отъ умирающаго прибытіе о. Варсонофія изъ боязни, что Толстой отречется отъ своего ученія. Между тѣмъ Маклаковъ утверждаетъ, будто самъ Толстой отказалъ въ пріемѣ: «Онъ (Толстой) не принялъ ихъ» (представителей Церкви).

Маклаковъ не ограничивается только этимъ извращеніемъ хорошо извѣстныхъ событій: онъ въ этой же статьѣ называетъ старца «чекистомъ».

Ненависть къ Церкви настолько ослѣпляетъ Маклакова, что онъ уже переходитъ границы здраваго смысла и своей явной ложью и клеветой желаетъ унизить Церковь, а ея врага — толстовство реабилитировать, такъ какъ этому послѣднему бѣгство Толстого въ Оптину и, въ особенности, телеграмма нанесли непоправимый ударъ.

«Тайна» вызова старца Толстымъ была крѣпко запечатана, и кто бы могъ подумать, что черезъ 50 лѣтъ она раскроется.

Статья Маклакова вызвала достойный отпоръ въ «Православной Руси» (№№ 4 и 6, 1955), но никто не назвалъ имени о. Варсонофія схи-игумена и старца Оптиной пустыни.

Кѣмъ же былъ о. игуменъ Варсонофій? Въ міру онъ былъ полковникомъ, происходилъ изъ Оренбургскаго казачества, служилъ при штабѣ военнаго Казанскаго округа. Тяжко заболѣвъ однажды воспаленіемъ легкихъ и находясь при смерти, онъ велѣлъ деньщику читать ему вслухъ Евангеліе. Въ это время ему послѣдовало видѣніе: отверзлись небеса, и онъ содрогнулся отъ великаго страха и свѣта. Въ его душѣ произошелъ переворотъ, у него открылось духовное зрѣніе. По отзыву старца о. Нектарія: «Изъ блестящаго военнаго въ одну ночь, по соизволенію Божію, онъ сталъ великимъ старцемъ». Онъ носилъ въ міру имя Павла, и это чудо, съ нимъ бывшее, напоминаетъ чудесное призваніе его небеснаго покровителя апостола Павла. Къ общему удивленію больной полковникъ поправился и уѣхалъ въ Оптину Пустынь. Отецъ Амвросій благословилъ его на мо-

нашество, но когда онъ вернулся черезъ годъ въ Оптину Пустынь, чтобы вступить въ число ея братій, о. Амвросій лежалъ уже въ гробу. Будущій о. Варсонофій былъ опредѣленъ старцемъ Анатоліемъ (Зерцаловымъ) въ келейники къ о. Нектарію, опытному подвижнику и будущему старцу. Самъ старецъ Анатолій былъ искуснѣйшій дѣлатель молитвы Іисусовой. Пройдя въ теченіе десяти лѣтъ монашескую духовную школу внѣшнихъ подвиговъ и духовнаго дѣланія подъ руководствомъ этихъ лицъ, о. Варсанофій былъ посланъ въ 1904 году на Японскую войну обслуживать лазаретъ имени преподобнаго Серафима Саровскаго. По возвращеніи послѣ войны въ Оптину, онъ былъ назначенъ святѣйшимъ Синодомъ настоятелемъ Оптинскаго скита, съ этимъ была связана обязанность старчества и духовенства.

Вотъ краткія черты его жизни. О внутреннемъ обликѣ въ двухъ словахъ сказать труднѣе. Истинный старецъ, а онъ былъ таковымъ, является носителемъ пророческаго дара. Господь ему непосредственно открываетъ прошлое и будущее людей. Это и есть прозорливость. Этотъ даръ, — видѣть человѣческую душу, даетъ возможность воздвигать падшихъ, направлять съ ложнаго пути на истинный, исцѣлять болѣзни душевныя и тѣлесныя, изгонять бѣсовъ. Все это было свойственно о. Варсонофію. Такой даръ требуетъ непрерывнаго пребыванія въ Богѣ, святости жизни. Многіе видѣли старцевъ, озаренныхъ свѣтомъ при ихъ молитвѣ. Видѣли и старца Варсонофія какъ бы въ пламени во время служенія литургіи. Свѣтъ, исходившій отъ него, озарялъ лицо діакона, ему сослужившаго. Объ этомъ намъ было передано изустно живой свидѣтельницей — матерью Александрой, монахиней Шамординскаго монастыря. Игуменъ Иннокентій такъ говоритъ о немъ: «Это былъ замѣчательный старецъ, имѣвшій даръ прозорливости, какую я самъ на себѣ испыталъ, когда онъ принималъ меня въ монастырь и первый разъ исповѣдывалъ. Я онѣмѣлъ отъ ужаса, видя передъ собой не обыкновеннаго человѣка, а ангела во плоти, который читаетъ мои сокровеннѣйшія мысли, напоминаетъ факты, которые я забылъ, лицъ и прочее. Я былъ одержимъ неземнымъ страхомъ. Онъ меня ободрилъ и сказалъ: «Не бойся, это не я, грѣшный Варсонофій, а Богъ мнѣ открылъ о тебѣ. При моей жизни никому не говори о томъ, что сейчасъ испытываешь, а послѣ моей смерти можешь говорить».

Вотъ этотъ пастырь добрый, истинный служитель Христовъ, и стоялъ у дверей Толстого въ Астаповѣ. Неудачу,

постигшую его, онъ пережилъ тяжело: «Отцу Варсонофію всегда было трудно разсказывать объ этомъ, онъ очень волновался», вспоминаетъ его ученикъ о. Василій Шустинъ въ своихъ запискахъ.

Въ заключеніе привожу отрывокъ изъ книги Ксюнина «Уходъ Толстого», передающій бесѣду автора со старцемъ объ этомъ: «Меня проводили къ о. Варсонофію, ѣздившему въ Астапово съ о. Пантелеймономъ, котораго сестра Толстого называла «хорошимъ врачемъ». Вотъ низкая калитка скита, около которой въ послѣдній разъ стоялъ Толстой. Два раза подходилъ: думалъ войти, или не войти, Толстой, пріѣхавшій въ скитъ за тишиной. За палисадникомъ домикъ съ крытой галлереей, а въ домикѣ комната съ низкимъ потолкомъ. Въ углу большой образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ. Передъ образомъ лампада, наполняющая келлію блѣднымъ свѣтомъ. Отецъ Варсонофій, теперешній скитоначальникъ, глубокій старецъ съ длинной бѣлой бородой, съ безкровнымъ лицомъ и бездонными, свѣтлыми, отрѣшенными отъ міра глазами . . .

Келейникъ объяснилъ старцу зачѣмъ я пріѣхалъ. Старецъ стоялъ на молитвѣ. Онъ по двѣнадцать часовъ сряду стоитъ на колѣняхъ. Поднялся и вышелъ, несмотря на поздній часъ. «Ѣздилъ я въ Астапово, говоритъ тихимъ голосомъ отецъ Варсонофій, не допустили къ Толстому. Молилъ врачей, родныхъ, ничего не помогло . . . Желѣзное кольцо сковало покойнаго Толстого, хотя и Левъ былъ, но ни разорвать кольца, ни выйти изъ него не могъ . . . Пріѣзду его въ Оптину мы, признаться, удивились. Гостинникъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ, что пріѣхалъ Левъ Николаевичъ Толстой и хочетъ повидаться со старцами. «Кто тебѣ сказалъ?» спрашиваю. «Самъ сказалъ». Что же, если такъ, примемъ его съ почтеніемъ и радостію. Иначе нельзя. Хоть Толстой и былъ отлученъ, но разъ пришелъ въ скитъ, иначе нельзя. У калитки стоялъ, а повидаться такъ и не пришлось. Спѣшно уѣхалъ . . . А жалко . . . Какъ я понимаю, Толстой искалъ выхода. Мучился, чувствовалъ, что передъ нимъ выростаетъ стѣна» . . . Старецъ Варсонофій помолчалъ, потомъ добавилъ: «А что изъ Петербурга меня посылали въ Астапово, это невѣрно. Хотѣлъ напутствовать Толстого: вѣдь самъ онъ пріѣзжалъ въ Оптину, никто его не тянулъ» . . . (Ксюнинъ).

«Что было бы, если бы Александра Львовна допустила старца къ отцу?» спрашиваетъ Бунинъ: «можно предположить примиреніе съ Церковью», полагаетъ онъ. Также и

Николай Вейсбейнъ въ своей докторской диссертаціи, которую онъ блестяще защитилъ въ парижской Сорбоннѣ въ іюнѣ 1957 г. на тему о религіозной эволюціи Толстого, показалъ, что последній передъ смертью уже стоялъ на грани примиренія съ Церковью.

Но не перейдена ли была уже та заповѣдная грань, за которой психологически покаяніе становилось невозможнымъ, когда стоялъ Толстой у порога старца, и въ немъ шла жестокая борьба съ гордостью, но послѣдняя одолѣла? Судьба его трагически рѣшалась, когда онъ оттолкнулъ отъ себя послѣдній призывъ благодати! И не промыслительно ли не состоялась встрѣча, такъ какъ истиннаго покаянія и не послѣдовало бы?

Старецъ Іосифъ сказалъ о немъ монахинѣ Маріи, что онъ слишкомъ довѣряетъ своему гордому уму, въ этомъ все несчастье: «Пока онъ не перестанетъ довѣряться своему уму, онъ не вернется къ Церкви». Уже въ Астаповѣ, на порогѣ смерти, 1-го ноября диктуетъ онъ дочери свои антихристіанскіе пантеистическіе вымыслы; все то же, что и раньше—безысходный заколдованный кругъ: «Богъ есть неограниченное Все, человѣкъ есть только ограниченное проявленіе Его. Богъ есть то неограниченное Все, чего человѣкъ сознаетъ себя ограниченною частію. Истинно существуетъ только Богъ, человѣкъ есть проявленіе Его въ веществѣ, времени и пространствѣ», и т. д. . . Нѣтъ у него сознанія, что между Творцомъ и тварью бездна, что человѣкъ безпомощное, падшее существо, нуждающееся въ Промыслителѣ и Искупителѣ. А, слѣдовательно, нѣтъ мѣста ни покаянію, ни таинствамъ, ни Христу.

О послѣднихъ дняхъ Толстого мы имѣемъ три документа: Протоколъ врачей отъ 9-го ноября 1910 г. о болѣзни и смерти Толстого, составленный въ Ясной Полянѣ и подписанный Д. П. Маковицкимъ, Д. Н. Никитинымъ и Г. М. Бернштейномъ («Новое Время», 12-го ноября 1910, № 12454), затѣмъ статья В. Черткова о послѣднихъ дняхъ, напечатанная во всѣхъ газетахъ того времени, и воспоминанія Сергѣя Львовича Толстого (по англійски).

Болѣзнь Толстого началась въ Шамординѣ 30 октября и закончилась его смертью утромъ 7 ноября. До 4-го ноября Толстой еще надѣялся на выздоровленіе, но съ этого дня начинается страшное испытаніе передъ жуткимъ переходомъ въ вѣчность, откуда нѣтъ возврата.

Свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ Толстого очень скупы: сквозь желѣзное кольцо изоляціи проскользнуло всего лишь

нѣсколько его фразъ, но и этихъ фразъ, дошедшихъ до насъ сквозь цензуру толстовцевъ, достаточно, чтобы предъ нами возникла мрачная, тяжелая картина смерти безъ покаянія, полная отчаянія. Чертковъ приводитъ фразы Толстого наканунѣ смерти: «Ну теперь шабашъ, все кончено!» или «Не понимаю, что мнѣ дѣлать?» *) Сестра его мать Марія передаетъ объ этомъ болѣе подробно: «что мнѣ дѣлать, Боже мой! что мнѣ дѣлать?» Руки его были сложены, какъ на молитву». Эти слова въ той или иной версіи указываютъ на безвыходное положеніе, въ какомъ себя сознавалъ Толстой. «Религія Толстого, говоритъ Лодыженскій, поставленная передъ лицомъ смерти, не дала ему успокоенія. Послѣдніе дни его были днями человѣка мятущагося, не знавшаго, что ему дѣлать».

Чертковъ приводитъ еще другой возгласъ: «А мужики-то, мужики какъ умираютъ!» Фразу эту онъ произнесъ, лежа на спинѣ, слабымъ, жалостливымъ тономъ и прослезился».

Надъ смертью мужиковъ Толстой задумывался не разъ, и въ его «Исповѣди» мы читаемъ слѣдующее: «Въ противоположность, что спокойная смерть, смерть безъ ужаса и отчаянія есть самое рѣдкое исключеніе въ нашемъ (интеллигентномъ) кругѣ, смерть неспокойная, непокорная и нерадостная, есть самое рѣдкое исключеніе среди народа. И я видѣлъ», пишетъ онъ далѣе, говоря о народѣ: «такихъ,— понявшихъ смыслъ жизни, умѣющихъ жить и умирать, не двухъ, не трехъ, не десять, а сотни тысячъ и милліоны. И всѣ они, безконечно различные по своему нраву, уму, образованію, положенію, всѣ одинаково и совершенно противоположно моему невѣдѣнію знали смыслъ жизни и смерти, спокойно трудились, переносили лишенія и страданія, жили и умирали, видя въ этомъ не суету, а добро». Такой смерти еще раньше желалъ себѣ Толстой, но это не сбылось, и, вспоминая о мужикахъ, онъ уточняетъ свою мысль: «Такъ видно мнѣ въ грѣхахъ прійдется умирать». Возгласъ, записанный врачами дополняетъ выше сказанное: «6-го ноября около 2-хъ часовъ дня неожиданное возбужденіе: сѣлъ на постель и громкимъ голосомъ внятно сказалъ окружающимъ: «Вотъ и конецъ, и ничего!» Душевное состояніе, которое переживалъ Толстой, передавалось окружающимъ: Сергѣй Львовичъ говоритъ объ этомъ: «Ужасное впечатлѣніе произвело на меня, когда онъ (отецъ) сказалъ

*) «Новое Время» отъ 18 и 20 янв. 1911. №№ 12519 и 12521.

громкимъ и убѣжденнымъ тономъ: «Надо бѣжать!» (it is necessary to escape). «Отъ чего и куда я убѣгаю?» писалъ еще лѣтъ 30 передъ этимъ Толстой: «я убѣгаю отъ чего-то страшнаго и не могу убѣжать. Я вышелъ въ корридоръ, думая уйти отъ того, что мучило меня, но оно вышло за мной и омрачило все . . . «Да, что за глупости, сказалъ я себѣ, чего я тоскую, чего боюсь?» «Меня!» неслышно отвѣчаетъ голосъ смерти: «Я тутъ!» морозъ подралъ меня по кожѣ. Да, смерть! Она прійдетъ! Она, — вотъ она! а ея не должно быть. Я легъ было, но только улегся, вдругъ вскочилъ отъ ужаса. Жутко, страшно! . . . Все тотъ же ужасъ, — красный, бѣлый, квадратный» . . . Всю жизнь Толстой мучился проблемой смерти, но такъ ее и не разрѣшилъ: «Вотъ и конецъ, и ничего!»

Ночью 7-го ноября по-полуночи Левъ Николаевичъ сталъ стонать и метаться на постели, вскакивать. Затѣмъ впалъ въ безсознательное состояніе и въ 6 часовъ 5 минутъ утра по московскому времени скончался.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА ОБЪ ОТЛУЧЕНІИ Л. ТОЛСТОГО

Отлученіе Толстого вызвало бурю негодованія «передовой» интеллигенціи. Чтобы читатель самъ могъ судить о духовномъ состояніи общественности того времени, приведемъ полностью текстъ этого отлученія:

Божіей милостью Святѣйшій Всероссійскій Синодъ вѣрнымъ чадамъ Православной Каѳолической Церкви о Господѣ радоватися.

Молимъ вы, братіе, блюдитеся отъ творящихъ распри и раздоры, кромѣ ученія ему же вы научистеся, и уклонитеся отъ нихъ (Римл. 16, 17).

Изначала Церковь Христова терпѣла хулы и нападенія отъ многочисленныхъ еретиковъ и лжеучителей, которые стремились ниспровергнуть ее и поколебать въ существенныхъ ея основаніяхъ, утверждающихся на вѣрѣ во Христа, Сына Бога Живаго. Но всѣ силы ада, по обѣтованію Господню не могли одолѣть Церкви Святой, которая пребудетъ неодолѣнною во вѣки. И въ наши дни, Божіимъ попущеніемъ, явился новый лжеучитель, графъ Левъ Толстой. Извѣстный міру писатель, русскій по рожденію, православный по крещенію и воспитанію своему, графъ Толстой, въ прельщеніи гордаго ума своего, дерзко возсталъ на Господа и на Христа Его, и на святое Его достояніе, явно передъ всѣми отрекся отъ вскормившей и воспитавшей его матери Церкви Православной и посвятилъ свою литературную дѣятельность и данный ему отъ Бога талантъ на распространеніе въ народѣ ученій противныхъ Христу и Церкви и на истребленіе въ умахъ и сердцахъ людей вѣры отеческой, вѣры православной, которая утвердила вселенную, которою жили и спасались наши предки и которою доселе держалась и крѣпка была Русь Святая. Въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ, во множествѣ разсѣваемыхъ имъ и его учениками по всему свѣту, въ особенности же въ предѣлахъ дорогого отечества нашего, онъ проповѣдуетъ съ ревностію фанатика ниспроверженіе всѣхъ догматовъ Право-

славной Церкви и самой сущности вѣры христіанской, отвергаетъ личнаго живаго Бога, во Святой Троицѣ славимаго, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицаетъ Господа Іисуса Христа—Богочеловѣка, Искупителя и Спасителя міра, пострадавшаго насъ ради человѣковъ и нашего ради спасенія и воскресшаго изъ мертвыхъ, отрицаетъ бесѣменное зачатіе по человѣчеству Христа Господа и дѣвство до рождества и по рождествѣ Пречистой Богородицы, Приснодѣвы Маріи, не признаетъ загробной жизни и мздовоздаянія, отвергаетъ всѣ таинства Церкви и благодатное въ нихъ дѣйствіе Святаго Духа и, ругаясь надъ самыми священными предметами вѣры православнаго народа, не содрогнулся подвергнуть глумленію величайшее изъ таинствъ, святую евхаристію. Все сіе проповѣдуетъ графъ Л. Толстой непрерывно, словомъ и писаніемъ, къ соблазну и ужасу всего православнаго міра, и тѣмъ неприкровенно, но явно передъ всѣми сознательно и намѣренно отторгъ себя самъ отъ всякаго общенія съ Церковью Православной. Бывшія же къ его вразумленію попытки не увѣнчались успѣхомъ. Посему Церковь не считаетъ его своимъ членомъ и не можетъ считать, доколѣ онъ не раскается и не возстановитъ своего общенія съ нею.

Нынѣ о семъ свидѣтельствуемъ передъ всею Церковью къ утвержденію право стоящихъ и къ вразумленію заблуждающихся, особливо же къ новому вразумленію самого графа Толстого. Многіе изъ близкихъ его, хранящихъ вѣру, со скорбію помышляютъ о томъ, что онъ, на концѣ дней своихъ остается безъ вѣры въ Бога и Господа Спасителя нашего, отвергшись отъ благословеній и молитвъ Церкви и отъ всякаго общенія съ нею. Посему, свидѣтельствуя объ отпаденіи его отъ Церкви, вмѣстѣ и молимся, да подастъ ему Господь покаяніе въ разумѣ истины (2 Тим. 2, 25). Молимтися, Милосердный Господи, не хотяй смерти грѣшныхъ, услыши и помилуй его и обрати ко святой Твоей Церкви. Аминь.

Подлинное подписали: Смиренный Антоній, митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій; Смиренный Феогностъ, митр. Кіевскій и Галицкій; Смиренный Владиміръ, митр. Московскій и Коломенскій; Смиренный Іеронимъ, архіеп. Холмскій и Варшавскій; Смиренный Іаковъ еп. Кишиневскій и Хотинскій; Смиренный Маркеллъ, епископъ; Смиренный Борисъ, епископъ.

22 февраля 1901 года.

ПОСЛѢСЛОВІЕ

Наша тема объ «истокахъ душевной катастрофы Л. Н. Толстого» закончена. Толстой, какъ мы видѣли, стремился создать свою новую религію, не примкнувъ ни къ одной изъ существующихъ, но ничего новаго сказать ему не удалось. Онъ сознавалъ несостоятельность своего міросозерцанія и кончилъ жизнь въ растерянности и предсмертной тоскѣ и отчаяніи души, лишенной упованія.

Въ самомъ началѣ мы говорили о процессѣ «Отступленія» Запада, о нео-индуизмѣ стремящемся занять господствующее положеніе въ богоотступническомъ мірѣ въ качествѣ всеобъемлющей панъ-религіи. Указывалось и мѣсто и значеніе Толстого въ этомъ процессѣ. Въ борьбѣ Христіанства и индуизма онъ на сторонѣ послѣдняго. Толстой не только вдохновитель русской революціи и злѣйшій врагъ Церкви. Онъ своею проповѣдью универсальной религіи, отрицаніемъ божественности Іисуса Христа и популяризаціей буддійскихъ идей *) имѣетъ и донынѣ свое значеніе и вліяніе въ міровомъ процессѣ отступленія, а потому и прославляется.

Этотъ процессъ очень сложенъ. Русскимъ въ разсѣяніи, лишеннымъ родной православной почвы, приходится подвергаться самымъ разнороднымъ вліяніямъ. А именно, съ одной стороны инославныя христіанскія церкви и множество сектъ, а съ другой, новое многоликое язычество, которое проявляется не только въ нео-индуизмѣ, іогѣ и такъ далѣе, но и въ ихъ вторичныхъ, производныхъ отъ нихъ формахъ, какъ-то теософіи, оккультизмѣ, антропософіи и тому подобномъ.

---

*) Метафизика Толстого, проникнутая буддизмомъ, выражается, главнымъ образомъ, въ его книгѣ «О жизни». Отрывъ отъ Христіанства и близость его къ индусскому религіозному сознанію отмѣчали, напримѣръ, философы Вл. Соловьевъ и Н. Бердяевъ. Толстой первый внесъ буддійскій элементъ въ русскую художественную классическую литературу. Объ индуизмѣ у Толстого см. выше стр. 16, 17, 18, 19, 33, 60, 75.

Чтобы разобраться въ этомъ хаосѣ самыхъ разнообразныхъ явленій и вліяній, (часто противорѣчивыхъ, смѣшивающихся и переплетающихся между собой), и понять ихъ сущность, надо обратиться къ ихъ истокамъ, изучить ихъ въ корнѣ, узнать откуда они берутъ свое начало и содержаніе.

Все это богатое махровое цвѣтеніе всякихъ ученій упадочной эпохи, вышло изъ двухъ древнихъ культуръ: христіанской и индійской. Вся полнота Христіанства содержится въ Православіи, въ Православной культурѣ, а современное язычество на Западѣ вдохновляется, главнымъ образомъ ученіемъ Будды.

Вкратцѣ разсмотримъ Православіе и буддизмъ въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для нашей выше указанной цѣли, — постигнуть сущность «Отступленія» и разобраться въ окружающихъ насъ духовныхъ явленіяхъ.

Это уже совсѣмъ новая тема, отличная отъ нашей «Истоки душевной катастрофы Л. Н. Толстого», но связанная съ затронутыми тамъ проблемами. А поэтому считаемъ не только цѣлесообразнымъ, но и необходимымъ дать въ качествѣ приложенія къ нашей основной темѣ это совершенно самостоятельное изслѣдованіе.

ПРИЛОЖЕНІЕ

ПРАВОСЛАВІЕ И БУДДИЗМЪ

ПРАВОСЛАВІЕ И БУДДИЗМЪ

Всякъ возносяйся смирится и смиряяй-ся вознесется (Луки XIV, 11).

Основная идея Богооткровенной религіи заключается въ слѣдующемъ: Богъ, абсолютный, предвѣчный, тріипостасный Духъ, надмірный и всемогущій, творитъ все изъ ничего, «изъ несущаго». Только Богъ есть сущій въ полномъ смыслѣ этого слова, или «Жизнь Вѣчная», другими словами, «Имѣющій жизнь въ Самомъ Себѣ», «Самодовлѣющее Существо». Между тварью и Творцомъ бездна, которая преодолѣвается любовью Бога. Въ Богочеловѣчествѣ Христа совершается великая тайна этого преодолѣнія.

Итакъ, тварная природа человѣка, возникшая «изъ несущаго», безконечно отличается отъ природы Творца. И въ этомъ начало и основаніе смиренномудрія (онтологическое обоснованіе). Человѣкъ не самодовлѣющее существо. Какъ физическое его тѣло нуждается во всемъ извнѣ: въ пищѣ, одеждѣ, воздухѣ, солнцѣ и т. д., такъ и духъ его имѣетъ жизнь вѣчную въ высшемъ истинномъ смыслѣ этого слова не в самомъ себѣ, а получаетъ ее въ Богообщеніи. Таковъ замыселъ Творца о человѣкѣ. Человѣкъ — малый тварный богъ, въ немъ образъ (отображеніе) Божіе, и онъ по самой природѣ своей стремится къ своему Первообразу. Только въ Богѣ можетъ человѣкъ осуществить свое призваніе и, слѣдовательно, найти блаженство. Человѣкъ нуждается въ питающихъ его духъ Божественныхъ энергіяхъ, въ непосредственномъ, таинственномъ единеніи со Христомъ въ тайнѣ евхаристіи: «Аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни піете крови Его, живота не имате въ себѣ» (Іо. VI, 53). Въ

общеніи таинствъ и личномъ подвигѣ человѣкъ можетъ безконечно совершенствоваться, уподобляясь своему Первообразу — Богу: «Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный».

Богооткровенная религія, и только она, раскрываетъ намъ тайну троичности Божества. Богъ — сверхлично-личный * тріипостасный Духъ, и въ любви вся полнота внутритроичной Божественной жизни. Любовь есть гармонія двухъ противуполагающихся индивидуальностей. Всегда одно лицо является объектомъ любви другого. Такъ въ Богѣ: Богъ-Отецъ и Богъ-Сынъ, любовь Отца къ Сыну и Сына къ Отцу.

Затѣмъ Творецъ и тварь, — Богъ и человѣкъ. Любовь Творца къ Своему созданію вызываетъ Боговоплощеніе и отвѣтная любовь человѣка Богосыновство.

Личность человѣка, являясь отображеніемъ Абсолютнаго Духа, въ немъ укореняясь и утверждаясь, пріобрѣтаетъ благодаря этому всю свою исключительную цѣнность. Она, эта личность, «единственная и неповторимая» въ «очахъ Божіихъ» дороже всего остального міра, и христіанство раскрываетъ намъ всю ея абсолютную цѣнность. Но и теперь, въ современномъ намъ нео-язычествѣ, она, эта личность, обесцѣнивается, как и до Христа.

Абсолютная цѣнность личности является основаніемъ и христіанской любви. Мой ближній въ христіанствѣ есть индивидуальность, лицо мнѣ противуположное, единственное и неповторимое. И только при такой высокой оцѣнкѣ личности пріобрѣтаетъ свое значеніе высшее проявленіе любви — «полагать душу свою за други своя» и «любить ненавидящихъ тебя».

Любовь это великая сила: «любовь есть подательница пророчества, любовь виновница чудотвореній, любовь бездна осіянія, любовь источникъ огня въ сердцѣ, который чѣмъ болѣе истекаетъ, тѣмъ болѣе распаляетъ жаждущаго. Лю-

---

*) Всѣ Свойства Творца безконечно отличаются отъ свойствъ твари. Такъ и Божественное единое Начало выражается въ 3-хъ Лицахъ. Это значитъ, что Его личное бытіе глубоко отлично отъ нашего ограниченнаго единоличнаго бытія, и терминъ личности мы примѣняемъ лишь по аналогіи, указывая на то, что все цѣнное,имѣющееся въ личномъ бытіи, есть въ Богѣ, однако въ такой превосходной степени, что все же нѣтъ тождества между понятіемъ тварной личности и понятіемъ Лицъ Божественной Троичности (Н. Лосскій).

бовь утверждение ангеловъ, вѣчное преуспѣяніе» (Іоаннъ Лѣствичникъ, сл. 30, 35).

Божественная любовь это плодъ молитвы, и есть не что иное, какъ благодать, проникшая во внутрь нашего существа. Любовь согласно св. Діадоху не есть только движеніе души, но и нетварный даръ — «божественная энергія», которая воспламеняетъ душу непрестанно и соединяетъ ее съ Богомъ по дару Духа Святаго. Оттого она и невыразима.

Любовь, это мистическое соприкосновеніе с Богомъ и ближнимъ, осуществляется черезъ посредство сердца. Сердце есть органъ, устанавливающій эту особую интимную связь съ Богомъ и ближнимъ.

На пути человѣка къ Богу непреодолимой стѣной стало его грѣхопаденіе. Преодолѣть свое паденіе своими силами человѣкъ уже не могъ. Необходимъ былъ «Избавитель», обѣщанный Богомъ еще прародителямъ. И Богъ-Слово нисходитъ на землю, чтобы спасти человѣка и открыться ему. «Какъ власть Имущій», Онъ совершаетъ искупленіе всего рода человѣческаго на крестѣ и своимъ воскресеніемъ Онъ, «Побѣдитель смерти», предваряетъ всеобщее воскресеніе мертвыхъ. Онъ учреждаетъ Свою Церковь, «единую, святую, соборную и апостольскую», мистическое «Тело Христово», и этимъ основываетъ Свое Царство, которому «не будетъ конца». То грядущее Царство жизни вѣчной, гдѣ Господь «утретъ всякую слезу», гдѣ, наконецъ, падшій, но теперь возстановленный «образъ Божій», — человѣкъ, въ своемъ Первообразѣ, вернувшись къ Нему, найдетъ полноту бытія, блаженство и безконечное развитіе своей индивидуальности.

«Христіанство есть полнота (плирома) живой конкретной личности Богочеловѣка, и, слѣдовательно, оно единственно, неповторимо, индивидуально» (Вышеславцев).

Іисусъ Христосъ есть тотъ «Краеугольный Камень, который отвергли строители». Боговоплощеніе это величайшее событіе въ мірѣ. Оно вызываетъ грандіозный историческій сдвигъ, крушеніе стараго и начало новаго міра. Достоевскій говоритъ: «произошло столкновеніе двухъ самыхъ противоположныхъ идей, которыя только могли существовать на землѣ: человѣкобогъ встрѣтилъ Богочеловѣка, — Апполонъ Бельведерскій — Христа» (Дневникъ писателя).

«Огонь пришелъ Я низвесть на землю, и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся!» (Лук. XII, 49), говоритъ Спаситель, Огонь, долженствующій возродить человѣчество! И какъ оно нуждается въ этомъ огнѣ! Ибо оно по грѣхопаде-

ніи предоставленное лишь своимъ собственнымъ силамъ къ началу нашей эры окончательно изжило свои моральныя силы, растратило ихъ окончательно на широкихъ путяхъ «міра сего», смыслъ жизни былъ утерянъ: человѣчество находилось въ безвыходномъ духовномъ тупикѣ.

Но вотъ, въ Божественномъ огнѣ, въ огнѣ благодати Святаго Духа, рождается первохристіанство, единственное и неповторимое въ своей дѣвственной чистотѣ и красотѣ. Мученическимъ своимъ подвигомъ оно преодолѣваетъ язычество. Возникаетъ новая Византійская имперія уже на основѣ духовныхъ началъ, и тамъ, непосредственно изъ первохристіанства, зарождается великая православная культура. Появляются «огромной внутренней духовной силы каноническіе памятники универсальнаго значенія, литература святыхъ отцовъ и учителей Церкви, вѣковое литургическое богатство» (Архим. Кипріанъ).

Восточные православные аскеты при содѣйствіи благодати Святаго Духа въ совершенствѣ изучили душу человѣка, законы ея жизни и пути къ духовному ея восхожденію. Въ ихъ твореніяхъ разработанъ и переданъ всѣмъ народамъ и на всѣ времена путь къ высшему совершенству, святости и Боговѣдѣнію.

Возьмемъ хотя бы творенія Великаго Макарія, жившаго въ 4-мъ вѣкѣ. Они представляютъ собою запись небожителя, небеснаго человѣка. Ему, какъ достигшему высочайшихъ степеней совершенства, открытъ духовный міръ и его законы. Онъ также созерцаетъ душу и видитъ все, что въ ней происходитъ. Онъ указываетъ ей путь къ совершенству. Онъ весь въ Богосозерцаніи и восхищеніи. Ему открыты великія тайны горняго міра. Творенія Макарія говорятъ намъ, главнымъ образомъ, объ обоженіи. Онъ развиваетъ философію Богообщенія, хотя и не строитъ философской системы. «Эллинскіе философы, говоритъ онъ, учатся владѣть словомъ. Но есть другіе философы, невѣжды въ словѣ, которые радуются и веселятся о Божіей благодати».

Итакъ, создавалась богатѣйшая богословская и аскетическая литература. Многое до сихъ поръ еще не изучено, многое еще не переведено на русскій языкъ и многое хранится еще только въ рукописяхъ. И на протяженіи всѣхъ вѣковъ въ православіи были разительные примѣры достиженія Богообщенія, состоянія «обоженія», святости, слѣдствіемъ чего всегда были необыкновенные благодатные дары,

для всѣхъ очевидные, какъ въ Византіи, такъ и въ Россіи ея наслѣдницѣ *.

Каковы же законы постиженія духовныхъ истинъ, въ чемъ эта тайна познанія?

Для этого требуется соотвѣтствующее «устроеніе души», ** та ея особенная настроенность, дающая возможность воспринимать и постигать духовныя сущности подобно тому, какъ и музыкальный инструментъ требуетъ опредѣленную настроенность, чтобы онъ могъ передать мелодію. Для этого необходимо обновленіе души. Тогда силы ея, «приведенныя въ чудное согласіе и стройность, дѣлаются способными при прикосновеніи къ нимъ Божественной благодати, издавать звуки и глаголы духовные, восходящіе на небо, предъ престолъ Божій, благоприятные Богу». ***

Силы души распадаются на двѣ части: первая изъ нихъ находится въ области сознанія человѣка. Это «внѣшній человѣкъ» или внѣшняя сфера съ многочисленными функціями. Второю частью является внутренняя сфера, «внутренній», или «потаенный сердца человѣкъ» (I Петра III, 4); сфера, лежащая уже за порогомъ сознанія, центральное сосредоточеніе которй можно назвать «глубиннымъ я». Это тѣ силы духа, которыя отодвинуты грѣхомъ внутрь человѣка за порогъ сознанія. Грѣхъ нарушилъ исконную, «первозданную» цѣльность личности, ту цѣльность, въ которой таится корень индивидуальности личности.

Этотъ «сокровенный сердца человѣкъ» закрытъ отъ сознанія властью грѣха. И цѣль православной аскезы — преодолѣть грѣхъ и собрать силы души, связать эмпирическую внѣшнюю сферу съ глубиннымъ центромъ, этимъ «внутреннимъ средоточіемъ» или, по слову писанія «сердцемъ» человѣка и подчинить ему внѣшнюю сферу.

«Надо собрать всѣ силы души въ одну силу, надо отыскать то внутренее средоточіе бытія, гдѣ разумъ и воля, и чувство, и совѣсть, прекрасное и истинное, удивительное и

---

*) Для Толстого нѣтъ оправданія, такъ какъ и въ его время яркіе примѣры святости были налицо: онъ современникъ Іоанна Кронштадтскаго. Но, вмѣсто того, чтобы узнать у нихъ тотъ путь, какимъ они достигли благодатнаго состоянія, у него скорѣе намѣчается желаніе поучать и ихъ.

**) «Устроеніе души» определенное понятіе въ аскетикѣ, означающее ея настроенность, ея строй. Цѣль подвига — дать правильное устроеніе душѣ.

***) Игнатій Брянчаниновъ. Т. II, стр. 283, 284.

желаемое, справедливое и милосердное, и весь объемъ ума сливаются въ одно живое единство, и, такимъ образомъ, возстанавливается существенная личность человѣка въ ея первозданной недѣлимости» (цѣльности) (Кирѣевскій). Тогда жизнь души сосредоточивается въ сердцѣ, этомъ непосредственномъ и всеобъемлющемъ органѣ жизни. Тогда открывается и постиженіе высшихъ духовныхъ истинъ.

«Постигаетъ, созерцаетъ и усматриваетъ все не только одинъ интеллектъ: постиженіе шире, чѣмъ мышленіе, чѣмъ интеллектуальное сознаніе. Сердце есть тоже органъ постиженія. Оно постигаетъ многое, что недоступно интеллекту, оно постигаетъ святость, красоту, цѣннность.

Кромѣ умственного, есть эмоціональное постиженіе. Сердце есть органъ познанія, если мы беремъ познаніе во всей широтѣ узрѣнія и постиженія, далеко выходящаго за предѣлы научнаго познанія. Чтобы постигнуть недоступное изолированному интеллекту, нужно «умомъ въ сердцѣ стоять», то-есть когда умъ, соединившись съ сердцемъ, господствуетъ въ немъ; ибо и умъ, по возстановленіи цѣльности личности, концентрируется въ сердцѣ, такъ какъ личность имѣетъ единный сокровенный центръ».

«Понятіе «сердца» занимаетъ центральное мѣсто въ мистикѣ, въ религіи и поэзіи всѣхъ народовъ». «Въ библіи сердце встрѣчается на каждомъ шагу»; это органъ всѣхъ чувствъ вообще, а религіознаго въ особенности: оно органъ воли, — принимаетъ рѣшенія. «Въ сердцѣ помѣщается такая интимная, скрытая функція сознанія, какъ совѣсть, которая по слову Апостола есть «законъ, написанный въ сердцахъ». Сердце обнимаетъ собою не только явленія психической, но и физической жизни. Сердце есть центръ свободы. Только такъ можно объяснить, что изъ сердца исходятъ какъ добро, такъ и зло, какъ ненависть, такъ и любовь. Всѣ явленія жизни исходятъ отъ него и возвращаются къ нему и дѣйствуютъ на сердце. «Больше всего оберегаемаго оберегай свое сердце, ибо изъ него исходитъ жизнь» (Прит. IV, 23).

Сердце есть то самое, что въ психологіи хорошо извѣстно, какъ принципъ единства сознанія, какъ центръ сознанія.

Но сердце есть нѣчто болѣе глубокое, религіозное, остающееся недоступнымъ для научной, эмпирической психологіи. Сердце есть предѣльный, таинственный центръ личности, скрытый мистическій центръ души, вѣчный и безсмертный.

Цѣльность личности возстанавливается по мѣрѣ преодолѣнія грѣха, въ мѣру очищенія сердца отъ страстей: поэтому постиженіе духовныхъ истинъ находится въ прямой зависимости отъ состоянія моральной сферы человѣка: «Блаженни чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ».

«Тѣ, кто суть сыны свѣта и сыны служенія Новаго Завѣта во Святомъ Духѣ, тѣ отъ людей ничему не научаются, ибо они богонаучены: сама благодать пишетъ въ ихъ сердцахъ законы Духа. Имъ не нужно достигать полноты убѣжденія въ писаніяхъ, написанныхъ чернилами, ибо на скрижаляхъ сердца Божественная благодать пишетъ законы Духа и небесныя тайны. Сердце же начальствуетъ и властвуетъ надъ всѣми органами тѣла. И если благодать проникла въ долины сердца, то она властвуетъ надъ всѣми членами тѣла и надъ всѣми помышленіями. Ибо тамъ (въ сердцѣ) находится умъ и всѣ помышленія души и ея упованіе; черезъ это и проникаетъ благодать во всѣ члены тѣла.

Соотвѣтственно этому обратно тѣ, кто суть сыны мрака, въ сердцахъ тѣхъ царствуетъ грѣхъ и проникаетъ во всѣ члены, ибо «изъ сердца исходятъ злыя помышленія», и, такъ распространяясь оттуда, омрачаетъ всего человѣка» (Макарій Египетскій, Бесѣды, 15, 58).

Сятитель Димитрій Ростовскій различаетъ три состоянія познавательной способности ума въ зависимости отъ состоянія моральной сферы человѣка: «Разумъ невоздѣланный и долгимъ временемъ неочищенный есть разумъ неразумный, неправый и неистинный разумъ. Въ разумѣ бываетъ различіе, как и во всѣхъ внѣшнихъ вещахъ: бываетъ разумъ совершенный, духовный, бываетъ разумъ и весьма грубый, плотскій. Кто не позаботится самолично пройти тѣснымъ путемъ евангельскимъ и будетъ имѣть небреженіе объ очищеніи ума, тотъ слѣпъ душею, хотя бы и всю внѣшнюю мудрость изучилъ. Онъ держится только буквы убивающей, а оживляющаго духа не принимаетъ. Умъ, будучи очищенъ и просвѣщенъ, можетъ разумѣть все внѣшнее и внутреннее, ибо онъ духовенъ, а о немъ самомъ судить никто не можетъ» (I Кор. 2, 15).

Восточная (православная) аскеза зиждется на **смиреніи.** Смиреніе — ея исходное положеніе, ея основаніе.

---

*) Б. Вышеславцевъ. Сердце въ христіанской и индійской мистикѣ. Парижъ. 1929. Стр. 5—7, 12, 74, 75.

«Познавшій себя никогда не бываетъ поруганъ, чтобы предпринять дѣло выше своей силы. Онъ утвердилъ ногу свою на блаженной стези смиренномудрія» (Лѣствичникъ, 25, 50). Смиреніе приводитъ человѣка въ состояніе трезвенности, когда все видится въ истинномъ свѣтѣ, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Подвижникъ опытно знаетъ всю немощь своей человѣческой природы, видитъ все безуміе полагаться на свои немощныя силы, поврежденныя и ослабленныя первороднымъ грѣхомъ. Но въ этомъ уничиженіи открываются безконечныя перспективы: черезъ уничиженіе, (кенозисъ), открывается путь къ безконечному совершенствованію, такъ какъ смиренный привлекаетъ божественную помощь. «Вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ», утверждаетъ Апостолъ Павелъ. Апостолъ можетъ говорить такъ, потому что на той духовной высотѣ, на которой онъ находится, смиреніе становится уже «нѣкоей таинственной силой». Ее воспринимаютъ только совершенные святые, такъ какъ только они «становятся способными по природѣ своей принять ее», потому что «эта добродѣтель заключаетъ въ себѣ все» (Исаакъ Сиринъ, стр. 237). Смиреніе «есть духовное ученіе Христово» и «чувственными словами изъяснить его невозможно» (Іоаннъ Лѣствичникъ, сл. 25, 41). «Смиреніе есть безымянная благодать души, имя которой тѣмъ только извѣстно, кои познали его собственнымъ опытомъ. Оно есть несказанное богатство, Божіе именованіе» (І. Л. 25, 4).

«Солнце освѣщаетъ всѣ видимыя твари, а смиреніе утверждаетъ всѣ разумныя дѣйствія. Гдѣ нѣтъ свѣта, тамъ все мрачно; и гдѣ нѣтъ смиренномудрія, тамъ всѣ наши дѣла суетны» (І. Л. 25, 17). «Итакъ, мы не можемъ сказать въ чемъ собственно состоитъ сила и существо сего солнца (смиренномудрія), однако, по его свойствамъ и дѣйствіямъ можемъ постигать его существо» (25, 26).

«Невозможно пламени происходить отъ снѣга. Еще болѣе невозможно быть смиренномудрію въ иновѣрномъ, или еретикѣ. Исправленіе это принадлежитъ однимъ православнымъ, благочестивымъ и уже очищеннымъ» (25, 33).

Полной противоположностью Христіанству является индуизмъ. Онъ всегда отличался и отличается особенной пластичностью и способностью поглощать новыя идеи. Такъ, приблизительно за пятьсотъ лѣтъ до нашей эры онъ принялъ

ученіе Готамо-Будды и ввелъ его въ свой пантеонъ. У себя на родинѣ индуизмъ различенъ и многообразенъ въ своихъ формахъ и проявленіяхъ, и языческомъ многобожіи, но къ западу нео-индуизмъ обращенъ, главнымъ образомъ, своими буддійскими идеями и философіей. Буддизмъ имѣетъ различныя философскія направленія, но въ существенномъ они сходятся.

Ученый японецъ Сузуки въ своей книгѣ «Очерки махаянскаго буддизма» такъ его характеризуетъ: «Если буддизмъ назовутъ религіей без Бога и безъ души, или просто атеизмомъ, послѣдователи его не станутъ возражать противъ такого опредѣленія», такъ какъ понятіе о Высшемъ Существѣ, стоящемъ выше своихъ созданій, произвольно вмѣшивающемся въ человѣческія дѣла, представляется крайне оскорбительнымъ для буддистовъ». *

По поводу этихъ словъ нашъ философъ Н. О. Лосскій, отмѣчая увлеченіе буддизмомъ на Западѣ, говоритъ слѣдующее: «Такія заявленія найдутъ, конечно, откликъ у тѣхъ горделивыхъ философовъ, которые утверждаютъ, что идея искупленія противорѣчитъ требованіямъ нравственнаго сознанія, и проповѣдуютъ самоискупленіе. Среди ихъ читателей найдутся поклонники того ламы, который призываетъ «всѣхъ просвѣщенныхъ истиннымъ ученіемъ Будды привести на путь спасенія христіанскихъ варваровъ въ Европѣ, еще погруженныхъ въ глубину пропасти религіознаго невѣжества».

Исходнымъ моментомъ христіанскаго подвига, какъ уже было сказано, есть смиреніе, исходнымъ же положеніемъ въ аскезѣ индуизма является самоутвержденіе, чувство своего могущества.

Одинъ изъ современныхъ намъ учителей нео-индуизма суами Ашокананда говоритъ: «Кандидатъ долженъ сознавать, что владѣетъ энергіей и могуществомъ для достиженія успѣха и почета. Онъ долженъ сознавать это могущество свое, чувствовать заранѣе тріумфъ, который исключаетъ противоположныя чувства страха, неудачи, дезертирства. Если онъ видитъ въ себѣ послѣднія, онъ трусъ, а таковые не

---

*) Н. О. Лосскій. Христіанство и буддизмъ. Эта книжка является сокращеннымъ изложеніемъ основныхъ мыслей большого труда (1400 страницъ) В. А. Кожевникова «Буддизмъ въ сравненіи съ Христіанствомъ», 2 тт., Петроградъ, 1916. Книга эта теперь библіографическая рѣдкость. Приводимыя въ дальнѣйшемъ цитаты этого труда Кожевникова взяты изъ книжки Лосскаго. (Онѣ отмѣчены буквой К).

годятся для отреченія».* Необходимость этого интимнаго чувства могущества для начинающаго подчеркиваетъ и суами Вивекананда.

Также и Будда внушаетъ своимъ ученикамъ: «Не ищите опоры ни въ чемъ, кромѣ какъ въ самихъ себѣ; сами свѣтите себѣ, не опираясь ни на что, кромѣ, какъ на самихъ себя» (К. I. 175), и такъ похваляется: «Мною самимъ познана истина, мною самимъ достигнуто освобожденіе, мною самимъ все сдѣлано, мною самимъ все закончено».

«Наоборотъ, Христосъ», говоритъ Кожевниковъ: «не выдаетъ возвѣщаемаго Имъ ученія за исключительно Свое и всецѣло новое: это — ученіе Отца Его, это истина вѣчная, только полнѣе въ новомъ свѣтѣ Имъ вскрываемая. Онъ пришелъ не разрушить, а исполнить законъ, углубивши, раскрывши, восполнивши его» (К. II, 211).

Итакъ, самоутвержденіе исходный моментъ аскезы индуизма. Это неизбѣжно вытекаетъ изъ его понятія о Богѣ. Здѣсь, въ индуизмѣ, оно снижается до сліянія съ человѣческой природой. Человѣкъ единосущенъ Богу. «Мы знаемъ», говоритъ Ашокананда, «что все игра Божія, что Творецъ и созданіе одно»; человѣческое «я» совпадаетъ до неразличимости съ Божественнымъ «Я». Какъ говоритъ Откровеніе, причиной паденія человѣка былъ соблазнъ: «Вы будете какъ боги!» А тутъ горше этого: вы сами боги по природѣ своей.

Какъ мы видимъ, первородный грѣхъ въ индуизмѣ остается непреодоленнымъ, и онъ, этотъ первородный грѣхъ, кладетъ свою роковую, мертвящую печать на все міросозерцаніе индуиста: оно все въ категоріяхъ безблагодатнаго язычества, въ плѣну и рабствѣ «стихій міра сего», внѣ свободы духа.

Христіанство раскрываетъ намъ, что Богъ есть абсолютное Добро, Красота и Истина; и первозданный міръ носитъ отпечатокъ Творца: все прекрасно, «вся добро зѣло». И въ этой первозданной красотѣ міра зла нѣтъ: оно чуждо природѣ міра. Корень зла не въ природѣ твари, а въ ея свободѣ.

Свобода воли — величайшій, божественный даръ Творца разумной твари, одно изъ свойствъ богоподобія, основа совершенствованія, обоженія, необходимое его условіе, такъ какъ въ очахъ Божіихъ имѣетъ цѣну только свободное произволеніе, свободное пріятіе добра, и по этому признаку сво-

---

*) Pratiques Spirituelles par Swâmi Ashokânanda de l'ordre de Râmakrichna. Paris. 1946.

боды выбора происходитъ **отборъ**, такъ какъ свобода обусловливаетъ возможность и уклоненія отъ добра, отказа отъ него, измѣны своему призванію, отрыва отъ Источника жизни — Бога, самозамкнутости и самоутвержденія. Зло ипостазируется въ падшемъ ангелѣ, отдѣлившемся отъ Бога.

«И видѣлъ Я сатану спадшаго съ неба, какъ молнія!» говоритъ Спаситель.

«Какъ ты палъ съ неба, Денница, сынъ зари? А говорилъ въ сердцѣ своемъ: взойду на небо выше звѣздъ Божіихъ, вознесу престолъ мой и сяду на горѣ въ сонмѣ боговъ на краю сѣвера. Взойду на высоты облачныя. Буду подобенъ Всевышнему! Но ты низверженъ во адъ, въ глубины преисподней» (Пророкъ Исаія). Какъ созвучны съ этимъ само-превозношеніемъ «падшего херувима», по слову Господню «древняго зла», слова іога у суами Абехаданды: «я есмь уже ни ненависть, ни любовь; я не имѣю ни добродѣтели, ни порока; я абсолютная сущность, я вѣчность, я — божество, я — всемогущій, я абсолютное знаніе и свобода, я — Онъ». *

Здѣсь, какъ мы видимъ, человѣкъ отождествляется съ Божествомъ, которое по индуизму есть безличное міровое Начало: «Личность гуру (учителя) составляетъ одно съ Безличнымъ», говоритъ Ашокананда, и «вся могущественная космическая энергія заключается въ насъ самихъ».

Если въ христіанствѣ личность, возникнувъ изъ небытія, возрастая и совршенствуясь, можетъ развиваться до безконечности, то въ индуизмѣ, наоборотъ, вначалѣ возвеличившись до отождествленія съ Божествомъ, но Божествомъ безличнымъ, фатально обречена на исчезновеніе. «Наша индивидуальность угасаетъ по мѣрѣ роста нашей религіозности». (Ашокананда).

Грѣхъ, эта болѣзнь души, если онъ не преодоленъ, ведетъ ее къ гибели, непреодоленный же въ метафизикѣ индуизма, этотъ грѣхъ влечетъ всю его философскую систему къ полному уничтоженію личности.

---

*) Въ этомъ случаѣ іогъ мнитъ себя уже безстрастнымъ. Онъ ставилъ себѣ цѣлью угасить всѣ свои чувства (эмоціи) и не только грѣховныя, за исключеніемъ гордости. Но всякое сильное господствующее чувство, переходящее въ страсть, способно поглощать всѣ другія чувства и можетъ расти за ихъ счетъ. И безстрастіе индуиста только кажущееся, мнимое: за нимъ кроется гордость. Она, развиваясь за счетъ другихъ эмоцій, заполняетъ собою всю его эмоціональную сферу души.

Разсмотримъ теперь метафизическое ученіе буддизма о личности и о душѣ. Талантливый русскій ученый Розенбергъ, использовавъ до него мало изученные источники, даетъ болѣе или менѣе общую схему всѣхъ буддійскихъ направленій. Онъ показываетъ, что всѣ философскія школы буддизма отрицаютъ существованіе души, какъ древнія школы — Сарвастивадины и Шуньявадины, такъ и послѣднія — Виджнянавадины. *

По буддійской метафизикѣ каждое конкретное переживаніе человѣка слагается изъ непрерывнаго потока независимыхъ другъ отъ друга мгновенныхъ элементовъ — «дарм». Напримѣръ, радостное воспріятіе восхода солнца разлагается на сознательное чувственное воспріятіе чего-то свѣтлаго, круглаго и психическаго состоянія радости, какихъ-либо воспоминаній и т. д. Эти элементы, «дармы» раздѣляются на три рода: во-первыхъ, на элементы сознанія, во-вторыхъ, психическихъ явленій и въ-третьихъ, чувственныхъ впечатлѣній. Всѣ эти элементы мгновенно рождаются и исчезаютъ. Они суть «проявленія», «функціи» чего-то стоящаго за ними истинно реальнаго, но трансцендентнаго сознанію, а потому недоступнаго знанію. Безличная сила, формирующая сочетаніе дармъ, называется «карма». Она опредѣляетъ характеръ личности и характеръ переживаемаго ею внѣшняго міра.

Всякое длящееся бытіе, также бытіе субъекта (человѣка), есть **иллюзія.** Самъ потокъ индивидуальнаго сознанія есть не болѣе, какъ коллекція мгновенныхъ проявленій множества дарм (Р. 104, 216), потому что сознаніе является лишь извѣстнаго рода центромъ въ общемъ вихрѣ дармъ, который можно назвать «я», но это «я» есть просто сознательная сторона переживаній, — коррелятъ сознаваемой стороны, а отнюдь не самостоятельная душа въ общемъ смыслѣ этого слова (Р. 182).

Такимъ образомъ, человѣческая личность съ ея переживаніями какъ предметовъ внѣшняго, такъ и яленій внутренняго міра оказывается лишь потокомъ мгновенно смѣняющихся комбинацій мгновенныхъ же элементовъ. Поэтому нѣтъ ни предмета — солнца, ни человѣческаго «я», нѣтъ

---

*) О. Розенбергъ. Проблемы буддійской философіи. Изд. Петроградскаго У-та. 1918. Цитаты изъ этого труда берутся по книгѣ Н. Лосскаго и отмечаются буквой Р.

ничего постояннаго, а лишь вихрь элементовъ, слагающихся какимъ-то закономѣрнымъ образомъ

В результатѣ получается слѣдующее явленіе: человѣкъ, видящій предметы и переживающій психическую жизнь (то-есть непрерывный потокъ дармъ), а не человѣкъ и предметъ отдѣльно» (Р. 74).

Отрицая личность, буддизмъ проповѣдуетъ и абсолютное непріятіе міра, что съ религіозной точки зрѣнія является хулою на Творца. По буддизму міръ есть результатъ безсмысленнаго «волненія», «суеты», поднимающейся непостижимымъ образомъ изъ глубинъ Абсолютнаго. Отрицая вѣчное бытіе духа, буддизмъ видитъ въ немъ только обреченность на неудовлетвореніе и страданіе и отсутствіе положительнаго содержанія.

«Я странствовалъ долго, я долго блуждалъ
Прикованъ къ цѣпямъ бытія.
Рожденье рожденьемъ я часто смѣнялъ», говоритъ буддистъ въ «Гимнѣ торжества». И, наконецъ, онъ постигъ «откуда страданье» и

«Бремя повторныхъ рожденій
Для новыхъ смертей и для новыхъ мученій».

Причина этого зла

«Сознаніе личнаго «я»
И жажда его бытія».
«Внемли жъ себялюбье послѣднее слово
Ты впредь не создашь мнѣ обители новой».

И теперь его духъ устремляется

«В края неизмѣнной нирваны», въ которой угасаетъ всякая индивидуальность.

Не видя положительнаго содержанія въ бытіи, буддизмъ ставитъ страшную цѣль — уничтоженіе личнаго индивидуальнаго бытія и міра вообще.

Очень характерно, что разочарованіе въ жизни у Будды по преданію вызвано было не моральнымъ зломъ, а физическимъ зрѣлищемъ старости, болѣзни и смерти. Испугавшись тѣлесной смерти, Готамо ищетъ спасенія въ смерти абсолютной, въ совершенномъ уничтоженіи бытія.

Евангеліе открываетъ намъ, что совершенство въ полнотѣ любви. По ученію Будды совершенство въ полнотѣ знанія, которое заключается въ усмотрѣніи, что нѣтъ ничего цѣннаго и достойнаго любви, что всякое бытіе не субстанціонально, что оно существуетъ только въ связи съ потокомъ

сознанія и должно быть уничтожено радикально путемъ самоуничтоженія личности.

По буддизму знаніе постигаетъ ничтожность всего сущаго, и вся его аскеза направлена къ освобожденію отъ влеченія къ бытію постепеннымъ угашеніемъ всѣхъ проявленій духа.

Всѣ усилія буддійскаго мудреца въ его «полуфилософской, полумистической работѣ» направлены не «къ величайшей Реальности, къ абсолютному Бытію — Богу, а къ уменьшенію интенсивности бытія, къ сліянію саморазлагающагося и искусственно разлагаемаго живущаго существа съ абсолютным небытіемъ — нирваною. Это не ростъ духа, составляющій цѣль христіанской аскетики и мистики, не очищеніе и обоженіе чувствъ, желаній, мыслей, а полное угашеніе ихъ.

Поэтому отъ буддійскаго экстаза «вѣетъ леденящимъ холодомъ, настоящимъ дыханіемъ смерти... Нѣтъ здѣсь здоровой теплоты того «умнаго свѣта», что озаряетъ горнія выси аскетики восточно-православной. Это не пареніе духа, окрыляемаго любовью; это хладнокровный самоанализъ духа, безжалостная вивисекція его, напряженная работа «яснаго сознанія» вплоть до самоумерщвленія даже и сознанія. И во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ, выдумываніяхъ, «углубленіяхъ» и «достиженіяхъ» — ни разу ни единаго воспоминанія, ни единаго слова о любви. Но зато сколько заботъ, думъ, грезъ объ «угашеніи», о «прекращеніи»... Одолѣть роковую карму единственнымъ возможнымъ путемъ — уходомъ изъ подъ мертвой петли причиняемыхъ ею перевоплощеній, — вотъ конечная цѣль системы экстатическихъ переживаній» (К. II, 267—270).

Въ буддійской аскезѣ молитва замѣнена **медитаціей.** Она состоитъ изъ размышленій о конкретныхъ и отвлеченныхъ предметахъ, — упражненія вниманія при помощи механическихъ и психическихъ средствъ. Въ связи съ процессами интенсивнаго сознанія происходитъ возрастаніе экстатическаго состоянія («углубленія»). При этомъ большое значеніе придается упражненіямъ въ контролѣ дыханія. Переходящими ступенями къ нирванѣ являются нравственная дисциплина (адисила), затѣмъ идутъ интеллектуальныя тренировки (адичитта и адипанна). Послѣдняя есть дисциплина «высшей мудрости». Въ ней въ интуиціи происходитъ сліяніе съ «высшими истинами». Адипанна переходитъ въ локатурру, — нѣкое трансцендентальное состояніе при полномъ

отрывѣ отъ настоящаго міра, которая открываетъ уже путь къ нирванѣ (К. II. 227, 235—240).

Въ этой тренировкѣ адептъ проходитъ девять ступеней экстаза.

Останавливаться на этомъ не будемъ. Обратимъ вниманіе только на девятую, высшую степень экстаза — прекращенія какъ мысленнаго воспріятія, такъ и ощущенія. Этотъ «нигилистическій итогъ» со стороны «представляется въ видѣ каталептическаго, безсознательнаго состоянія, подобно глубокому сну, длившемуся иногда до семи дней съ прекращеніемъ, какъ полагали, всѣхъ тѣлесныхъ и духовныхъ отправленій, и съ приближеніемъ къ смерти, отъ которой это состояніе отличается сохраненіемъ нѣкоторой внутренней теплоты и возможностью возврата къ обычному функціонированію организма» (К. II, 266). И это состояніе — предверіе нирваны дается за мудрость.

Послѣдняя цѣль достигнута: «изсякла, побѣждена жизнь, закончена святость, свершенъ подвигъ: міръ этотъ болѣе не существуетъ». Такова «очевидная награда подвижничества. Иной высшей и желательной награды нѣтъ!» (К. I, 154).

Предвкушеніе вѣчной смерти наполняетъ душу буддійскихъ аскетовъ непонятнымъ намъ восторгомъ:

«Сгорѣла я; истлѣла я;
Угасла я; остыла я,
И навсегда, и навсегда.
И не воскресну никогда!
Міръ вѣчныхъ смѣнъ, — разрушенъ онъ,
И къ бытію нѣтъ возвращенья.
Все бытіе истреблено
И вытравлено все оно.
Жизнь вытравлена до корней,
И не вернуться снова къ ней». (Therigatha).

Проф. Б. Вышеславцевъ различаетъ два типа индійской мистики: первый типъ — система Веданты: личность растворяется въ Абсолютномъ безъ остатка, какъ капля воды въ океанѣ, какъ кусокъ соли въ холодной водѣ, и тогда существуетъ только Брахманъ (Богъ), и нѣтъ человѣка, — **теософскій пантеизмъ.** Все бытіе призрачно, все «игра Божія», «покровъ Майи, все уравнивается въ безразличіи, все исчезаетъ подъ покровомъ савана смерти.

Во второмъ типѣ индуизма, системѣ Санкья, «мое высшее «я», отъ всего отрѣшенное, будетъ высшей послѣдней реальностью. Тогда будетъ только человѣкъ, и не будетъ Бога. Здѣсь уже атеизмъ чистой воды, — **антропософскій атеизмъ.** Такимъ образомъ, нирвану можно истолковать въ послѣднемъ случаѣ, какъ атеистическое потуханіе сознанія; или въ первомъ, какъ пантеистическое раствореніе въ Абсолютномъ».

«Здѣсь передъ нами вскрываются кощунственныя съ религіозной точки зрѣнія и философски непослѣдовательныя формы ученія пантеизма, чрезмѣрное сближеніе міроваго бытія съ Абсолютнымъ и внесеніе недостатковъ («суеты», «волненія») въ само Абсолютное».

Вмѣстѣ съ отрицаніемъ индивидуальности исчезаетъ и понятіе свободы воли, а слѣдовательно и грѣха. Такимъ образомъ, стирается грань между добромъ и зломъ. Въ христіанствѣ же рѣзкая грань раздѣляетъ ихъ. Между добромъ и зломъ непроходимая пропасть. Они несовмѣстимы, какъ огонь и вода.

Цѣль христіанскаго подвига освободиться совершенно отъ зла, достигнуть возможнаго совершенства за періодъ своей земной жизни. Такимъ образомъ, время въ христіанствѣ пріобрѣтаетъ очень высокую цѣнность. Особенно хорошо понимали это великія святые и каждымъ мгновеніемъ своей жизни стремились пріобрѣтать вѣчныя цѣнности. Земная жизнь коротка и исчезаетъ совершенно предъ безконечной вѣчностью; но послѣдняя всецѣло зависитъ отъ первой. Залогъ истинной жизни долженъ получить свое начало здѣсь «въ мѣстѣ смерти»: «кто не старается здѣсь стяжать эту жизнь въ душѣ своей, да не обольщаетъ себя тщетною надеждою» (Исаакъ Сиринъ, стр. 57).

Индуизмъ же совершенно обезцѣниваетъ время своимъ предательскимъ ученіемъ о переселеніи душъ. По древне-индійской легендѣ Сакья Муни, чтобы стать Буддой и достигнуть совершенства, былъ 83 раза аскетомъ, 53 раза царемъ, 24 раза браминомъ, 43 — богомъ деревьевъ, 5 разъ рабомъ, 1 разъ плясуномъ, 2 раза лягушкой и 2 раза свиньей.

По вѣрѣ буддиста этотъ цѣлый рядъ перевоплощеній неизбѣженъ по причинѣ закона возмездія, «кармы», механическаго закона причины и слѣдствія, перенесеннаго въ духовную жизнь. Кождое новое воплощеніе несетъ всю отвѣтственность за прежнюю жизнь, и законъ кармы требуетъ искупленія, главнымъ образомъ за тяготѣніе къ бытію.

Христіанинъ же въ Богѣ получаетъ всю полноту свободы и возвышается надъ міромъ и всѣми его законами, и грѣхъ преодолѣвается покаяніемъ и пріятіемъ креста: «Разбойника благоразумнаго во единомъ часѣ раеви сподобилъ еси, Господи, и мене древомъ крестнымъ просвѣти и спаси мя» (Эксапостиларій на утрени Великаго Пятка).

Чуждо и непонятно буддисту такое благоговѣйное и полное надежды и любви обращеніе христіанина къ своему Спасителю. Буддисту не къ кому обратиться съ молитвою: «не проси ничего у Молчанія, ибо Оно не можетъ ни говорить, ни слышать», говоритъ ему Будда.

Первобытное ученіе о переселеніи души, сохраняемое простонародной религіей буддизма, отрицается его философіей: происходитъ не переселеніе (трансмиграція) души (субстанціональнаго я), которой будто бы нѣтъ, а лишь перегруппировка элементовъ (дарм) въ новое живое существо подъ вліяніемъ кармы; она же, карма, связываетъ предыдущій индивидуальный потокъ сознанія съ послѣдующимъ. Кожевниковъ указываетъ на произвольность и непонятность этого ученія: съ одной стороны утверждается осмысленная нравственная связь перевоплощеній, а съ другой отрицается существованіе души, безъ которой эта связь невозможна. (К. II, 739, 741. Указанія на буддійскую литературу II, 301).

Буддійская литература богата высокими ученіями и трогательными поэтическими повѣстями о любви, самопожертвованіи, жалости ко всему живому, непротивленіи злу зломъ. Но отрицаніе цѣнности всякаго бытія понижаетъ и цѣнность нравственныхъ понятій, выработанныхъ буддизмомъ. Симпатія ко всему живому пріобрѣтаетъ характеръ не положительной любви къ его положительному цѣнному содержанію, а только жалости къ чужому страданію и стремленію избавить другихъ отъ этого страданія. Буддизмъ это состраданіе безъ любви.

При отсутствіи положительной цѣли нерѣдко акты самопожертвованія принимаютъ уродливыя формы: «Жалостливый царь уступаетъ простому поденщику полъ царства, чтобы избавить его только отъ труда въ знойный полдень». Царевичъ Вишвантара уступаетъ демону двухъ сыновей и «радостно смотритъ, какъ тотъ пожираетъ ихъ точно пучекъ овощей». Бодистава отшельникъ отдаетъ себя на съѣденіе голодной тигрицѣ, собиравшейся растерзать своихъ новорожденныхъ дѣтенышей. Мудрый заяцъ Шаша, встрѣтивъ голоднаго брамина, самъ прыгаетъ въ костеръ, чтобы накор-

мить его своимъ мясомъ, предварительно отряхнувшись, «чтобы, неровенъ часъ, не погубить мелкую тварь въ шерсти своей» (К. I, 218).

Для буддизма характерно, говоритъ Кожевниковъ: «настойчивое внушеніе жалости къ животнымъ, доходившее въ буквальномъ смыслѣ слова до «оцѣживанія комара» (напомнимъ джатаку о попавшемъ на колъ за насаживаніе комара на иголку), и въ то же время непозволительное равнодушіе къ страданіямъ людей, выразившееся, если не въ полномъ отсутствіи помощи, то, во всякомъ случаѣ, въ очень малыхъ и рѣдкихъ проявленіяхъ этой помощи» (К. II, 436, 403, 430).

Буддизмъ, стремящійся уничтожить жизнь, ненавидитъ женщину за то, что она является носительницей новой жизни. «Ни одна религія не отнеслась къ ней столь враждебно и отрицательно, какъ буддизмъ. Женщина не только не равноправна съ мужчиной въ мірѣ духовномъ, какъ въ христіанствѣ, она даже не низшее существо сравнительно съ мужскимъ, какъ въ магометанствѣ ... Она существо глубоко несовершенное .... Она внѣ области спасенія, и врагъ его естественный, могущественный и неисправимый ... «Женщина — очагъ страстей, претящій и презрѣнный», «самое нечистое, самое чудовищное изъ существъ», «подлинный» для нихъ «адъ», говорятъ священные тексты. И въ буддійской словесности множество повѣстей, изображающихъ гнусность женщины (К. II. 501, 510).

Завершая свой огромный трудъ, Кожевниковъ говоритъ: «Ни до буддизма, ни послѣ него никто не отваживался на столь рѣшительный шагъ въ сторону полной безнадежности; только онъ рѣшился на этотъ шагъ»... Значеніе его для насъ въ томъ, что онъ къ намъ «приблизилъ чашу отчаянія, почерпнутую изъ мертвящихъ струй нирваны» и этимъ «осязательнѣе и убѣдительнѣе» даетъ понять намъ и заставляетъ насъ принять всю «истину рѣченія Спасителя: «Безъ Мене не можете творити ничесоже».

«Въ лицѣ буддизма тварь забыла и отринула своего Творца и Промыслителя, поставивъ на его мѣсто роковой, безсмысленный круговоротъ будто бы безначальныхъ, слѣпыхъ, космическихъ силъ. Отсюда неутѣшная, неисцѣлимая скорбь буддійскаго пессимизма, этого законченнаго воплощенія «души, не имѣющей упованія».

Утративши вѣру въ Творца, она потеряла вѣру и въ себя, а невѣріе и гордость помѣшали ей примкнуть къ моле-

нію «души болѣзнующей, помощи и спасенія требующей»: «Твореніе и созданіе Твое бывъ, не отчаяваю своего спасенія» (2-ая молитва Василія Великаго предъ святымъ Причащеніемъ). «Твой есмь азъ, спаси мя!» (Пс. 118, 94) (К. II, 754).

Въ нашемъ изслѣдованіи говорилось о тяготѣніи Запада къ индуизму, о его тамъ распространеніи и горделивомъ притязаніи замѣнить собою христіанство. Отмѣчалось и то, что индуизмъ отличается необыкновенной пластичностью и приспособляемостью. Такъ, приспособляясь и къ психологіи европейца, онъ многое бралъ изъ христіанства. Надо полагать, что и въ дальнѣйшемъ индуизмъ будетъ продолжать заимствовать нѣчто у христіанства, можетъ быть, даже до неразличимости своей съ послѣднимъ для неопытнаго или поверхностнаго взгляда. Да и теперь многимъ кажется, что разница между ними не такъ ужъ и велика. Но для индуизма всегда останется недоступнымъ исповѣдать Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ, воплотившимся Логосомъ (Словомъ), Вторымъ Лицомъ Пресвятой Троицы, а также принять основаніе Христова ученія — смиренномудріе, другими словами, признать христіанство. Основа индуизма самоутвержденіе, гордыня. Отречься отъ этого значитъ отречься отъ самого себя *.

Въ противоположность индуизму въ Православіи все стройно и незыблемо. Такъ, въ Православіи догматъ и аскеза (вѣра и подвигъ) гармонично связаны между собой. Догматъ обусловливаетъ аскезу, а аскетическій опытъ подтверждаетъ догматъ. Всему же основа смиренномудріе. Православіе можно принимать только всецѣло: взятое отъ него частично, оторванное отъ цѣлаго, сразу же лишается своей реальности. Остается лишь мечтательность, а «всякая мечтательность есть скитаніе ума внѣ истины, въ странѣ призраковъ, несуществующихъ и немогущихъ осуществиться, льстящихъ уму и его обманывающихъ» (Игнатій Брянчаниновъ, II, 379).

Мрачно и жутко становится при соприкосновеніи съ буддизмомъ, хотя послѣдній и рядится въ тогу величія. Онъ ведетъ человѣка къ величайшему грѣху — грѣху духовнаго самоубійства, вѣчнаго отлученія безсмертной души отъ ис-

*) И Толстой потому имѣетъ тяготѣніе къ индуизму, что ихъ роднитъ гордыня.

точника жизни — Бога. На немъ печать гордаго отверженнаго духа отрицанія, смерти.

Вѣра же Христова исполненна величайшаго оптимизма.

«Не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо и не приходило то на сердце человѣку, что приготовилъ Богъ любящимъ Его» (Исаія, 64, 4; I Корѳ. 2, 9).

Все Божіе выше пониманія ограниченнаго разума человѣческаго; для него непостижимо и грядущее блаженство праведниковъ. У человѣка величайшее призваніе. Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій говоритъ:

«Мы приглашаемся въ сообщество Херувимовъ, Серафимовъ, Престоловъ, Господствъ, Ангеловъ и Архангеловъ вмѣсто падшихъ, возгордившихся духовъ. Эти возгордились и сказали въ себѣ Богу: как-то Ты восполнишь нашъ недостатокъ, который для Тебя нестерпимъ и ощутителенъ, какъ для Премудраго, не терпящаго ни въ чемъ недостатка и дисгармоніи въ мірѣ Своемъ?» *

Но премудрости и всемогуществу Божіимъ нѣтъ предѣла. По безконечному пространству, какъ бы мановеніемъ Божественной руки, разсыпаны безчисленные звѣздные міры, необыкновенной красоты и гармоніи. И среди этого огромнаго космоса затерялась пылинка-Земля. И на ней изъ праха и ничтожества возникаетъ новое существо — человѣкъ съ величайшимъ даромъ богоподобія.

«Господь изволилъ, говоритъ Іоаннъ Кронштадтскій, создать изъ персти человѣка и перстными существами восполнить недостатокъ ангельскихъ міровъ, вслѣдствіе отпаденія гордыхъ духовъ; и это безконечное посрамленіе, безконечно великое наказаніе гордецамъ. Оттого-то они всѣ силы адскія употребляютъ на погубленіе людей. Для большаго показанія любви Своей и для большаго посрамленія діавола Самъ Господь облекся въ перстное тѣло человѣка, чтобы исхитить его изъ власти діавола».*

Св. Григорій Палама указываетъ цѣлый рядъ причинъ Боговоплощенія:

«Итакъ, Сынъ Божій сталъ человѣкомъ, чтобы показать на какую высоту Онъ насъ возводитъ;

чтобы мы не превозносились, будто мы сами по себѣ побѣдили порабощеніе діаволу;

---

*) Іо., Кр. «Моя жизнь во Христѣ», II, 299.

чтобы Онъ (Сынъ Божій), какъ сугубый естествомъ, сталъ посредникомъ, соразмѣрно согласуя свойства обоихъ естествъ;

чтобы разрушить узы грѣха;

чтобы показать любовь Бога къ намъ;

чтобы показать въ какую бездну зла мы впали, что потребовалось воплощеніе Бога;

чтобы стать для насъ примѣромъ униженія, которое связано съ плотію и страданіями;

чтобы стать цѣлительнымъ средствомъ противъ гордости;

чтобы показать, что Богъ создалъ наше естество добрымъ;

чтобы стать начальникомъ новой жизни, подтвердить воскресеніе и прекратить безнадежность;

чтобы, ставъ Сыномъ Человѣческимъ и причастившись смерти, сдѣлать людей сынами Божіими и участниками божественнаго безсмертія;

чтобы показать, что естество человѣческое въ отличіе отъ всѣхъ тварей создано по образу Божію; что оно настолько сродно, что можетъ съ Нимъ соединиться въ одной Ипостаси;

чтобы почтить плоть, именно смертную плоть;

чтобы высокомѣрные духи не смѣли считать и о себѣ думать, что они честнѣе человѣка, и что они могутъ обожиться вслѣдствіе своей безплотности и кажущагося безсмертія;

чтобы сочетать раздѣленныхъ естествомъ людей и Бога, Самъ Христосъ становится посредникомъ въ обоихъ естествахъ». *

Воплощеніе Логоса, принесшее міру неисчислимыя блага, является, можетъ быть, большимъ проявленіемъ любви Божіей, чѣмъ даже твореніе міра. Но помимо этихъ двухъ главныхъ моментовъ въ домостроительствѣ Божіемъ, творенія міра и Боговоплощенія, предстоитъ еще третій моментъ, не менѣе значительный, чѣмъ эти первые два. Это возстановленіе падшаго міра (Апокатастасисъ) новымъ Божественнымъ творческимъ дѣйствіемъ во время грядущаго второго пришествія Сына Божія на землю, когда зло и смерть бу-

---

*) Архимандритъ Кипріанъ. Антропологія св. Григорія Паламы. Парижъ. 1950. Стр. 379.

дутъ окончательно побѣждены, зло окончательно изъято изъ міра и изолировано, когда міръ будетъ преображенъ Божественными энергіями. «И видѣлъ я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали», восклицаетъ Тайнозритель: «Я, Іоаннъ, увидѣлъ святой городъ Іерусалимъ, новый, сходящій отъ Бога съ неба, пріуготовленный, какъ невѣста... И услышалъ я громкій голосъ съ неба, говорящій: се скинія Бога съ человѣками, и Онъ будетъ обитать съ ними; они будутъ Его народомъ, и Самъ Богъ съ ними будетъ Богомъ ихъ... И сказалъ Сѣдящій на престолѣ: се творю все новое!» (Ап. 21, 1—5).
